

ЕКАТЕРИНБУРГ
в
мундире

ЕКАТЕРИНБУРГ
в
мундире

ЕКАТЕРИНБУРГ В

В.Н. ЗЕМЦОВ

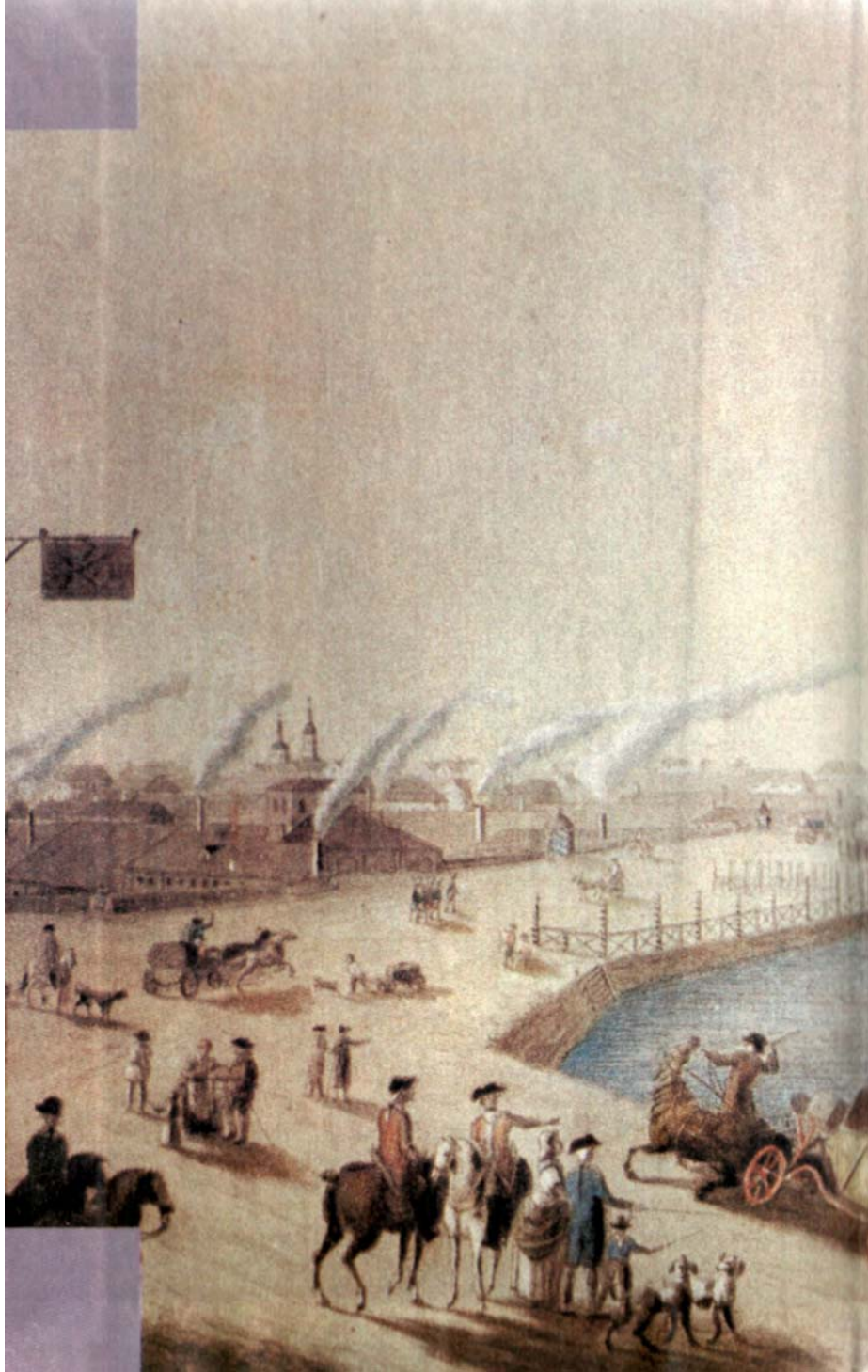
В.А. ЛЯПИН

мундире

ЕКАТЕРИНБУРГ
в
мундире

ЕКАТЕРИНБУРГ
в
мундире

В. Н. ЗЕМЦОВ, В. А. ЛЯПИН

ЕКАТЕРИНБУРГ

В

мундире

Форменная одежда в истории
Екатеринбурга
XVIII - начала XX в.

Екатеринбург
Средне-Уральское книжное издательство
1992

Авторы книги — кандидаты исторических наук, доценты, члены Екатеринбургского военно-исторического клуба (ЕВИК). Этот клуб объединяет десятки людей разных возрастов и профессий, увлеченных воссозданием забытых страниц отечественной и зарубежной военной истории. Особое внимание члены ЕВИК уделяют истории оружия, наград и, конечно же, истории мундира.

Книга рассказывает о прошлом Екатеринбурга через историю форменной одежды военных и чиновников горно-заводского Урала. Книга хорошо иллюстрирована. Рассчитана на широкий круг читателей — всех, кто интересуется историей Урала и историей костюма.

Рецензент В. К. Некрасов, краевед

Художник Ю. В. Пятков, член ЕВИК

Слайды А. А. Черей

Редактор Л. Г. Золотарева

1805080000-027
3 ————— 44-92
М 158(03)-92

ISBN 5—7529—0477—3

© Земцов В. Н., Ляпин В. А., 1992.

© Художник Пятков Ю. В., 1992.

© Средне-Уральское книжное
издательство, 1992.

ВВЕДЕНИЕ

В 1993 г. Екатеринбург исполняется 270 лет. Как выглядел Екатеринбург конца XIX — начала XX в., мы можем представить по фотографиям. Облик города более раннего периода — по картинам, рисункам, гравюрам. Сложнее представить себе горожан того времени. Для этого нужно прежде всего знать, во что они одевались.

Издавна одежда играла заметную роль, говорила о социальной принадлежности ее владельца. Недаром человека «встречали по одежке». Особым почетом и уважением пользовался у наших предков военный мундир, свидетельствующий о том, что носящий его находится на государственной службе, является «государевым человеком», защитником Отечества. «Нет чести выше — носить русский мундир!» — говорил М. И. Кутузов.

Наш город строился не только как завод, но и как крепость. Среди его строителей и первых жителей были солдаты Тобольского полка, а руководили строительством служившие в артиллерии капитан В. Н. Татищев и генерал В. И. Геннин. Позже, на рубеже XVIII—XIX вв., в Екатеринбурге был расквартирован мушкетерский полк, носивший имя города и в дальнейшем покрывший себя славой на полях сражений почти всех войн, которые вела Россия в XIX — начале XX в.

Но военный мундир символизировал не только славу русского оружия. Нередко он олицетворял и феодально-крепостническое угнетение, на Урале — наиболее тяжелую его форму: военизированное крепостничество. Певец Урала, писатель-демократ Д. Н. Мамин-Сибиряк писал, что перед порядками, царившими в Екатеринбурге, «блекнут военные поселения Аракчеева... Это было настоящее государство в государстве; тут были свои законы, свой суд, свое войско...». Войско это составляли выполнявшие полицейско-карательные функции горные и линейные батальоны, находившиеся в распоряжении Главного начальника горных заводов Уральского хребта (в чине генерала), в руках которого была

сосредоточена вся власть в «горном городе» Екатеринбург и на всем горнозаводском Урале.

Екатеринбург действительно был «городом в мундире». На его улицах мелькали генеральские эполеты и мундиры горных чиновников, тужурки учащихся горного училища и форменные фуражки гимназистов. Во время революционных событий 1917 г. на улицах можно было видеть серые шинели солдат расквартированных в городе запасных полков.

Оживить сухие исторические факты можно только тогда, когда мы достоверно представим себе людей, живших в той или иной эпохе, а это невозможно, если не знать историю костюма, и в особенности историю форменной одежды.

В этой книге мы попытаемся прочесть историю нашего края, нашего города так, как она отразилась в истории военного и гражданского мундира. Пусть наша попытка будет новым мазком в многокрасочной картине истории седого Урала.

Авторы выражают благодарность всем тем, кто оказал помощь в подготовке этой книги: сотрудникам Государственного архива Свердловской области и Центрального государственного военно-исторического архива, работникам Свердловского государственного историко-краеведческого музея (СГИКМ) — Л. И. Зориной, О. Н. Потемкиной, Н. А. Гончаровой и Т. В. Шершневой работникам научной библиотеки Уральского Государственного университета — Н. Е. Цыпиной, О. М. Кадочиговой, М. В. Ивановой, И. В. Земсковой, Е. С. Соколовой, главному хранителю фондов Екатеринбургского музея изобразительных искусств (ЕМИИ) Ф. Г. Винокуровой, любителю фалеристики Н. Б. Неуймину, петербургскому знатоку униформологии В. П. Турусову, кандидатам исторических наук, доцентам А. В. Черноухову и Г. Н. Шапошникову. Особую признательность авторы выражают краеведу В. К. Некрасову, чьи обширные знания по военной истории Екатеринбурга существенно помогли при написании книги.

ГЛАВА

1

**ПЕТРОВСКОЕ
ДЕТИЩЕ**

Восемнадцатый век начинался в России бурно; Страна с необыкновенным упорством рвалась из столетней отсталости и ленивого существования, стремясь догнать ушедшие далеко вперед государства Западной Европы. Стремительно менялись почти все стороны российской жизни: экономика, военное дело, менялся быт, менялась и одежда.

В январе 1700 г. царь Петр издал указ, который предписывал «... и жильцам (дворцовая стража. — *Авт.*) и всех чипов служилым и приказным и торговым людям, и людям боярским, на Москве и в городах, носить платье венгерские... »¹. Позже указ был распространен и на другие сословия, оставив старое русское платье только ямщикам, пахотным крестьянам и духовенству. Но слишком уж походил венгерский кафтан на традиционные в России просторные рубахи, армяки*, азямы** и зипуны***. Вскоре и он указом Петра был заменен на «немецкое платье», надеваемое по будням, и французское — по праздничным дням². Однако было бы наивно думать, что вся огромная, неповоротливая страна вмиг облачилась в одежду нового, непривычного покроя. Большинство населения продолжало ходить в туникообразных рубахах и традиционных портах, надевая сверху в теплое время года армяки и зипуны, а зимой — овчинные тулупы, шубы и полушубки. На ногах часто можно было видеть вплоть до XX века кожаные поршни или лапти из лыка и бересты³.

В войсках смена одежды проходила более решительно. В 1699—1700 гг. Петр заменил русский стрелецкий кафтан западноевропейским. Просторный, однобортный кафтан доходил до колен. Вместо воротника — узкая обшивка. На рукавах широкие (от 12 до 18 см) разрезные обшлага, из-под которых были видны рубашечные сборки. Сзади и по бокам пол шли «прорехи» и многочисленные складки (по сторонам задней «прорехи» были украшения в виде петель, от трех и более). По бокам — «большие карманные клапаны с пятью зубцами. На левое плечо для удержания ремня или перевязи пришивался

---

* Армяк — верхняя долгополая распахная одежда из толстой грубой шерстяной ткани или сукна в виде халата.

** Азям — просторный кафтан без воротника, имеющий глубокий запах и застегивающийся часто на крючки.

*** Зипун — близок азяму; тип кафтана без воротника, с длинными рукавами и раскошенными книзу полами.

красный шнур, застегнутый у воротника на обтяжную пуговицу. Остальные пуговицы, которые могли быть самыми разнообразными (медными— дутыми и конусообразными, обтяжными, оловянными, костяными), пришивались на левом борте — от 12 до 16, на обшлагах и клапанах — по 4, на боковых разрезах пол — по 2. Под кафтан надевался камзол (вид жилета), который был короче кафтана на 14—18 см и не имел обшлагов. Штаны, немного ниже колен, застегивались на боках небольшими пуговицами. На ноги солдат надевал чулки и тупоносые башмаки, пряжку которых закрывал кожаный клапан. Черная шерстяная шляпа с круглой тульей, поля которой были загнуты с трех сторон и обшиты по краю белым шнуром, а также черный галстук со свисающими на грудь концами завершали типичное платье петровского солдата⁴.

Именно такую одежду надел на себя в начале 1704 г. Василий Татищев, происходивший из старинного княжеского рода. Тогда ему было 17 лет. Крепкий сложением, как и его брат Иван, Василий был зачислен в драгунский полк. С радостью и волнением облачился Василий Татищев в новую для него европейскую одежду. К сожалению, мы не можем точно определить расцветку обмундирования молодого драгуна. В те годы на экипировку русских солдат использовалось исключительно заграничное сукно — английское, немецкое, голландское. Закупалось оно партиями различного цвета. Поэтому и полки одевались то в зеленые кафтаны с красными камзолами и штанами, то под красные кафтаны натягивали зеленые камзолы и штаны. Особенно часто штаны и камзолы делали из различной кожи: лосиной, козьей, оленьей. Сохранились только отрывочные сведения о цветах обмундирования некоторых пехотных и драгунских полков того времени. Более того, в одном и том же полку роты могли иметь обмундирование самой различной расцветки⁵.

С большей определенностью мы можем описать амуницию и вооружение молодого Татищева. Портупея драгуна, как, впрочем, и пехотинца, состояла из желтого сафьянового или лосиного ремня, подшитого кожей и простроченного по краям, и из широкой раздвоенной лопасти, в которую вкладывались ножны шпаги или палаша, а также ножны багинета (позже — штыка). Порту-

пею носили по поясу, поверх кафтана, застегивая спереди латунной продолговатой пряжкой. Шпага имела узкий обоюдоострый железный клинок длиной приблизительно в 70 см, латунный или железный эфес, деревянная рукоять которого была перевита проволокой. Зача-

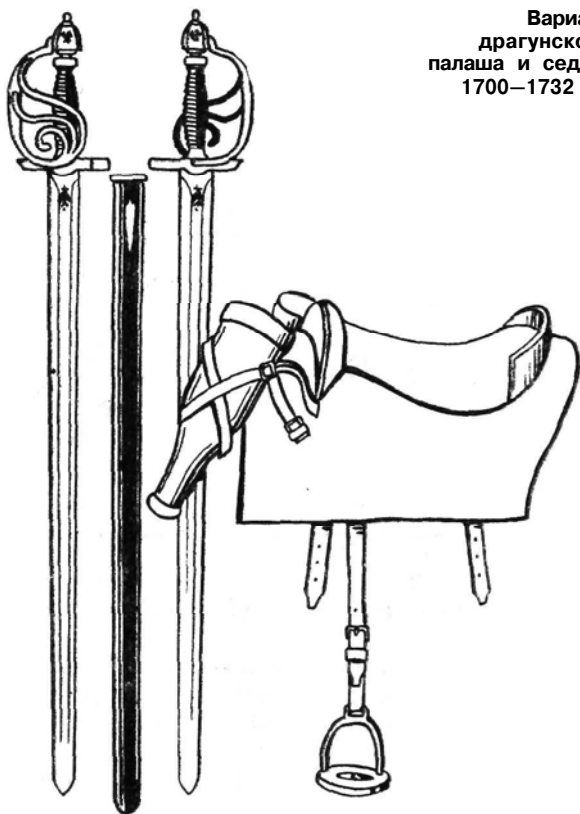
**Драгун
армейского
драгунского
полка.
1700—1720 гг.**

стую драгун мог иметь на вооружении не шпагу, а палаш, который отличался более длинным, широким клинком и одной острой стороной. Через левое плечо рядовой драгунского полка Татищев надел широкую лосиную перевязь, которая внизу имела железную петлю с крюком для крепления фузеи (ружья). Дуло фузеи

вставлялось в кожаную трубку (бушмат), прикрепленную с помощью ремня в передней правой части седла. Сама фузья могла быть самой разнообразной по калибру, длине и даже по типу замка. Весила петровская фузья от 4, 6 до 5, 7 кг, имея дальность стрельбы до 300 ша-

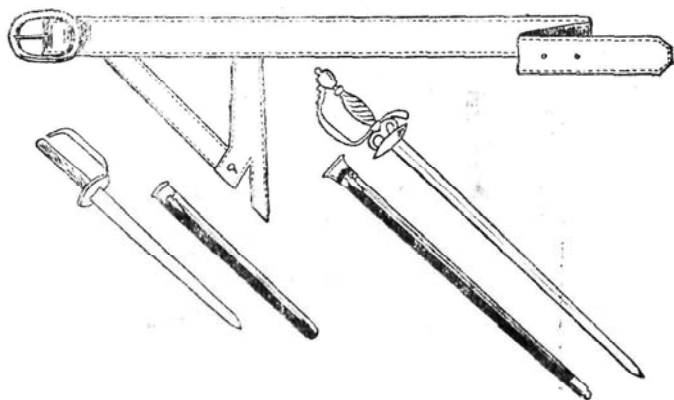
**Вариант
драгунского
палаша и седла.
1700—1732 гг.**

гов, а действительную — только 60 шагов. До 1708 г. фузьи отпускались войскам без штыков, заменой которых служили так называемые багинеты — длинные ножи, вставлявшиеся рукояткой в канал ружейного ствола. Патроны у драгун хранились у правого бока в кожаных сумках размером 24X20X6 см, которые носи-

лись на перевязи, надетой через левое плечо. Немного позже суму стали украшать крупной латунной бляхой с вензелем Петра I, а еще позже — двуглавым орлом. Вместо ранцев, существовавших в пехоте, драгунам отпускалась большая кожаная переметная сума, которая

**Багинет,
шпага и португя.
1700—1732 гг.**

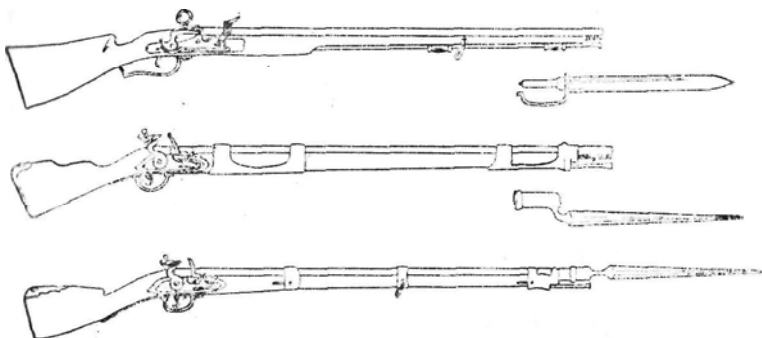
пристегивалась сзади к седлу. Седла в то время у драгун были небольшие, позаимствованные у шведской кавалерии, с железными стременами. Возможно, позже Татищев получил тяжелое немецкое седло с широким сиденьем. В любом случае с левой стороны седла была привязана кожаная ольстра (кобура), в которую вставлялся пистоль (пистолет). Как и фузея, он мог быть самой разнообразной формы и величины. Некоторые пистолы имели замки колесного типа. Все пистолы того времени были в медной или железной оправе, а шомпол был деревянным.

Наконец, кроме всего прочего молодой Татищев для действий в конном, строю получил большие тупоносые сапоги с раструбами и железными шпорами, а также короткую суконную епанчу (род плаща) для защиты от непогоды. Несмотря на то что епанча имела два воротника (отложной и висячий), она шилась короткой и уз-

кой и слабо могла защитить петровского солдата от дождя и стужи⁶.

После весьма беглого обучения драгунский полк, в котором служил Татищев, был переброшен под Нарву. Здесь, в августе 1704 г., молодой дворянин впервые по-

Фузеи.
1701, 1710
и 1717 гг.

нюхал пороху. 9 августа * русские войска начали штурм шведской крепости, комендантом которой был знаменитый полковник Горн. Впрочем, гарнизон Нарвы, скорее всего, только частично состоял из собственно шведских подразделений. Основной массой могли быть финские и ливонские вербованные части, которые легко можно было отличить по сермяжным кафтанам (шведские части имели кафтаны синего цвета)⁷. Именно здесь, под Нарвой, русские использовали синие епанчи гвардейского Семеновского полка, инсценировав подход помощи к осажденному Горну, и на плечах вышедших за ворота шведов ворвались в крепость. Через несколько дней сдался и Ивангород. Сегодня уже невозможно установить, какое участие в этих событиях принимал Василий Татищев, но несомненно, что он показал себя неплохо,

---

* Все даты даны по старому стилю.

так как в 1705 г. был уже офицером⁸. До этого, скорее всего, Татишев был некоторое время урядником (унтер-офицером). Впрочем, на его мундире это никак не отразилось⁹.

После получения Татишевым офицерского чина по

Офицер драгунского полка. 1700—1732 гг.

Вариант гренадерской шапки гарнизонных полков. 1700—1732 гг.

Вариант алебарды сержанта гарнизонного полка. 1700—1732 гг.

Варианты протазана и шпаги гарнизонного офицера. 1700—1732 гг.

борту его кафтана и камзола, а также по краям обшлагов и карманных клапанов заблестел золотой галун. Такой же галун был пришит на боковых разрезах штанов и по краю полей шляпы. Все пуговицы стали вызолоченными, черный галстук сменился на белый из тонкого полотна, а шляпа украсилась плюмажем из белых и красных перьев. На руках появились лосиные перчатки с раструбами. Металлические части шпаги стали вызолоченными, а португеза была обшита по краям узким золотым галуном. В парадном строю на Татищеве мог быть большой непудренный парик и широкий трехцветный шарф (из белой, синей и красной полос *) с двумя серебряными кистями, который надевался через правое плечо. В пешем строю в руках у офицера была трость. Кроме шпаги драгунскому офицеру полагалась пара пистолетов, которые помещались по обеим сторонам седла в ольسترях, покрытых чушками (суконными лопастьями). Чушки, как и чепрак, могли быть различного цвета и с самыми замысловатыми украшениями. Наконец, вместо стальных шпор Татищев надел на свои сапоги шпоры из меди.

Между тем бои продолжались. В сражении с войсками шведского генерала Левенгаупта в июле 1705 г. Василий Татищев, как и его брат Иван, был ранен и некоторое время находился на излечении. А в 1706 г. имя Татищева мы встречаем среди поручиков только что образованного нового драгунского полка, командиром и шефом которого был думный дьяк Автомон Иванов (позже эта часть получила название Азовского драгунского полка)¹⁰. Хотя обмундирование нового полка и отличалось от того, в котором ранее служил Василий Никитич, он мог остаться в прежнем платье. В течение всего петровского периода армейские офицеры не соблюдали никакого единообразия в одежде, игнорируя зачастую даже преобладающие цвета полковых мундиров¹¹.

Сформированный в Москве новый драгунский полк выступил на Украину, хотя молодому поручику приходилось нередко выполнять различные поручения своего командира, покидая свою часть. Возможно, к этому времени относится первая встреча Василия Никитича с Петром I, хотя он мог видеть царя и ранее. Вообще,

---

* Символизировали цвета русского флага.

карьера молодого офицера имеет много неясных сторон. Так, не все, например, ясно с продвижением Татищева в чинах: в 1712 г. он был произведен в капитаны, однако после возвращения из-за границы на военном смотре 1716 г. он присутствовал как поручик Азовского драгунского полка¹². Применительно к мундиру никаких отличий между обер-офицерскими чинами тогда не существовало, и офицер, перейдя из поручиков в капитаны или обратно, мог носить то же самое платье. Это вполне устраивало многих небогатых дворян, в том числе и Татищева.

В марте 1716 г., возвратясь в Россию после второй заграничной поездки, где он ознакомился с инженерным, артиллерийским делом, историей, географией и геологией, Татищев уже явно тяготился своим мундиром драгунского офицера и всерьез подумывал о переходе в артиллерию, которая пользовалась особым вниманием Петра I. Именно там были сконцентрированы наиболее талантливые и знающие офицеры российской армии. Наконец в мае 1716 г., после сдачи специального экзамена, Татищев был «написан в артиллерию» поручиком в первую роту артиллерийского полка Главной полевой артиллерии¹³,

Чтобы лучше понять новое положение Татищева, обратимся к штатам русской артиллерии начала XVIII в. С февраля 1712 г. артиллерийский полк состоял из двух частей: генерального штаба и собственно полка. К штабу принадлежало главное управление артиллерийской и инженерной части. В полку была 1 бомбардирская, 6 канонирских, 1 минерная роты, 2 команды инженеров и понтонеров¹⁴. Вряд ли Татищев мог попасть в штаб: его штаты были слишком ограничены. В каждой роте количество офицеров также было невелико (по 3 офицера в бомбардирской и канонирских ротах, 6 — в инженерной команде, 2 — в команде понтонеров)¹⁵. Возможно, с этим был связан тот факт, что Татищева зачислили в артиллерию в чине поручика, а не капитана, и даже не в чине капитан-поручика, который он получил только через два года. Наконец, надо помнить, что в 1716 г. Василий Никитич с собственно артиллерийской службой знаком еще не был и не заканчивал специальной школы по подготовке артиллерийских и инженерных офицеров.

Но без сомнения, смена драгунского мундира на артиллерийский была для Татищева крупным событием в его жизни. Если все прочие армейские части отличались пестротой обмундирования, то артиллерия с 1712 г. получила единые красные кафтаны, камзолы и штаны с синими обшлагами, оторочкой петель и подбоем*. Пуговицы офицерского мундира были вызолочены, галуны — как на мундирах других офицеров. Епанчи синие с вымолоченным крюком и петлей**, галстук и чулки белые. Артиллерийские офицеры носили тупоносые башмаки, черную шляпу с золотым галуном, вызолоченной пуговицей на левом поле, шпаги и шарфы, установленные для пехотных и драгунских офицеров¹⁶. Красный цвет артиллерийских мундиров был не просто «цветом пламени». Он должен был выделять высокоподготовленного, знающего, зачастую разносторонне развитого офицера артиллерии из среды его армейских собратьев. В этом мундире Татищев выполнял многочисленные поручения генерал-фельдцейхмейстера (высший чин в артиллерии и инженерных войсках) Якова Брюса, встречался с Петром I, наконец, в 1720 г. выехал из Москвы «в Сибирскую губернию на Кунгур и в прочие места для осмотра рудных мест и строения заводов».

К тому времени на Урале, чьи рудные богатства были огромны, уже действовало несколько казенных и частных металлургических предприятий: Невьянский, Каменский, Уктусский, Алапаевский заводы и ряд других. Но их мощности не могли удовлетворить возросшие потребности Российского государства. Берг-коллегия во главе с Яковом Брюсом должна была начать широкое освоение богатств Каменного Пояса. Эмиссаром Берг-коллегии и стал артиллерийский офицер Татищев.

После деятельной подготовки 26 мая 1720 г. караван из нескольких стругов с капитан-поручиком Татищевым (по сведениям И. М. Шакинко, в дороге его нагнал указ о производстве в капитаны артиллерии), берг-мейстером И. Ф. Блиером, берг-штейгером И. Патрушевым, четырьмя учениками московской артиллерийской школы, а также с солдатами отправился из Москвы в путь. Возможно, что на Татищеве был мундир артиллерийского офи-

---

* Обшлага и подбой иногда были и других цветов.

** По некоторым данным, епанчи в артиллерии появились только в 1717 г.

цера, описанный нами выше, но явно приспособленный к дальней дороге — ни шарфа, ни парика на Татищеве не было, на ногах вместо башмаков были сапоги с раструбами. Не исключено также, что ко времени отъезда Татищева на Урал артиллерийский кафтан сменил свой покрой, как предписывалось новыми правилами обмундирования русских войск, утвержденными в феврале 1720 г.: кафтан получил красный воротник, карманные клапаны были срезаны под углом и имели не 4, а 3 пуговицы, по борту шло 10 пуговиц. Обшлага вместо синих стали красными¹⁷.

К сожалению, не сохранилось никаких сведений о форменном платье сопровождавших Татищева артиллерийских учеников (среди них были Никифор Клеопин и Константин Гордеев, оставившие заметный след в истории будущего Екатеринбурга) — возможно, что и они имели красные кафтаны, хотя, скорее всего, были одеты в неформенное суконное платье. На горных чиновниках были гражданские костюмы, которые в те годы состояли из узкого в талии, доходящего до колен кафтана со множеством складок на полах; камзола, который был короче кафтана и не имел складок и воротника; и коротких штанов¹⁸. Платье Блиера, вероятно, было обшито галуном: как-никак, горный капитан-поручик (позже чин берг-мейстера был приравнен к майорскому в армии). Соответствие чина берг-штейгера чину военному или гражданскому определить не удалось — слишком неупорядоченными были должности и чины в то время.

От Москвы до Нижнего Новгорода караван Татищева сопровождали солдаты Московского гарнизона, до Казани — Нижегородского и, наконец, до Сибирской губернии — Казанского гарнизона¹⁹. Но хотя 9 февраля 1720 г. были конформированы четкие правила, в которых определялась форма одежды всех войск, в том числе и гарнизонных²⁰, мы убеждены, что в первой половине 1720 г. старое платье ни в Московском, ни в Нижегородском, ни в Казанском гарнизоне не было заменено на новый однобортный темно-зеленый кафтан с красными воротником, обшлагами и оторочкой петель и красные штаны с белыми чулками.

Еще более неопределенна одежда гарнизонов сибирских городков, куда новые указы доходили не скоро.

Столь же не скоро прибыл караван Василия Никитича Татищева в Кунгур: только 30 июля. На многочисленные дела в Приуралье ушло еще несколько месяцев. И только холодной декабрьской ночью 1720 г. сани горного начальника подъехали к Уктусскому заводу, где их встретил заводской комиссар Т. М. Бурцев. На следующее утро Татищев осмотрел этот небольшой заводик. В котором стояла рота драгун — было неспокойно: два года назад башкиры сожгли завод и поселок. Впрочем, Уктусская драгунская рота была слабой защитой. В те годы обычно в роте было по 100 драгун, однако в Уктусе стояла рота, входившая в состав Сибирского драгунского полка²¹, который был слабо укомплектован и плохо вооружен. Позже преемник Татищева В. И. Геннин докладывал в Сенат, что этот полк ни офицерами, ни «ружьем не укомплектован» и только носит имя драгунского, «а служба у них казацкая»²². Ярким отражением этого было и обмундирование драгун Уктусской роты: по всей видимости, они не имели даже единообразной одежды, не говоря уже об унифицированном вооружении. Платье могло быть самым обычным, простонародным: рубахи, порты, армяки, зипуны, подпоясанные кушаком. Но горному начальнику выбирать не приходилось: эта рота должна была защитить горную канцелярию, перевезенную в Уктус, и новый завод, который должен был вскоре возникнуть недалеко — на реке Исети.

Новый город-крепость задумывался широко: Татищев хотел поставить в нем не менее 4 домен и 40 молотов; за крепостным валом и частоколом должны были разместиться горное начальство и крупный гарнизон. В феврале 1721 г. началась заготовка материалов для большого строительства; Татищев слал в Берг-коллегию донесение за донесением, убеждая утвердить принятое Горным начальником решение. Он предлагал организовать на новом заводе стальное, проволочное, камнетесное и другие производства; обосновывая выгоды, указывал, что сталь может быть сделана не хуже шведской. И даже дешевле²³. Отмечая выгодное местонахождение нового города, Татищев предлагал перевести в него Ирбитскую ярмарку. Однако Берг-коллегия молчала, а затем отвергла план Татищева, потребовав прекратить всякие работы под тем предлогом, что железных заводов В России «довольно»²⁴. И хотя Татищев работ не пре-

кратил, вскоре он был вынужден оставить строительство завода и отправиться вначале в Кунгур, а затем в Москву, где узнал о том, что могущественный заводчик Никита Демидов подал на него жалобу, обвиняя в злоупотреблениях по службе. История уже давно поставила точку в этом деле, полностью оправдав Василия Никитича, но тогда, в 1722 г., он был отстранен от руководства уральскими горными заводами. Его преемником стал генерал-майор Виллим Иванович Геннин. «Этот немецкий генерал был редким птенцом орлиного петровского гнезда — деятельный, преданный и в высшей степени честный», — писал о нем Д. И. Мамин-Сибиряк²⁵.

Родом из Нассау-Зигена, Геннин был принят в русскую службу фейерверкером в 1698 г., когда ему было 22 года. В 1700 г. он уже поручик, в 1702 — капитан, через 4 года — майор. Непрерывное участие в сражениях, прекрасные артиллерийские знания, упорство, честность снискали ему в 1710 г. чин подполковника и золотую медаль с алмазами²⁶. Немногие имели в те годы такую награду — она сразу обращала на себя внимание, выделяясь на красном артиллерийском кафтане. Хотя, возможно, кафтан мог быть и другого цвета²⁷, но достоверных данных на этот счет нет. Отражением майорского, а затем подполковничьего чина Геннина стал шарф через правое плечо с золотыми кистям. и. Он состоял из синей и красной шелковых полос и белой шелковой с примесью серебра²⁸.

После того как Геннин достроил пушечный двор и пороховой завод в Петербурге, а затем с успехом руководил горными заводами в Олонецком крае, он был в 1716 г. произведен в полковники. Теперь только синяя полоса его шарфа оставалась шелковой, белая была с примесью серебра, а красная — с примесью золота²⁹. Наконец в 1719 г. на его мундире заблестел портрет государя, украшенный алмазами. 6 марта 1722 г., после поездки за границу и строительства Сестрорецкого оружейного завода, Геннин был произведен в генерал-майоры³⁰. Как выглядело теперь его платье — не возьмется точно сказать ни один специалист: генеральский мундир не был в те годы регламентирован. Только по сохранившемуся портрету более позднего периода можно предполагать, что костюм Геннина изменился ненамного: галун на платье стал более широким, а шарф он носить

перестал. Впрочем, Геннин мог зачастую появляться в платье произвольной расцветки, как правило богато украшенном.

Случайность ли то, что в марте 1722 г. на место артиллерийского капитана Татищева отправился артиллерийский генерал Геннин? Думается, что в этой преемственности мундира есть своя закономерность. Только такой всесторонне образованный человек, как артиллерийский офицер Татишев, не останавливаясь на сиюминутных выгодах, смог предложить программу преобразования огромного уральского края. И только такой сведущий в горном и инженерном деле человек, как Геннин, смог на месте понять и оценить замыслы Татищева, взвалить на себя бремя их выполнения.

Подготовка Геннина к поездке на Урал шла непросто. Военная коллегия для сопровождения каравана выделила Геннину солдат из рекрутов — «без ружья и экзерциции необученных». Когда гвардии сержант Осип Украинцев, назначенный для «принятия в Сибири... медных и железных заводов», увидел этих «солдат», одетых в сермягу, которая не отличала их от крестьян (для рекрутов в те годы не было особой одежды), он отослал их обратно³¹. На самом Украинцеве были зеленые кафтан, камзол и штаны. На карманном клапане с 1720 г. пять зубцов были убраны, из четырех остались только три пуговицы. Появился отложной воротник (в лейб-гвардии Преображенском полку красный, в Семеновском — светло-синий). Обшлага, оторочка петель и подбой красные. На шее — белый галстук. Треугольная черная шляпа с малой пуговицей на левом борте была обшита у унтер-офицеров узким золотым галуном, как и обшлага. Пояс перехватывался портупеей, на которой висела шпага. На ногах были либо высокие сапоги, либо белые чулки с тупоносими башмаками. Маловероятно, что Украинцев таскал с собой алебарду, которая полагалась сержанту в строю³².

Геннин вновь просит военную коллегия дать ему «для охранения от воровских людей и для караулу солдат, экзерциции обученных, с ружьем и аммунициею»³³. Наконец было прислано 10 солдат из московского полка Коробова, которые сопровождали караван до Казани. В Казани Геннин вновь получил 12 солдат «с ружьем», с которыми и добрался до Сибири. Путь от Москвы до

Кунгура занял 72 дня³⁴. Вместе с Генниным на Урал возвращался и Татищев, положение которого было неопределенным: следствие по доносу Демидова закончено еще не было, но это не мешало Василию Никитичу возобновить строительство завода на реке Исети, тем более под покровительством Геннина. Рабочих рук явно не хватало: «вольные люди» почти не шли на строительство нового завода. Поэтому Геннин просит государя и Сенат приписать несколько деревень государственных крестьян «к новостроящимся заводам»³⁵.

26 декабря 1722 г. Геннин направил сибирскому губернатору Черкасскому письмо с просьбой прислать вместе с мастеровыми людьми пятьсот солдат с офицерами для строительства крепости. В феврале следующего года четыре роты солдат выступили из Тобольска к реке Исети. Это были солдаты внутреннего (гарнизонного) полка, который носил название Тобольского. Его не следует путать с пехотным Тобольским полком, сформированным в Москве в 1703 г. Это важно для более точного воссоздания мундиров первого Екатеринбургского гарнизона. Позже, в 1727 г., для устранения путаницы Тобольский пехотный полк был даже переименован, получив название 2-го Углицкого³⁶.

Из Тобольска солдаты выступили, сохраняя более или менее стройный походный порядок, который был определен Уставом 1716 г. Впереди двигался небольшой авангард, затем командир партии (его обязанности исполнил командир 1-й роты капитан Иван Королевич), за ним остальные офицеры и унтер-офицеры. После — в колонне по четыре, стремясь сохранить дистанцию в полтора шага, — шли фузелеры. Последняя рота, будучи арьергардной, была построена наоборот, «перевернуто». Если батальон двигался со знаменами, то они были перед каждой ротой, как и барабанщики и гобоисты³⁷. Согласно уставу в роте было 114 рядовых, 10 унтер-офицеров, 4 офицера, 2 барабанщика и 2 нестроевых (писарь и лекарь)³⁸. Однако в ротах батальона Тобольского полка был явный некомплект: к реке Исети в марте 1723 г. прибыло только 540 человек³⁹. Многие отстали и по дороге: марш был проделан по глубокому снегу, в холода — ругань офицеров и размеренный бой барабанов не могли заменить хорошего питания и теплой одежды.

Посмотрим, во что были одеты солдаты Тобольского гарнизонного полка. По табели 1720 г. они имели темно-зеленый кафтан с красными обшлагами, оторочкой петьель и подбоем, на левом плече — красный шнур для удерживания перевязи. Штаны также были красные (по табели — козлиные), чулки белые. Во время работ (а вероятно, и в походе) гарнизонные солдаты надевали рабочие сапоги, или упаки, из нечерненной кожи. Ни камзол, ни галстук им от казны не полагались, но отпускался рабочий кафтан из сермяжного сукна, без воротника и обшлагов, застегивающийся на пять продолговатых кожаных пуговиц. Треугольная шляпа была черной с обшивкой из белого шерстяного галуна (чаще вовсе без обшивки). Унтер-офицеры отличались узким золотым галуном на воротнике, обшлагах и шляпе. Епанча гарнизонным солдатам не полагалась⁴⁰.

Барабанщики (по два на роту), гобоисты (по одному на роту, а в гренадерской роте — флейтщик) были одеты в такое же платье, что и рядовые, но по бортам кафтанов, по краям обшлагов и карманных клапанов они имели трехцветный узкий шерстяной галун (белосине-красный). Кроме того, у барабанщиков для предохранения правого плеча была накладка мундирного сукна, обшитая по низу трехцветным галуном. Барабаны были из дерева высотой в 45 см, в диаметре — 40 см. Их окрашивали в зеленый цвет, испещряя различными узорами и цветами, часто изображениями в виде двуглавого орла и руки с обнаженным мечом, выходящей из облаков. Носили барабан на лосиной перевязи с железным крюком, которая надевалась через левое плечо⁴¹.

Фузелеры были вооружены шпагой на поясной портуpee прежнего образца, фузеей без штыка, на перевязи через левое плечо была патронная сума. Так же были вооружены капралы. Подпрапорщики и сержанты имели только шпагу, каптенармусы кроме шпаги — суму для запасных патронов⁴².

Кроме фузелеров на строительство Екатеринбурга в составе Тобольского полка прибыли и гренадеры⁴³. Их обмундирование отличалось от фузелерного только головным убором — они носили остроконечную суконную шапку, точный вид которой и расцветка определены не были⁴⁴. Вместо патронной суммы гренадер имел гренадную суму, где находились гранаты, спереди на перевязи

зи была фитильная трубка, а на поясном ремне спереди — лядунка для патронов. Все остальное — как у фузелеров, только подпрапорщика в гарнизонных гренадерских ротах не полагалось⁴⁵.

Обмундирование офицеров гарнизонных полков четко не регламентировалось, но в общих чертах соответствовало своей части с офицерскими отличиями, описанными ранее, за исключением протазана (партазана) и офицерского знака. Протазан представлял из себя копье с черным древком примерно в 210 см с посеребренным или позолоченным наконечником произвольного вида. Под наконечником была серебряная кисть (у обер-офицеров), а снизу древка — вызолоченный подток*. Офицерский знак делался в виде стальной полуовальной пластины, которая с помощью голубой ленты надевалась на шею. Знаки в полках имели различный вид, но, как правило, обер-офицерский знак был серебряным с позолоченной каемкой. Посередине могло быть изображение Х-образного (андреевского) креста под короной⁴⁶. Офицеры гренадерской роты имели суконные шапки, подобно гренадерам, но, вероятно, с некоторыми дополнительными украшениями; носили суму и лядунку, но с вызолоченным прибором и золотым галуном по краю ремней. Лядунку они надевали через правое плечо, а вместо протазана были вооружены легкой фузеей со штыком и ружейным погоном, покрытым золотым галуном⁴⁷.

Знамена тобольцев сегодня уже невозможно достоверно воссоздать. Гарнизонные полки имели в то время знамена старые, из выслуживших срок, или новые, но различного вида и различной расцветки⁴⁸. Можно только предполагать, с очень малой степенью достоверности, что знамена имели желтое полотнище с изображением в верхнем углу у древка двух золотых соболей, одной лапой держащих лук и две стрелы, а другой — поддерживающих корону⁴⁹. Такие знамена были с 1712 г. у Сибирских полков. Полковое знамя, то есть знамя 1-й роты, имело белый цвет, в центре — под императорской короной — золотой вензель Петра I с пальмовыми ветвями⁵⁰. Однако не исключено, что у Тобольского полка было знамя старого образца. В этом случае белое полковое

---

* Подток — металлический наконечник на нижней части древка..

знамя имело изображение двуглавого орла, а ротные — изображение руки с мечом, выходящей из облака и окруженной цепью со знаком ордена Андрея Первозванного и пальмовыми ветвями. Наконец, нельзя исключать и еще один вариант: желтое с красным полотнище, пересеченное крестом тех же цветов, в верхнем углу у древка — золотое изображение оружейной пирамиды со знаменами и барабаном⁵¹. Горизонтальные стороны полотнища обычно были около двух с половиной метров, а вертикальные — более двух метров. Высота древка была более трех с половиной метров. Древко красилось в красный цвет⁵².

К марту 1723 г. партия солдат Тобольского полка прибыла на место строительства будущего Екатеринбурга. Всего к июню на постройке крепости работало уже 960 солдат этого полка. Кстати, в составе второй партии тобольских солдат на реку Исеть пришел отец будущего создателя первой заводской паровой машины Иван Алексеевич Ползунов⁵³. Солдаты сооружали земляной вал, бастионы, деревянные палисады и рогатки, копали крепостной ров, помогали в строительстве церкви, конторы горного начальства, офицерских квартир, плотины. За работу получали мизерную плату — обычное солдатское жалованье — по 11 алтын в месяц; кроме того, из их заработка удерживали деньги, и немалые, за обмундирование⁵⁴. Ничтожность жалованья при тяжелейшем труде солдат была настолько очевидна, что Геннин обратился к Петру с просьбой увеличить плату солдатам на 3 копейки в день, но Петр разрешил прибавить 3 деньги, то есть полторы копейки, «для покупки штанов и харчо»⁵⁵.

Тяжелейшие условия жизни, недостаток обмундирования, скудость питания вызывали среди солдат массовые болезни, часто — смерть. Вместе с плотиной и земляным валом нового города быстро росло и кладбище. Солдаты пытались бежать, но и бежать зачастую было не в чем. Пойманный за первый побег и кражу кафтана у товарища, солдат Григорий Меркурьев на вопрос суда, почему украл кафтан, ответил: «Украл я кафтан у солдата-товарища с умыслом, понеже мне не в чем было бежать»⁵⁶. Постепенно бегство солдат стало массовым. «И того ради я понужден был, — писал Геннин Петру I, — по учиненному криссрехту, которые пойманы, переве-

силь, и тех, которые подговаривали бежать, и другие наказания учинить. И ежели не перестанут бегать, то и жестоце буду поступать... »⁵⁷ Были повешены солдаты Григорий Меркурьев, Семен Сотников, Леонтий Пушкар-ев; биты кнутом и с рваными ноздрями сосланы на галеры Иван Журавлев, Иван Филиппов, Прокопий Быков, Семен Карпов, Тимофей Иванов, Карп Кунгурцев...⁵⁸ Обычно казнь происходила перед всем полком, «чтобы другие, на то смотря, не бежали... »⁵⁹. В одном из донесений об исполнении приговора сообщалось: «... собран был Тобольский полк на экзекуцию, и учинена против выше описанного, а именно 4-х человек вместо смертной казни гоняли шпицрутенами 6 раз, а ноздри не пороты. Василий Жеравцов колесован живой и поднят на колесо поверху и в то время голова отсечена и поставлена на спицу, а 2 бобыля Широков и Колесников повешены, а Федор бит кнутом на площади и вырваны ноздри и уши отрезаны, сослан на галеру»⁶⁰.

Так строили Екатеринбург солдаты Тобольского полка, одетые в серые сермяжные кафтаны. Если и надевали они парадные мундиры зеленого цвета и белые чулки с тупоносими башмаками, то только на очередную экзекуцию, когда колесовали и били шпицрутенами их товарищей...

Но город рос. Закончена плотина, поднялись домны, молотовые, различные строения, были завершены в основном укрепления крепости. Город окружил земляной вал более чем в 2 м высотой, шириной по верху — в 1, 5 м, на валах — 6 бастионов. Были также сооружены деревянный палисад более чем в 3, 5 м высотой, за валом — ров в 1, 5 м глубиной, затем — деревянные рогатки, которые зимой ставили по льду⁶¹. Новый город, по утверждению Петром I, был назван «Екатеринбурхом», а 7 ноября 1723 г. «пошли в ход два молота». 24 ноября того же года уже праздновались первые именины нового города: солдаты пили казенное вино, а с бастионов палили из пушек⁶².

По всей видимости, после окончания первоочередных работ, в 1727 г., большая часть Тобольского полка покинула Екатеринбург, вновь поступив в распоряжение сибирского губернатора. Однако «для охраны крепости и для караулов» в городе была оставлена одна рота этого полка, которой одновременно была вменена обя-

занность охраны «всех заводских строении от пожаров». В 19 верстах от Екатеринбурга — в Горном Щите — расположилась рота драгун Сибирского полка, который с февраля 1727 г. стал называться 1-м Сибирским драгунским полком. Задачей драгун было «охранение заводов и пограничных Екатеринбургских и Тобольского ведомства слобод от нападения башкирцев». Жалованье и денежное довольствие солдаты и офицеры обеих рот получали от своих полков⁶³. Наконец, «в Екатеринбургской крепости для артиллерии и смотрения того в крепостях, кои есть под дирекциею Сибирского обер-бергамта на заводах и слободах», Геннин считал нужным держать артиллерийскую команду со следующим штатом: 1 штык-юнкер (офицерское артиллерийское звание, соответствовавшее 13-му классу)⁶⁴, 1 сержант, 1 капрал, 12 канониров, 12 (по другим данным — 24) фузелеров, «да при штык-юнкере деньщик 1»⁶⁵. Но по всей видимости, вплоть до середины 50-х гг. штат артиллерийской команды был неполным⁶⁶.

Жизнь Екатеринбургского гарнизона была не совсем обычной. Быстро расширявшееся металлургическое производство «втягивало» в себя гарнизонных солдат. Уже Геннин начал включать «охочих» из солдат Тобольского полка в состав мастеровых и рабочих людей⁶⁷. Многие солдаты обзаводились семьями, домами в Екатеринбурге, а детей «употребляли к ремеслам»⁶⁸. Более того, с Екатеринбургских заводов даже рекрут «в полки не брали», а вместо этого определяли их «в ученики к горным делам и для охраны заводов»⁶⁹. Вместе с тем, вплоть до своего окончательного отъезда с уральских заводов в 1734 г., Геннин поддерживал в солдатах гарнизона жесткую дисциплину, строго следил за соблюдением воинского порядка и обмундирования. Из годового солдатского жалованья он вычитал немалую сумму для «построения мундира»⁷⁰. Обмундирование обходилось недешево: строевой кафтан, положенный на 4 года, стоил 3 руб. 27⁷/₈ коп. *, рабочий кафтан — 80 коп. **, штаны — 39 руб. ³/₄ коп. (строились на 3 года) и т. д. Итого набегало в год у гарнизонного фузелера сумма в 1 руб. 82³¹/₃₂ коп., а у драгун — 2 руб. 77¹/₂ коп.⁷¹

После кончины Петра 1 никаких существенных изме-

* Примерная стоимость 16 пудов ржаной муки.

** Годовая подушная подать в то время исчислялась в 74 коп.

нений в обмундировании екатеринбургских солдат не произошло, за исключением драгунской роты: по сути, до 1725—1727 гг. рота имела иррегулярную организацию и разношерстное обмундирование⁷². Теперь же все драгуны Горнощитской роты получили строевой кафтан зеленого сукна с красными воротником, обшлагами и оторочкой петель. Как и фузелерам, им был «построек» серый рабочий кафтан. Штаны были козлиные; епанчи красного сукна с большим красным и верхним синим воротником; сапоги с раструбами без шпор; была выдана пара чулок и башмаков⁷³. Что касается артиллерийских служителей, то они имели красные кафтаны, камзолы и штаны. Воротник и обшлага были синими, у офицеров — красными. Все по типу пехотного.

Существенные изменения в обмундировании произошли только к началу 30-х гг., когда на престол взошла курляндская герцогиня Анна, дочь Ивана, брата Петра I. С этого времени началось повсеместное введение в русской армии пудры, кос, рукавных манжетов и гамашей. Грубая, но просторная одежда петровского времени сменяется менее практичным обмундированием, хотя и не лишенным преимуществ по сравнению с прежним. Еще в царствование Петра II на новую форму одежды перешла артиллерия. Как и во время Петра I артиллерийские служители в Екатеринбурге продолжали носить красные кафтаны, камзолы и штаны: оторочка петель, подбор, воротник и обшлага были синими, пуговицы медными. На ногах теперь появились бело-синие полосатые штиблеты (род высоких гетр), подвязанные под коленом черным ремнем, черные тупоносые башмаки. Черный галстук завязывался сзади. Имелись замшевые или лосиные перчатки с небольшими штюльпами (крагами). Серьезным изменениям подверглась форма треугольной шляпы: ее углы стали менее острыми, передний угол оказался более поднят и подогнут к тулье. На левом борте красовалась белая кокарда с петлицей и пуговицей, по бортам шляпа была обшита белым шерстяным галуном. Из-под обшлагов кафтана были видны манжеты рубашки, а углы кафтана загибались и скреплялись друг с другом. Спереди на лосиной портупее по кафтану надевалась белая яловочная * лядунка. Воору-

---

* Мягкая овечья кожа.

жены артиллерийские фузелеры и канониры были шпагой и фузеей. Капрал и сержант имели на воротнике, обшлагах и шляпе узкий золотой галун (у капрала везде в один, у сержанта на обшлагах в два ряда). Шпажную португую и лядунку они носили не по кафтану, а по камзолу и имели темного дерева трость с медным наконечником и костяной рукоятью, которую с помощью кожаного темляка вешали на одну из верхних пуговиц кафтана. Отличия штык-юнкера Екатеринбургской артиллерийской команды заключались в больших обшлагах кафтана, вызолоченных пуговицах, белом галстуке, белых штиблетах, шляпа была с гладким золотым галуном. Вооружение офицеров состояло из шпаги с серебряным темляком, надетой под камзол. В строю через правое плечо был перекинут шарф из белой, зеленой и красной полос и с серебряными кистями. В руке — трость.

Примечательны были новые прически всех артиллерийских чинов: напудренные волосы на висках имели пукли (букли), сзади свисала длинная коса, оплетенная черной кожей или лентой, завязанной бантом⁷⁴.

С 1732 г. многие нововведения, сделанные в артиллерии, были распространены на другие рода войск. Пехотная рота в Екатеринбурге, наряду со строевым кафтаном старого типа (теперь с подвернутыми лапами), получила камзол красного цвета. Штаны остались козлиными: вместо прежних сермяжных кафтанов гарнизонные солдаты получили кафтаны из парусины, застегивавшиеся на 6 роговых пуговиц. Как и в артиллерии, появилась шляпа новой формы, штиблеты, манжеты, пукли и косы. Только подвязки к штиблетам остались белыми, и на левом плече была накладка в виде погона для отличия полков (расцветка накладки Тобольского гарнизонного полка не известна). Унтер-офицеры имели узкий золотой галун на воротнике и обшлагах, а также трость. Похожей была одежда офицеров, но штаны были темно-зеленые, по шляпе шел золотой галун, на левом борте — шелковый белый бант, пуговица на шляпе обтяжная, все остальные пуговицы вызолоченные. На руках — замшевые перчатки с небольшими штюльпами. В строю шпажная португея надевалась на камзол, вне строя под камзол. На груди был офицерский знак с изображением полкового герба. У всех обер-офицеров знак был сере-

бряным с вызолоченным гербом. В строю надевался через плечо шарф — вначале из белой, синей и красной полос, позже из красной и белой, наконец, он весь стал из черного шелка с примесью желтого. На лосиной портуpee, по краю которой шел галун, была шпага с вызолоченным прибором и золотым с примесью черного темляком. Впрочем, как и ранее, офицеры не часто соблюдали регламент⁷⁵.

Почти аналогичные изменения произошли в одежде горнощитских драгун. Они получили такие же рабочие кафтаны, шляпы, штаны из козлиной кожи. Строевые кафтаны, вероятно, были василькового цвета. Офицеры, кроме васильковых кафтанов, имели и васильковые штаны. Камзол у гарнизонных драгунских офицеров красный. На сапогах — медные шпоры, в отличие от рядового состава, у которого шпоры были железными; портупея — с вызолоченным прибором; лосиный темляк. Шарф надевался не по плечу, а по поясу⁷⁶.

В марте 1734 г. генерал-поручик де Геннин (после пожалования ему в 1731 г. ордена Александра Невского Геннин получил право употреблять перед своей фамилией «де»⁷⁷) окончательно покинул Урал. Его сменил действительный статский советник В. Н. Татищев, который еще в 1724 г. перешел в гражданскую службу, став советником Берг-коллегии⁷⁸. Сразу по приезде на Урал Татищев продолжил тяжбу с Сенатом и губернской канцелярией по поводу статуса и комплектования екатеринбургского гарнизона, которая началась еще в 1728 г. С этого времени Сенат неоднократно требовал отправить пехотную роту из Екатеринбурга в распоряжение Тобольской губернской канцелярии, а вместо этой роты набрать солдат из «приписных к Екатеринбургской слободе», а также из рекрутов, присланных из Тобольска. Что касается офицеров, то «оных требовать из военной коллегии». Огромный, неповоротливый механизм управления не вдавался в рассмотрение «мелких» вопросов, передвигая по гигантской империи, как пешки по шахматной доске, роты и полки, селения и целые народы. Не один год Геннину, а затем Татищеву пришлось доказывать, что «понеже пехотная рота Сибирского гарнизона здесь имеется с началом здешнего завода, и солдаты имеют дома, у некоторых и дети их употреблены к ремеслам, и буде оную отослать в губернию, а вместо той

оттуда для учреждения роты взять рекрут, то с обеих сторон будет не без разорения, а убытка... ». Что касается горнощитских драгун, то, по-видимому, таких препятствий к их возвращению в распоряжение губернской канцелярии не было. В конце концов Татищеву «со товарищи» удалось добиться, чтобы пехотная рота была оставлена в прежнем составе, а «вместо истребуемых сюда рекрут учредить в Тобольске столько, сколько в показанной роте солдат останется»⁷⁹. Таким образом, многие из первых строителей Екатеринбургского завода, на которых были солдатские кафтаны, навсегда остались служить и работать на берегах Исети, пустили здесь глубокие корни.

Иначе обернулось дело с драгунской ротой. В 1736 г. (по другим данным в 1734 или 1735 г.) было окончательно решено «имеющуюся при заводах роту драгунскую отпустить к полку, а вместо опой набрать из приписанных к Екатеринбургскому слобод вместо рекрут, которые в прошедшие наборы с тех слобод не взято. Ежели потребны будут в тое роту офицеры, оных требовать от военной коллегии и содержать тое роту жалованьем, провиантом, мундиром, ружьем и аммуницією заводским суммом»⁸⁰. Вскоре новая пехотная рота была полностью укомплектована. Сохранился за 1741 г. список «мундирным вещам» для второй роты, из которого следует, что в 1741 г., на 147 человек были «построены» мундиры из васьковского (!) сукна с синей подкладкой, красными обшлагами и воротниками⁸¹.

В феврале 1737 г. было еще раз подтверждено: пехотную роту «в губернию не посылать, а быть оной здесь». Обмундирование солдатам и урядникам (унтер-офицерам) было оставлено прежнее, а вот амуницию и оружие предложено отослать в губернскую канцелярию, взамен чего «ружье и аммуницию роздать от полиции»⁸². Судя по последующим документам, это сделано не было. Что касается второй роты, набранной из рекрут, то она вооружилась трофейными шведскими ружьями, которые в числе 1200 в. ноябре 1735 г. отпущены от казны и на здешние заводы. Одновременно отпущено большое количество штыков и шпаг с железными эфесами.

В 1737 г. были определены штаты двух екатеринбургских гарнизонных рот и артиллерийской команды. В обеих ротах было положено: 1 капитан с денщиком,

2 поручика или подпоручика, 2 прапорщика, 4 сержанта, 6 каптенармусов, подпрапорщиков и фурьеров, 12 капранов, 2 писаря, 6 барабанщиков, 2 цирюльника, 2 профоса и 288 солдат. В артиллерийской команде: 1 штык-юнкер, 1 сержант, 2 капрала, 12 пушкарей, 24 фузелера. Однако, судя по документам, и пехотные роты и артиллерийская команда всегда оставались укомплектованными не полностью⁸⁴.

Уже несколько лет выдача солдатам жалованья осуществлялась «за провиант и мундир деньгами по 10 рублей человеку». Поэтому солдаты, «получа жалованье, издерживают, как видно, на домовые нужды, а надлежащего по их чину мундира сами себе не делают, и многие видны в мужичьем платье, некоторые и в ветхом, кто какое имеет». Воистину первый гарнизон Екатеринбург слился с местным населением! Поэтому, вопреки штатам 1737 г., «Татищев со товарищи» велел впредь вычитать у солдат из жалованья по 30 коп. с рубля для «строения мундира»⁸⁵. Сумма весьма немалая! Тем более что значительная доля этих вычетов оставалась в руках горного начальства. Однако солдаты екатеринбургских рот, как видно, привыкли к беспрекословному повиновению начальникам и «помалкивали». Только в мае 1742 г. два солдата — Иван Галактионов и Сидор Козырев, — вероятно откомандированные в Екатеринбург от нерчинского горного начальства, подали в канцелярию главного правления Сибирских и Казанских заводов «доношение». Они сетовали на то, что в Нерчинске получали 10 руб. в год без всяких вычетов и принуждения носить мундир, здесь же их заставляют носить форменное платье, вычитая большую сумму из жалованья⁸⁶.

19 июля 1742 г. екатеринбургское горное начальство определило: «Мундир на оных нерчинских солдат и одного капрала (вероятно, также прибывшего из Нерчинска. — *Авт.*) строить такой и в такое время раздавать, как в здешних ротах производится, и вычет за оные чинить по тому, как здешним солдатам определено»⁸⁷. Более подобные вопросы уже не рассматривались.

Эти меры способствовали тому, что в последующем гарнизон Екатеринбурга (не без «присвоения» солдатских денег) поддерживал надлежащий воинский вид, хотя закупать обмундирование было непросто. Горное начальство вначале писало в Москву в берг-директо-

риум. После этого берг-директориум закупал «мундирные веда» в Москве и отправлял в "Екатеринбург, а стоимость заносилась «на щет здешних заводов»⁸⁸.

По сенатскому указу от 22 июля 1751 г. были частично изменены штаты обеих екатеринбургских рот, но изменения были незначительны. Сохранились ведомости за 1753 и 1754 гг., в которых зафиксировано количество служащих в обеих ротах. Приведем ведомость за 1753 г.: 2 капитана, 1 поручик, 2 подпоручика, 2 прапорщика, 4 сержанта, 2 каптенармуса, 2 подпрапорщика, 2 аудитора, 2 писаря, 12 капралов, 288 солдат. Подписал обе ведомости капитан Елизар Ноздраев⁸⁹.

К началу 50-х гг. ротные командиры поставили перед канцелярией главного правления Сибирских и Казанских заводов вопрос о полной смене поистрепавшейся амуниции и старого вооружения. Было отмечено, что со времени учреждения обеих рот (первой — в 1727 г., второй — в 1737 г.) каждому солдату была положена «фузея со штыком, сума патронная с перевязью, патронов с порохом на ружье по двадцати, рог пороховой, отвертка, палаш, португея юфтевая... А с того времени более перемен означенным вещам не было. По такой долговременной перемене ружья стали ветхие и бывают в немалом числу в починке на их (солдат. — *Авт.*) собственном коште, отчего несут немалую тяжесть, а особливо у сум перевязи и португеи износились, и все суммы весьма стали ветхи»⁹⁰. 22 марта 1754 г. канцелярия правления горных заводов наконец решила «вместо упоминаемых ветхих и, кои подлинное по точному ротных офицеров свидетельству, негодных явятся фузеи и палаша, выбрать то число из наличных имеющихся в ротном цейхгаузе однокалиберных годных. Буде же того числа столько однокалиберных не наберется, то хотя несколько и неодноталиберных укомплектовать... ». Что касается новой амуниции, то было решено требовать ее от Берг-коллегии. Любопытно отметить, что одним из подписавших этот приказ был не кто иной, как Никифор Клеопин, 33 года назад приехавший на берега Исети вместе с Татищевым⁹¹.

С самого начала основные функции Екатеринбургского гарнизона определялись как карательные. Уже с 1725 г. гарнизонные солдаты подавляют восстания приписных крестьян Камышловской, Пышминской и дру-

гих слобод⁹². И в последующие годы солдаты продолжали держать в страхе работных людей, приписных крестьян и башкирские племена. В 1735 г. за городским валом были спешно построены две допросные избы и пыточный сарай. Привлеченный по делу князя Долгорукова Егор Столбов извивался там на дыбе, признаваясь во всевозможных «винах». Наконец, 20 апреля 1738 г. по приказанию Татищева солдаты, согнав крещеных татар на главную площадь Екатеринбурга, сожгли татарина Тойгильду за то, что тот «крестясь в веру греческого исповедания, принял паки махOMETанский закон и тем не только в богомерзкое преступление впал, но яко пес на свои блевотины возвратился и клятвенное свое обещание, данное при крещении, презрел...»⁹³.

Екатеринбург все более и более «военизировался». В ноябре 1734 г. в городе была учреждена должность полицмейстера. Первый екатеринбургский полицмейстер поручик Симеон Сикорский должен был пристально наблюдать за тем, чтобы городская жизнь подчинялась строгому распорядку горнозаводского центра. Будучи полицейским начальником, Сикорский, вероятно, носил обычный мундир гарнизонного офицера, что еще более подчеркивало характер его власти.

С начала 30-х гг., еще при Геннине, был поднят вопрос о приравнении горных чинов «для лучшего порядку и поощрения к наукам» к «рангам офицерским» и о том, чтобы «производить жалованье против инженерных офицеров...»⁹⁴. Наконец Татищеву в 1734 г. удалось этого добиться, внося одновременно ряд поправок в предложения Геннина с той целью, чтобы иметь «обер-Бергамту власть за прилежность и верность прибавить, а за лень и дерзость убавить»⁹⁵. Чины были распределены таким образом⁹⁶:

Горные чины	Военные ранги
обер-бергмейстер	майор
обер-цегеншнер	капитан
обер-гитенфервалтер	
бергмейстер	капитан-поручик
маркшейдер	
секретарь в обер-берг-амте	

гитенфервалтер	}	поручик
цегеншнер		
форштмейстер		
берг-гешворен	}	подпоручик
пробирный мастер		
механикус		
вице-маркшнейдер	}	прапорщик
секретарь в берг-амте		
шихтмейстер		
комиссар	}	унтер-офицер
унтер-шихтмейстер		
унтер-пробирер		
унтер-механик		

Жизнь на горных заводах в империи все более подчинялась военизированному распорядку, между тем горные служители, как отмечалось, «носят кафтаны различного вида, так что некоторые из них и совсем непристойные, именно: русские, з брадами, и подпоясываются кушаками». Поэтому 15 мая 1755 г. Берг-коллегия предписала «горным штаб, обер и унтер-офицерам, горным заводским служителям иметь кафтаны суконные красные, обшлаг и разрезные белые, воротники и камзолы белые ж, штаны красные, подбой под кафтаном белый, пуговицы тумпаковые (латунные. — *Авт.*)». К сожалению, документы Государственного архива Свердловской области не дают абсолютно ясного ответа: была ли введена подобная форма на Екатеринбургских горных заводах и в здешней канцелярии тогда же, в 1755 г., или это не было осуществлено и в 1778 г.⁹⁷

С начала 30-х и до середины 60-х гг. XVIII в. обмундирование екатеринбургских солдат существенно не менялось. Стоит упомянуть только штиблеты, которые могли быть черными — для повседневной носки, и белыми — для парада, а также шляпу: с 1756 г. заднее поле пришивалось к тулье плоско, а спереди поле имело выступ. Все офицеры стали носить шарфы по поясу. Пожалуй, только артиллерия приобрела с 40-х гг. новый цвет в своем обмундировании: воротник, обшлага и подкладка стали черными. Это нововведение екатеринбургские артиллеристы осуществили уже в 1741 г., получив черный креп на воротники и обшлага, а на подкладку — черной крашенины⁹⁸.

ГЛАВА

2

МУЖИЦКИЕ АРМЯКИ
И СОЛДАТСКИЕ
КАФТАНЫ

Наступили 60-е гг. XVIII века. Российское государство сотрясилось крестьянскими бунтами; продолжалась тяжелая война с Пруссией. Непокойно было и на Урале — бунтовали приписные крестьяне на Кыштымском, Ревдинском, Нижнетагильском и многих других заводах. Не всегда помогала и военная сила. Летом 1762 г. приписанные к Верхне-Исетскому заводу крестьяне «имеющимися у них в руках дубинками» просто-напросто прогнали посланных из Екатеринбурга солдат. «Мы-де канцелярских указов не слушаем и в работы не пойдем, пока от Верх-Исетской конторы удовольствие в обидах не получим»¹. Это был далеко не единичный случай. И хотя волнения подавлялись, солдатские ружья и тесаки уже не останавливали рабочих людей и крестьян перед бунтом. 24 июля 1763 г. в Екатеринбург прибыл личный представитель новой государыни Екатерины II генерал-квартирмейстер А. А. Вяземский. Тридцатишестилетний князь, участник Семилетней войны, повел следствие энергично, устраняя видимые причины беспорядков. Но угли будущего пожара продолжали тлеть... Робкие либеральные шаги Екатерины II вскоре сменились дальнейшим ростом крепостнического гнета.

В марте 1768 г. в екатеринбургской земской конторе, находившейся в двухэтажном каменном здании Главной горной канцелярии, допрашивали беглого «разбойника» Афанасия Соколова, по прозвищу Хлопуша, с двумя «сотоварищами». После окончания следствия было повелено «учинить им жестокое наказание кнутом, вырезав ноздри, поставить на лбу и щеках поведенные.... знаки, сослать в ссылку на Нерчинские сереброплавящие заводы вечно в работу...»². Через несколько лет «разбойник» Хлопуша, который закрывал обезображенное лицо рукавом или носил сетку, станет пугачевским «полковником», командиром «заводских мужиков».

На исходе лета 1773 г. недалеко от Яицкого городка появился беглый казак Емельян Пугачев. «Платье на нем было крестьянское, кафтан сермяжный, кушак верблюжий, шляпа распушенная, рубашка крестьянская, холстинная, у которой ворот вышит был шелком наподобие как у верховых мужиков, на ногах коты и чулки шерстяные белые»³. В этой одежде и явился впервые перед яицкими казаками будущий «амператор». С тем чтобы Пугачев приобрел более представительный вид, соответствующий его императорскому сану, казак Иван

Почиталин (в будущем «думный дьяк» пугачевской военной коллегии) отдал ему новый зеленый зипун с золотым позументом. Сверху Пугачев надел подержанный бешмет (распашная верхняя одежда), подпоясанный

Казак.
78-е гг. XVIII в.

шелковым кушаком. На голове появилась бархатная черная шапка⁴.

Яицкие казаки, казалось, только и ожидали появления самозванного императора, готовые подняться за «крест и бороду» (в большинстве они были старообрядцами), против засилья казачьей верхушки — «старшины» и ненавистного «регулярства», которое вело к разорению хозяйств. Многие из них совсем недавно, в 1772 г., принимали участие в восстании против прибывшего на

помощь старшине генерала Траубенберга, а после подверглись гонениям.

Символом борьбы за казачьи вольности стали первые знамена восставших: 8 полотнищ разных цветов (василькового, дымчатого и др.) с нашитыми на них восьмиконечными крестами. Обычно полотнище крепилось к копыю и украшалось галуном⁵. Одежда самих казаков была довольно пестрой, но, как правило, включала в себя верхний суконный кафтан с прорезами на внутренней стороне плеча (под пазухой), который подпоясывался кушаком; суконный «исподний кафтан», или полукафтанье; суконные широкие шаровары, заправленные в короткие сапоги; шапку из серой смушки с суконным верхом. Казаки были вооружены саблями, иногда шашкой, в кованых ножнах с медной или железной оправой (у зажиточных и у офицеров оправа была серебряная или вызолоченная); пикой с красным древком; ружьем без штыка или карабином; пистолетами. Помимо гладкоствольных ружей широко были распространены нарезные «винтовальные» ружья, встречались у казаков и так называемые «турки» — ружья небольшого калибра (10—12 мм) персидского или турецкого производства.

Начиная с конца 1760-х гг. стали вводиться «непременные цвета» платья казаков, но вводились они не сразу и не везде, тем более приживались с трудом среди яицких казаков, ненавидевших «регулярство». Есть основания предполагать, что некоторые из яицких казаков к началу восстания имели светло-синие кафтаны и шаровары, малиновые кушаки, а также малиновые верхи шапок. Позже в событиях 1773—1775 гг. приняли участие донские, волжские, оренбургские, астраханские и другие казаки. Некоторые из донских казаков могли иметь голубые кафтаны, шаровары и верхи шапок (причем верхние кафтаны были с красными воротником, обшлагами и подбоем), малиновые кушаки с желтой бахромой; волжские носили в основном красную одежду с голубым кушаком; оренбургские — светло-синее платье с красным воротником, красными обшлагами и подбоем верхнего кафтана, черные кушаки; у астраханских преобладал темно-коричневый цвет, кушаки — голубые⁶. Как правило, у всех казаков, в том числе и у яицких, края верхних и исподних кафтанов обшивались узкой желтой тесьмой. Офицеры имели золотую обшивку на

кафтанах и на верхах шапок. Их кушаки были с примесью серебра и золота или совсем золотые и серебряные. Сапоги — цветные, в отличие от простых казаков «войсковой руки», цвет сапог которых был преимущественно черным⁷.

17 сентября отряд Пугачева направился к Яицкому городку. Впереди двигались знаменосцы, за которыми ехал Пугачев, за ним — человек 60—70 казаков, калмыков и татар. Взять с налету Яицкий городок не удалось — настоящего войска еще не было, его надо было создать. Отойдя верст 20 от городка, повстанцы собрали казачий круг, где избрали атаманом А. А. Овчинникова, Д. Лысова — полковником, А. Витошнова — есаулом, были избраны также сотники и хорунжие. Повстанческое войско взяло за основу казачью организацию. Поэтому и различия чинов также были весьма условны: за небольшим исключением, командный состав повстанцев отличался только более богатой одеждой и оружием.

В сентябре 1773 г. восставшие почти без выстрелов овладели несколькими форпостами, вступили в Илецкий городок, взяли Рассыпную, Нижне-Озерную и Татищеву крепости, 30 сентября — Чернореченскую крепость. До Оренбурга оставалось 28 верст. К этому времени казачье ядро войска уже обросло многочисленными отрядами татар, калмыков, башкир, взятыми в плен или дезертировавшими солдатами (их обычно сразу остригали по-казацки), бродягами, беглыми каторжниками. Но подлинная сила восстания заключалась во всколыхнувшемся крестьянстве, большею частью приписанном к различным уральским заводам. Как выглядела одежда крестьян того времени? К счастью, сохранилось подробное описание крестьянского костюма начала 70-х гг. XVIII в., оставленное академиком И. Георги: «Крестьяне имеют все вообще одеяние древнее российское, которое состоит из длинного с борами зипуна, делаемого из сукна, большею частью сермяжного, своего произведения, которое есть серо-беловатое, редко черное, также холстинные балахоны, но зажиточные имеют и тонкого сукна цвету большею частью василькового, синего, корышневого или вишневого, редко красного, шапки зимою, а часто и летом, высокие суконные или плисовые, синия, корышневые с околышем узеньким овчинным или другого какого меха, летом круглые поярковые с высокою и кверхуху

расширяющуюся тульею, черная, увязанные разных цветов лентами; зимою короткие овчинные тулупы, большею частью нагольные, редко покрытые, у зажиточных васьковым или другим сукном; на нагольные тулупы одевают свои сермяжные зипуны или кафтаны и подпоя-

Казахи.

С гравюры начала XIX в.

сывают каламенковым или другим шерстяным поясом... портки имеют холстяные или пестрядинный из собственного рукоделия, рубахи имеющие пазуху застегиваемую медною или серебряною пуговкой и обложенную часто снурком шелковым, серебряным и золотым, а иногда и узеньким позументом, смотря по тому, из какой материи будет рубаха, холстины, кумачу, пестрядины или полущелковой, красного и синего цвету, а следовательно, и по достатку; рубахи без воротников, с широкими рука-

вами подпоясаны ремнем или тесьмою, висят сверху штанов до колен... волосы на голове обстригают под гребенку, оставляя немного около висков и затылка, усов и бороды не стригут и не бреют, но отращивают. И сие есть всеобщее одеяние российских крестьян... »⁸

**Башкиры. С гравюры по рисунку А. О. Орловского.
Начало XIX в.**

В начале октября Пугачев с ходу попытался овладеть Оренбургом, но неудачно. Началась длительная осада, во время которой пугачевское войско приобрело законченную организацию. Вся армия была разделена на полки («части», «команды»), по возможности однородного национального и социального состава. Полки яицких, илецких, исетских и оренбургских казахов (входили также самарские, красногорские и прочие казаки). Полк ставропольских крещеных калмыков. Полк каргалинских татар. Башкирский полк. Полк заводских крестьян во главе с Хлопушей. Было также выделено подразделение из бывших пленных или дезертировавших солдат во главе с бывшим подпоручиком 2-го гренадерского полка М. И. Швановичем, которые частично продолжали носить остатки форменной одежды. Полки делились на роты человек по 100; ими командовали сотники, есаулы и два хорунжих⁹. Выборы этих должностных лиц во все полки производились исключительно яицким казаками.

Вооружение оставляло желать много лучшего. В основном преобладали копья; штыки, привязанные к палкам, дубины; ружей было мало. Башкиры были вооружены луками (башкир «легко можно было распознать по их рысым шапкам и по колчанам», — писал А. С. Пушкин в «Капитанской дочке»)¹⁰. Луки были и у калмыков, причем ставропольские крещеные калмыки (в отличие от нижеволжских) были хорошо вооружены и ружьями. Иногда встречались пистолеты, офицерские шпаги. Много было вообще безоружных. Весьма разнообразной была и артиллерия¹¹. Ни барабанов, ни сигнальных труб не было, но у каждого полка было свое знамя: обычно оно шилось из желтого или красного шелка, на который были нашиты кресты, реже — лик Спасителя или Николая Чудотворца¹². Известно знамя, ныне утраченное, которое представляло из себя грубый кусок полотна с текстом «тех прокламаций, которые высылал вперед Пугачев, когда приходил к какому-нибудь городу или крепости перед их штурмом. Эта прокламация была пересыпана кое-какими крепкими словцами без всякого стеснения и деликатности»¹³. В настоящее время известно только одно сохранившееся знамя, которое хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Оно сделано из холстинного полотнища (108x126 см), прикрепленного к черному древку 157 см длиной. В се-

редине полотнище сшито из темно-красного, более тонкого холста, пересеченного двумя перекрещивающимися полосами серого грубого холста, из которого сделана и кайма¹⁴. Было у Пугачева и одно подлинно голштинское знамя — Дельвигова драгунского полка, — что имело

Наградной крест армии Пугачева

большое значение в связи с голштинским происхождением Петра III¹⁵.

Вероятно, позже стали появляться награды — металлические кресты и медали. Медали часто представляли из себя рубли с изображением Петра III или Петра I, к которым были приделаны ушки. Носили их с левой стороны на ленте произвольного цвета. Известен старообрядческий латунный восьмиугольный крест с надписью: «Царь Петр Федорович жалует тебя крестом, бородой и волей казацкой. 1773»¹⁶.

Сам Пугачев в торжественных случаях надевал шаровары из малинового бархата, бешмет голубого штофа, черную мерлушковую шапку с бархатным малиновым дном и белую рубашку с косым воротом. Его вооружение составляла сабля и 2 пистолета¹⁷. Сохранилось описание одежды Пугачева и более позднего периода — мая 1774 г.: на нем была парчовая бекеша, красные сапоги и шапка, сделанная «из покровов церковных»¹⁸. Иногда «император» надевал на себя голубую ленту

(должна была ассоциироваться с лентой ордена Андрея Первозванного), о которой в журнале военных действий отряда подполковника (позже полковника) И. И. Михельсона было записано: «Сказывают, что орден сей назывался черная борода»¹⁹.

Под Оренбургом, в Берде, Пугачев «суд и расправу давал сидя в креслах перед своей избой. По бокам его сидели два казака, один с булавою, другой с серебряным топором»²⁰. Личной охраной был «непременный караул» из 25 (позже 50) яицких казаков, именовавшихся «гвардионцами». Пугачев обещал дать им особую форму — зеленого цвета кафтаны²¹. Пожалуй, это была единственная попытка восставших ввести «непременную» одежду. Данное обстоятельство говорит о многом: несмотря на относительную организованность (которая имела место глазным образом на первом этапе крестьянской войны), пугачевцы не могли тягаться со стройными красно-зелеными шеренгами регулярной пехоты и вымуштрованными драгунами в синих кафтанах.

Но на первых порах успехи повстанцев были несомненны. Частично это объяснялось тем, что они столкнулись с гарнизонными войсками, штатными командами и так называемыми легкими полевыми командами (состояли из двух мушкетерских рот, нескольких десятков егерей и драгун — всего менее 450 человек при нескольких орудиях), а также с многочисленными «временными казаками» — насильно согнанными в отряды крестьянами. Обмундирование этих отрядов в какой-то степени объясняет их первоначальные поражения. «Временные казаки» были одеты в обычное крестьянское платье, и ружьями были вооружены далеко не всегда. Завидев еще издали такие же, как на них, зипуны и армяки пугачевцев, «временные казаки» зачастую быстро переходили на сторону «самозванца».

Штатные команды, бывшие в некоторых городках, имели в своем составе по положению 1763 г. при провинциальной канцелярии — 1 офицера и 56 нижних чинов, а при воеводской канцелярии — 1 офицера и 28 нижних чинов²². Все они не имели особого обмундирования и получали одежду по образцу пехотных и драгунских частей, о мундирах которых речь пойдет далее. Но это в идеале²³. В действительности же регламент соблюдался очень редко — ходили в чем попало. Всю амуницию

и оружие штатные команды вообще получали из выслуживших сроки в полках²⁴.

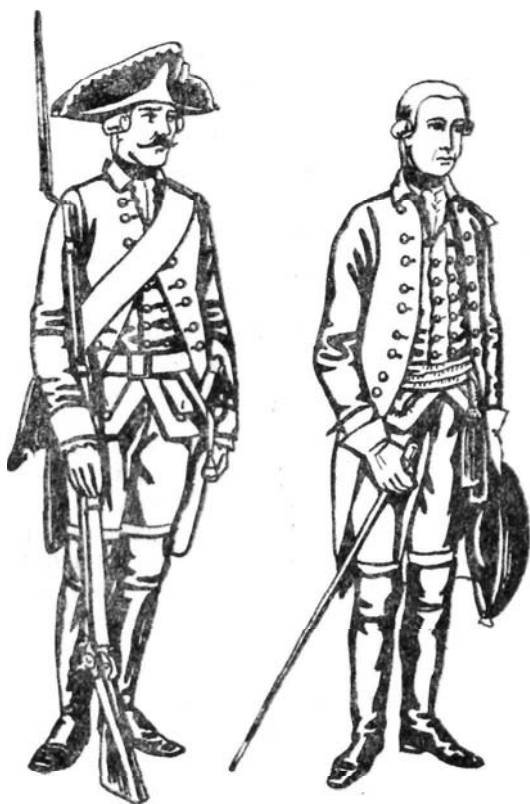
Лучше обстояло дело в гарнизонных батальонах. Рядовые имели зеленый кафтан без лацканов, с воротником, обшлагами и красным подбоем. Полы кафтана были застегнуты и скреплены. По обоим бортам шло 10 медных пуговиц, посаженных попарно; на левом плече пришивался шерстяной погон. Камзол был зеленый с двумя рядами медных пуговиц; зеленые штаны, черные штиблеты из фламского полотна (парусины) с пуговицами, из-под которых были видны белые штибель-манжеты (накладки на колена). Обувью служили круглоносые башмаки, а на голове была треугольная шляпа с нитяным белым галуном в виде зубчиков и белым бантом. Через правое плечо перекинута белая перевязь для ношения сумы, а по поясу камзола шла портупея для шпаги. Епанча василькового сукна с красным подбоем (строилась по 10 на роту). Солдаты были вооружены фузеей с трехгранным штыком и шпагой с тесачным клинком и медным эфесом, носимой в черных кожаных ножнах с медной оправой. Любопытно, что штыки были почти исключительно петровского времени²⁵.

Унтер-офицеры отличались узким золотым галуном (капралы — по краю воротника и обшлагов в один ряд; фурыеры, подпрапорщики и каптенармусы — на шляпе и воротнике в один, на обшлагах в два ряда; сержанты — на шляпе и воротнике в один, на обшлагах в три ряда). У офицеров кафтан был с опущенными полами, шляпы без галуна. По поясу шел офицерский шарф из черного шелка с желтым, у штаб-офицеров — золотые шарфы с черным шелком. Отличиями штаб-офицеров служили также галуны по чинам на бортах камзола. Вооружение состояло из офицерской шпаги с темляком, в руках была трость²⁶. По всей видимости, именно такую одежду носил прапорщик Гринев, служа в Белогорской крепости. Стоит вспомнить, как, впервые войдя в дом коменданта, молодой офицер увидел старого инвалида, который «нашивал синию заплату на локоть зеленого мундира»²⁷. Для гарнизонных солдат это была вещь обычная.

В лучшую сторону по своей подготовке, дисциплине и обмундированию отличались солдаты легких полевых команд. Мушкетеры этих команд имели зеленый кафтан

без лацканов. Подбой был зеленый. По краям пол шла широкая суконная обшивка красного цвета. На левом плече — шерстяной погон или эполет различной формы и расцветки. Камзол и штаны — красные, как и обшла-га кафтана. На ногах — черные штиблеты с белыми

**Рядовой и штаб-офицер
гарнизонного батальона.
1764—1786 гг.**

штибель-манжетами и черными круглоносими башмаками или сапогами. На белой лосиной перевязи через левое плечо была надета патронная сума с медным номером

команды. На шее — галстук, обшитый по верхнему краю белой тесьмой. На голове — черная поярковая (свалянная из поярка — шерсти первой стрижки) шляпа с белым нитяным галуном в виде зубчиков, слева шляпа имела белый бант с петлей из черной тесьмы и маленькой пуговицей, в углах — 2 шерстяные кисти, а сверху банта — белый султанчик. Вооружение состояло из фузеи с трехгранным штыком, медным прибором и красным юфтяным ремнем; а также шпаги с тесачным клинком, имевшей медный эфес, черные ножны с медным прибором.

Офицеры носили зеленые кафтаны с красным воротником, лацканами и обшлагами, красные камзол и штаны. Все пуговицы были вызолочены. На ногах — черные кожаные штиблеты с такими же пуговицами и башмаки. На кафтане золотой или серебряный погон, кафтан носили с опущенными полами. Камзол, в отличие от камзола нижних чинов, не имел воротника и рукавов. На руках — лосиные перчатки с небольшими раструбами. Шляпа имела золотой галун, вызолоченную пуговицу, золотые кисти в углах шляпы, султан из белых перьев. Шпага с золотым темляком носилась на белой портупее, обшитой по краю золотым галуном. Обер-офицеры, кроме того, были вооружены укороченной фузеей с трехгранным штыком и вызолоченным прибором. Офицерский знак у всех обер-офицеров был серебряный, у капитанов — с золотым ободом. По поясу шел офицерский шарф. Штаб-офицеры имели по борту и на карманных клапанах камзола золотые галуны в зависимости от чина. В конном строю штаб-офицеры носили круглоносые сапоги с раструбами и позолоченными шпорами. Офицерские знаки штаб-офицеров были все вызолочены²⁸.

Егерские команды в составе легких полевых команд имели камзол с отложным воротником и треугольными обшлагами, узкие штаны. Все зеленого сукна, расшито черными шнурами, похожими на гусарские. Сапоги были также гусарского типа. Галстук — черный с белой обшивкой, такого же цвета картуз имел тулью, обшитую зеленым сукном, слева пришивалась кокарда и султанчик. На поясе был черный кожаный патронташ. Рядовой егерь был вооружен укороченным ружьем с кортиком вместо штыка. В холод егеря надевали зеленые шинели²⁹.

Драгунские команды были одеты в синий кафтан с такой же подкладкой и с обшивкой вокруг пол из красно-

черного шерстяного галуна. Под кафтаном — белый камзол, лосиные штаны, короткие с вырезом гусарские сапоги. На голове шапка из черной кожи с круглой тульей, обшитой черным мехом, и высоким продолговатым налобником с медной бляхой в виде продолговатой звезды

**Мушкетер, егерь,
рядовой драгун
и драгунский офицер
легких полевых команд.
1771—1775 гг.**

с императорским вензелем. Чепрак был красный с желтой выкладкой³⁰. И наконец, в артиллерийских командах служители были обмундированы, как нижние чины мушкетерских рот, но с черными воротником, опушкой пол и обшлагами³¹.

Именно эти легкие полевые команды показали свою боеспособность во время осады Яицкого городка и Оренбурга, в боях за Челябинск и Екатеринбург.

К началу Пугачевского восстания гарнизон Екатеринбург включал в себя, по всей видимости, следующие войска: 1-ю Екатеринбургскую горную роту (командиром, вероятно, был капитан Иван Петрович Порецкий), Екатеринбургскую монетную роту* (рота была подчинена надворному советнику Якову Рооде), артиллерийскую команду (командир — штык-юнкер Михайло Медведчиков). 2-я Екатеринбургская горная рота с 1770 г. находилась при Гороблагодатских заводах, а штатной команды в городе не было вообще³².

Сегодня уже невозможно полностью восстановить состав, вооружение и обмундирование этих подразделений к сентябрю 1773 г., однако с помощью документов Государственного архива Свердловской области есть возможность воссоздать примерное положение дел. Названные подразделения, как это было и ранее, полностью не были укомплектованы, но некомплект составлял всего несколько человек. Ядро 1-й Екатеринбургской горной роты составляли «потомственные» солдаты, некоторые из них были сыновьями и внуками первых строителей города — солдат Тобольского полка. При знакомстве с формулярными списками 1-й роты обращает на себя внимание личность сержанта Ивана Семеновича Огнева, «Екатеринбургской роты солдатского сына». К началу восстания ему было примерно 38 лет, в военной службе находился уже лет 20 и прошел путь от солдата, ротного писаря, каптенармуса до сержанта. Ошеломляет следующая запись: «Сержант Огнев читать и писать, арифметике, геометрии, тригонометрии и чертежей знаменования знает». Не зря оставил Татищев в Екатеринбурге свою библиотеку и организовал заводскую школу. Подобно многим своим сослуживцам, Огнев встретил начавшееся восстание с неприязнью и злобой, участвовал в карательных партиях, «злодеев обращал добро порядочно»³³. Два сержанта этой роты — Григорий Черепанов и Александр Саламатов (один — солдатский, другой — обер-офицерский сын) — за отличия в боях против «злодея» были даже произведены командующим генерал-аншефом А. И. Бибиковым в прапорщики³⁴.

Не отставали от них и солдаты монетной роты, а так-

---

* Охраняла монетный двор и сопровождала караваны с монетой.

же артиллерийской команды. Штык-юнкер М. Медведчиков «с начала и во все в здешнем ведомстве замешательстве» энергично распоряжался вверенными ему орудиями, обучил даже рекрут артиллерийскому делу, за что получил специальный аттестат от екатеринбургского главного начальника полковника Василия Федоровича Бибикова³⁵.

Как же были обмундированы солдаты горной и монетной роты, артиллерийские служители Екатеринбурга? Точные сведения об этом отсутствуют, и только по архивным документам 1775—1777 гг. мы предполагаем, что все они имели красные суконные кафтаны, камзолы и штаны, обычные для того времени черные поярковые шляпы с шерстяным белым галуном в виде зубчиков и с белой кокардой, закрепленной петлицей и пуговицей. В углах шляпы — белые кисти. Обшлага, воротники, лацканы и подбой кафтанов солдат горной и монетной рот были белыми, у артиллеристов — из черного крепа. На левом плече у кафтана был цветной погон (расцветку установить не удалось), а медные пуговицы нашивались попарно. Шею повязывали черным галстуком, на ногах были сапоги или башмаки, вероятно, были и черные штиблеты с белыми штибель-манжетами. Пуговицы на штиблетах были медными. Через левое плечо шла лосиная перевязь с патронной сумой, а по поясу портупья с саблей. В руках фузея со штыком. Епанчи (в оригинале документов — плащи) были васильковыми, кафтан, штаны и шинель профоса — из зеленого сукна³⁶. Можно предполагать, что офицерам офицерского знака не полагалось³⁷, а все остальное было как у артиллерийских офицеров, с переменной черного цвета на белый и желтого металлического прибора — на белый или серебряный. Штаны и камзол были палевые, галстуки и перчатки белые, епанча красная. На левом плече — серебряный погон. По поясу — офицерский шарф. В будни носили шляпу без галуна, а в строю — с серебряным галуном.

Итак, особые горнозаводские традиции Екатеринбургского гарнизона, достаточная укомплектованность личным составом, добротное обмундирование — все это делало горную и монетную роты, артиллерийскую команду Екатеринбурга достаточно боеспособными, сильными подразделениями перед лицом крестьянского бунта. Но

это только на первый взгляд. В гарнизон, как и всюду, проникла «зараза бунтовства» и неподчинения. Нередки были случаи дезертирства и неповиновения начальству. «О солдате Пастухове уведомляют, что он числится по спискам ротных дел при здешнем начальстве», но, будучи отправлен в мае 1772 г. при караване в Петербург, бежал. «Да солдат же Евдоким Цыпалев в мае месяце 1774 г. послан был от здешнего начальства на заводы и в крестьянские жительство с увещательными печатными экземпляры, который с заводов и с крестьянских житейств возвратясь в Казань 19, а 20 числа июня неведомо куда из Казанского начальства отлучился, и где он ныне находится, поныне не известно». Полуанекдотичный случай произошел с солдатом Кочиним и рассылным Чашиним. Их было «определено наказать розгами, но, за неприготовлением их караульными, были не наказаны. А другого дни того же апреля они поутру из-под караула скованные бежали, которых для сыску по тракту к городу Екатеринбург послан был солдат Панкратов, который их, Кочина и Чашина, в расстоянии от города Казани во стапятинадцати верстах в деревне татарской поймал, и по привозе в Казань в здешнем начальстве 14 числа того же апреля при рапорте представил»³⁸. Далеко не все случаи бегства и неповиновения солдат можно и должно объяснить социальными мотивами, но ясно другое: с началом Пугачевского восстания екатеринбургское горное начальство почувствовало себя весьма неуютно, даже за частоколом солдатских ружей.

10 октября 1773 г., как только начальник Екатеринбургской горной канцелярии полковник В. Ф. Бибилов получил известие о бунте, он спешно начал составлять вольные «команды» из заводских рабочих и служителей. К декабрю в составе этих команд было уже более 1200 человек³⁹. Но разве это были солдаты? По свидетельству екатеринбургского чиновника надворного советника Охлябина, никто из них не был «приготовлен» «ни к службе, ни к тому, как им Пугачева разуместь должно»⁴⁰. Не многим отличались от этих «казаков» и 400 рекрут, присланных от сибирского губернатора Д. И. Чичерина⁴¹. Простые сермяги рекрутов ничем не отличали их ни от «казаков», ни от бунтовщиков.

Пассивно вел себя и Василий Бибилов, который не

занимался обучением рекрут и «казаков», но писал разного рода «объявления» и сочинял текст присяги*. В отличие от своего начальника, ряд чиновников горной канцелярии проявили завидную активность, особенно асессор М. И. Башмаков, который уже в ноябре очистил от «бунтовщиков» Анненский завод, перевешал и перепорол 40 человек⁴³.

К началу января 1774 г. положение Екатеринбурга стало угрожающим. В горной канцелярии впервые услышали имя «главного атамана и походного полковника» Ивана Наумовича Белобородова (хотя «утверждение» Пугачевым Белобородова в высоких чинах состоялось несколько позже). Разумные и решительные действия Белобородова в значительной мере объяснялись его солдатским прошлым. Восемнадцати лет он был «по очереди отдан в рекруты», где сменил штатскую «одежку» на форму артиллерийского ведомства⁴⁴. Только примерно через 6 лет он был «за хромотою (вероятно, симулированную. — *Авт.*) от службы отставлен канониром» и занялся торговлей—вплоть до конца 1773 г., когда, уклоняясь от принудительного «казачества», присоединился к восставшим.

Войско Белобородова имело казацкую организацию, разделялось на 3 сотни: русскую (сотник С. Баренцев (Верхоланцев), башкирскую (сотник Егафар Азбаев) и марийскую (сотник Оска Оскин). Стремясь к комплектованию боеспособного и многочисленного войска, Белобородов наряду с принципом добровольности нередко прибегал и к принудительной мобилизации из приписных крестьян и работных людей. Сотник Верхоланцев описывал такой эпизод: «Узнав, что я имел команду в 500 рабочих, он (Белобородов. — *Авт.*) приказал мне на другой день выставить их во фронт и сделать им перекличку по горным спискам. Ночью я выстроил 500 человек в одну линию против квартиры полковника и ждал рассвета... Белобородов осмотрел всю линию и выбрал до 300 человек для себя, остальных не принял за малолетством и другими недостатками; скомандовал фронт, выдернул свою саблю и обернулся к старшинам и сотникам, которые мгновенно последовали его примеру.

---

* Это мнение дореволюционных историков оспаривается в советской историографии⁴².

«Поздравляю тебя походным сотником, — сказал он мне, — а вас, ребята, с товарищем». Я поклонился. Меня тотчас остригли по-казацки и дали мне саблю». Но несмотря на элементы «регулярства», для войска Белобородова, как и для любого отряда пугачевцев, была характерна стихийность, слабая военная подготовка, хотя и более высокая, чем в войске Пугачева. Ни о какой унификации одежды «пугачи» Белобородова и не помышляли. Что касается самого атамана, то мы не располагаем каким-либо описанием его одежды, за исключением упоминания о «лисьем малахае»⁴⁵.

Однако сила повстанческого войска заключалась не в однотипных кафтанах и оружии, «а в своей угрюмой решительности... Кого тут только не было! — писал Е. А. Федоров на страницах «Каменного Пояса». — Шли в войско мужики из приписных к заводам, убого одетые в серые сермяги, в нагольные полужубки, и многие из них топали по скрипучему снегу в лыковых лаптях. Молчаливо двигались угрюмые углежогги, которые узнавались по чумазым лицам, изъеденным угольной пылью. Все эти воины были вооружены дубинками, рогатинами, топорами, пиками, и редко у кого виднелся самопал или сабелька. Только заводские тащили за собой на санях пушки и мортиры, они казались грозной силой. Позади пушек на маленьких бойких конях двигалась башкирская сотня, за нею нестройной толпой шли пешие толпы башкир, одетых в теплые малахайи. За плечами у них мотались холщовые колчаны, набитые красноперыми стрелами, в руках — тугие луки, готовые в любую минуту к бою»⁴⁶.

К началу января 1774 г. весь Кунгурский уезд, многие районы Екатеринбургского горного ведомства были охвачены восстанием. Один за другим, часто без всякого сопротивления, уральские заводы сдавались отрядам повстанцев. Партии «казаков», высылаемые для подавления бунтовщиков, завидев сермяжные армяки и полужубки «пугачей», переходили на их сторону.

4 января растерянный начальник Екатеринбургской горной канцелярии Бибииков собрал совет, на который пригласил всех чинов главного заводов правления, а также находившегося в городе генерал-майора Я. Данненберга (в середине 60-х гг. Данненберг организовал гранильное дело на Урале). В одной из комнат двух-

этажного каменного здания собралось до десятка участников совета. Полковник Бибилов, вероятно в красном мундире горного офицера, открыл заседание. Он заявил о бедственном положении Исетской провинции, охваченной восстанием, и предложил сдать Екатеринбург. Многие из чиновников были возмущены этим предложением, зашумели, начался спор, но решения принято не было. 8 января совет собрался вновь. Бибилов предложил «благородным» оставить Екатеринбург, а сам город укрепить и защищать. В ответ на это предложение надворный советник Охлебин возразил: «Не видав еще никакой крайности, постыдно подписывать определение, которое не согласуется ни с честью, ни с должностью и присягою». Мнения чиновников разделились. Многое теперь зависело от позиции единственного генерала на совете — Данненберга. Даже по внешнему виду генерал резко выделялся среди собравшихся горных чиновников: золотое шитье двойным рядом лавровых листьев шло по полам и обшлагам, по клапанам карманов; по воротнику — одинарным рядом. Золотой галун — по краям шляпы, а сверху возвышался белый плюмаж из перьев. Правда, для повседневного ношения генералу полагался более скромный кафтан — без шитья, с пуговицами на обшлагах для отличия чина (у генерал-майора по одной), а также сюртук⁴⁷. Данненберг присоединился к мнению Бибилова.

11 января началась эвакуация «благородного» населения — уезжали многие дворяне, горные чиновники, купцы и духовенство. В. Бибилов тоже стал открыто готовиться к отъезду: собрал около 50 подвод у своего дома, сжег документы канцелярии, расплавил медные деньги. В городе царил анархия. Рекрутов, которых временно распустили по домам из-за нехватки продовольствия, собрать всех фактически не удалось. Солдаты предавались пьянству, в караулы не ходили. Среди населения царил паника. В этих условиях надворный советник Яков Рооде, начальник золотых приисков, собрал подведомственную ему монетную роту, организовал рабочих с золотых промыслов и «учинил разъезды по городу», чем и «пресек начинающее возмущение» в Екатеринбурге⁴⁸.

В течение всего января Екатеринбург находился на грани сдачи, и только благодаря действиям отрядов

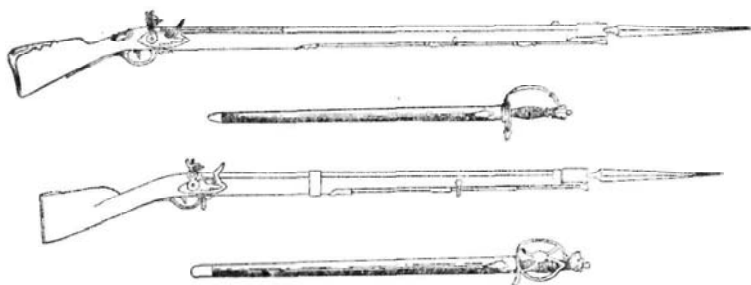
поручика Костина и сержанта Тобольских рот Курлова повстанческие зойска увязли в местных боях и не предприняли попыток овладеть городом. 31 января в Екатеринбург вступил отряд секунд-майора Фишера в составе двух рот из оренбургских батальонов. Горные чиновники с неподдельным облегчением смотрели на нестройные ряды уставших солдат, одетых в васильковые епанчи, под которыми виднелись зеленые кафтаны. Впереди на коне ехал секунд-майор Фишер. На нем был зеленый кафтан с опущенными полами, а по камзолу, украшенному широким зеленым галуном по борту и клапанам, был повязан золотой с черным шелком шарф. Поверх кафтана — епанча василькового цвета. На ногах — черные сапоги с раструбами.

Одновременно из Казани в сторону Екатеринбурга двигался отряд секунд-майора Нарвского пехотного полка Гагрин. В нем было до 200 солдат Владимирского пехотного полка при двух орудиях, много запасной амуниции и ружей для «обывателей», которые присоединялись к отряду. В феврале, очистив ряд заводов и селений от «пугачей», Гагрин также вступил в Екатеринбург во главе 120 солдат и 670 полувооруженных «казаков» из крестьян⁴⁹. На мушкетерах был застегнутый на все крючки зеленый кафтан с красными лацканами, отложным воротником, обшлагами и подбоем. На каждом лацкане — по 7 медных пуговиц, еще 3 такие же пуговицы были нашиты по правому борту кафтана ниже лацкана. Под кафтаном красный камзол на 10 пуговицах, штаны красного сукна, черные штиблеты, застегнутые с внешней стороны на 12 пуговиц, и черные башмаки. На левом плече кафтана крепился суконный цветной погон (цвет и форма его не известна). Поверх кафтана — васильковая епанча. Шляпа и амуниция были такие же, как у гарнизонных солдат, только темляк на шпаге — черный с белой кистью, а на шляпе — небольшой белый султанчик. В теплое время года солдаты ходили только в камзолах, надевая при этом белые штаны. Что касается командира отряда Гагарина, то его мундир был такой же, как у секунд-майора Фишера. Правда, тот и другой могли надеть зеленый офицерский сюртук без лацканов с пуговицами, нашитыми по бортам попарно. Чепрак и чушки у штаб-офицеров были красного сукна с двумя галунами. В пешем строю офицерам полагалось

быть в черных кожаных гетрах, а при строевой форме надевать офицерский знак. Кроме того, обер-офицеры имели особые фузеи с трехгранным штыком⁵⁰.

Если в составе команды Гагриня были гренадеры» то они вместо шляп носили суконные шапки с медным

**Фузея и шпага армейских пехотных офицеров
и драгунские ружье и палаш.
60—80—90-е гг. XVIII в.**

налобником: задник шапки был красный, околыш — зеленый; сверху белая стоячая кисть. Что касается фузелей и канониров артиллерийской команды пехотного полка, то они отличались от мушкетеров только тем, что воротники, обшлага и лацканы кафтанов были черными, а канонир, кроме того, имел пороховницу, носимую через правое плечо на широкой перевязи. Артиллерийские лафеты красились в красный цвет⁵¹.

Несмотря на подход новых правительственных сил к Екатеринбургу, бои вокруг него шли с переменным успехом. 11 февраля пугачевцы выгнали из деревни Решеты, от которой было рукой подать до города, отряд капитана Черепанова. В 12 часов ночи в Екатеринбурге была «ударена тревога и собранные... люди разведены с артиллерией в подкрепление городских караулов»⁵². Но восставшие не развили успех, и уже через два дня секунд-майор Фишер и капитан Белов нанесли удар по пугачевцам. Секунд-майор Гагрин также начал теснить

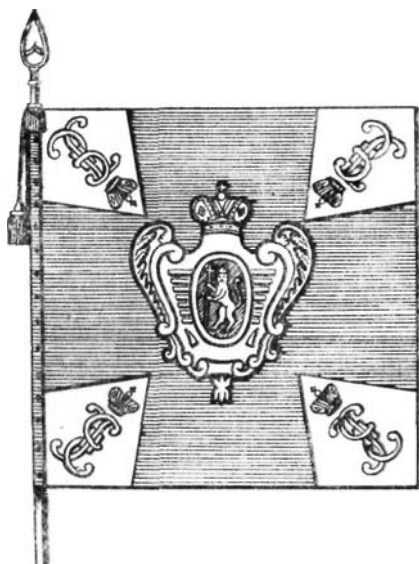
отряды Белобородова у Красноуфимска. Однако и правительственные войска по вине Бибикова проявляли явную нерешительность. Сам же Бибиков стремился переложить всю тяжесть по разгрому «бунтовщиков» на Гагрна, Фишера, капитана Порецкого (вероятно, возглавлял подразделения екатеринбургского гарнизона) и майора Жолобова, стоявшего во главе 12-й легкой полевой команды. Ведя непрерывные бои, эти отряды постепенно отходили от Екатеринбурга, что В. Бибикова явно не устраивало. В апреле он пишет Гагрина послание, в котором просит его вновь идти на защиту Екатеринбурга. Гагрин в недоумении: крупные силы «бунтовщиков» городу уже давно не угрожали (Белобородов все далее уходил к югу); в самом Екатеринбурге в это время находилась одна легкая полевая команда, две гарнизонные и одна горнозаводская рота и несколько сотен вооруженных рекрутов⁵³. Поэтому, поразмыслив, Гагрин пошел к Челябинску на соединение с генерал-поручиком И. А. Деколонгом.

Действительно, основные события назревали именно на Южном Урале. После поражения под Сакмарским городком Пугачев снял осаду Оренбурга. 22 мая у Чебаркульской крепости его нагнал подполковник И. И. Михельсон, но бой закончился безрезультатно. На другой день раздосадованный Михельсон сделал «в приказе строгий выговор роте, потерявшей свои пушки, и отнял у ней пуговицы и обшлага до выслуги»⁵⁴. 21 июня, взяв Осу, Пугачев двинулся к Казани, которая 12 июля была также взята. Здесь его и нагнал Михельсон. «Пугачев бежал, но бегство его казалось нашествием» (А. С. Пушкин).

Однако участь восстания была уже предreshена. Наряду с гарнизонными батальонами, легкими полевыми командами и «казаками» из крестьян, против Пугачева были брошены многочисленные армейские части: 2-й гренадерский, Владимирский, Томский, Нарвский, Великолуцкий, Воронежский и другие пехотные полки. Солдаты этих полков резко отличались от гарнизонных и горнозаводских частей, которые составляли до сих пор основу войск, боровшихся с Пугачевым. С самого начала, как только рекрут поступал в полк, предписывалось учредить за ним «кураторство» «надежному и добронравному солдату, чтоб он ежечасно того нового солдата обу-

чал, не только порядочному поведению, но как обуться, одеться и дать себе добрый вид, быть не лениву, смелу, проворну, поворотливу, чтоб крестьянская подлая привычка, уклонка, ужимка, чесание при разговоре, совсем были из него истреблены... ». Особое внимание уделялось

**Знамя Владимирского пехотного полка.
Утверждено в 1763 г.**

одежде: «... рубашку чаще переменять, сапоги и башмаки обувать, камзол и кафтан надевать, галстук повязывать порядочно, никогда дыр, как на одежде, так и на обуви не терпеть, а всегда починивать, если что издерется». Шляпу солдат должен был научиться носить даже с шиком — «носком передним несколько на левый глаз». Но самое главное — «... помнить всегда, что он не крестьянин, а солдат, который именем и чином от всех его прежних званий преимуществует»⁵⁵. Вымуштрованные солдаты пехотных полков, давно забывшие о том времени,

когда они носили мужицкую сермягу, огнем и железом карали «возмутителей» и «бунтовщиков».

В дело были брошены многочисленные кавалерийские части — драгунские, карабинерные, гусарские, казачьи и даже кирасирские (лейб-кирасирский полк). Драгуны носили синие кафтаны (с погоном на левом плече) и камзолы, отложной воротник, обшлага и подкладка были красными, штаны — замшевые или лосиные (в походе поверх них надевался холстинный чехол), пуговицы — медные. На ногах были тупоносые сапоги без раструбов с железными шпорами и штибель-манжеты. Руки облегали замшевые перчатки с крагами; черная шляпа с желтым галуном и железной тульей, кисти в углах шляпы — синие. Вооружение и амуницию составляли: палаш с темляком и портупеей, ружье со штыком, патронная лядунка и перевязь, а в конном строю — пара пистолетов у седла. Чепрак и чушки синего сукна с узкой обшивкой из черной кожи, чемодан (цилиндрическая сумка, приторачиваемая к седлу) — синий. Епанча синяя или васильковая⁵⁶.

Вооружение кирасир было такое же, как и у драгун, но они сразу выделялись железными нагрудными кирасами и белыми суконными или кирзовыми колетами (мундирами). Любопытная деталь: в кирасирских и драгунских частях, согласно положению прежнего устава 1755 г., особое внимание уделяли усам: «Каждому кирасиру и драгуну надлежит, как возможно, стремиться усы отращивать, которые бы везде в строю и караулах подчесаны и подчернены были... у кого же по молодым летам натуральных усов еще нет, то употреблять, таким образом, накладные»⁵⁷.

Карабинерные части отличались от драгун только красным камзолом, сапогами с раструбами, золотым галуном на шляпе и красными кистями в ее углах. Чепрак, чушки и чемодан были красного цвета⁵⁸.

Гусарские полки носили форму, близкую национальному венгерскому костюму, состоявшую из валяного колпака с плоским верхом и различными украшениями; верхней куртки — ментии (позже ментика), обычно имевшей восемь рядов горизонтальных шнуров и обшитой мехом; дулама (позже доломана) с такими же шнурами; кушака из гарусных шнуров; чакшир (позже чакчир) — рейтуз с узором. На ногах были короткие сапоги. С ле-

вого бока болталась плоская сумка (ташка), крытая цветным сукном с вензелем Екатерины П. Вооружены гусары были карабином, двумя пистолетами и саблей. Цвета всех элементов обмундирования зависели от принадлежности к конкретному полку⁵⁹.

**Офицер пехотного полка в сюртуке.
1764—1769 гг.**

К августу 1774 г. восстание быстро пошло на убыль. Отдельные всплески уже не могли изменить общего хода событий. Войска всюду обложили метавшегося Пугачева, стремясь поймать уже его самого. Особенно выделялся своей энергией в поимке самозванца гвардии

поручик Гаврила Державин. «Резкий ум и пылкий характер» (А. С. Пушкин) и мундир офицера гвардии способствовали его усилиям. Зеленый кафтан гвардейского офицера, обшитый золотым галуном, не имел лацканов; камзол также был зеленого цвета, по бортам и клапанам

Рядовой драгунского полка.
1764—1775 гг.

которого шел золотой галун. Обшлага и воротник каф-
тана тоже зеленые, обшиты тем же галуном⁶⁰.

Не один Державин стремился снискать лавры усми-
рителя Пугачева. «По степи, с худейшей пищею рядовых
солдат, — доносил Екатерине II граф П. Панин, — в по-

**Рядовой Изюмского гусарского
полка. 1765—1776 гг.**

году ненастнейшею, без дров, без зимнего платья, с командами майорскими, а не генеральскими, гонялся до последней крайности»⁶¹ за «злодеем» генерал-поручик А. В. Суворов. Описывать его парадный мундир не имеет смысла — Суворов был либо в повседневном зеленом кафтане без шитья (на чин генерал-поручика указывали только 2 пуговицы на обшлагах), либо в зеленом длиннополом сюртуке. Правда, шляпа отличалась от офицерской — на ней вместо галуна было золотое шитье и белый плюмаж⁶².

Усилия честолюбивых дворян по поимке самозванца не увенчались успехом. Пугачева выдали сами яицкие казаки, привезя его к гвардии капитан-поручику Маврину. И только в Яицком городке Суворов впервые увидел «злодея», которого сопровождал до Симбирска. «Пугачев сидел в деревянной клетке на двухколесной телеге. Сильный отряд при двух пушках окружал его. Суворов от него не отлучался»⁶³. От Симбирска до Москвы Пугачева везли в зимней кибитке, он был в оковах, и солдатам приходилось кормить его прямо из рук. Наконец 10 января 1775 г. на Болотной площади в Москве состоялась казнь Емельяна Пугачева. Кругом эшафота и трех виселиц были выстроены пехотные полки. Мороз был жестокий, и офицеры были в шубах, поверх которых блестели шарфы и офицерские знаки. В сопровождении отряда кирасир привезли Пугачева, солдаты сделали «на караул». Один из чиновников зачитал манифест, после чего с Пугачева сорвали белый бараний тулуп, стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтана. Пугачев упал навзничь, «и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе» — так вспоминал пугачевскую казнь поэт И. И. Дмитриев, чьи неизданные записки использовал А. С. Пушкин⁶⁴.

После массовых экзекуций среди приписных крестьян и работных людей в селениях и на заводах жизнь в Екатеринбурге стала входить в свою прежнюю колею. Основная часть «пришлых» воинских команд была из города выведена. Среди них было подразделение одного из гусарских полков. Трудно установить, по какой причине, но 13 июля 1775 г. «указом канцелярии главного заводов правления» было «велено принять в ротный цейхгауз бывших здесь гусар мундирные и аммуничные вещи, кои приняты в цейхгауз каменный, дабы от сырости не

могли оные испортиться». Эти вещи пролежали в цейхгаузе До 1777 г., когда горнозаводское начальство решило их распродать «желающим охотникам с публичного торгу». В один из июньских дней 1777 г. в присутствии ротных обер-офицеров были распроданы: «киверов с белыми тесмами», гусарских чемоданов, перевязей и «ремней подсумошных», штанов и прочих гусарских вещей — 33 комплекта⁶⁵. Невозможно установить, кто именно приобрел эти вещи, но, вероятно, в течение еще не одного года на улицах Екатеринбурга можно было встретить гусарские чакширы, колпаки (в документах — кивера) и даже ментии.

22 февраля 1775 г. были упразднены легкие полевые команды. Из их мушкетерских рот было повелено составить четырехротные полевые батальоны (с 1786 г. — шестиротные), один из которых получил название Екатеринбургского⁶⁶. Каких-либо сведений о том, где квартировал этот батальон, обнаружить не удалось (мы предполагаем, что не в Екатеринбурге). Упразднен Екатеринбургский батальон был в ноябре 1796 г., став частью Томского мушкетерского полка. Обмундирование всех чинов Екатеринбургского полевого батальона было аналогично обмундированию мушкетерских полков. Единственное отличие заключалось в гербах, которые были на патронных сумах, офицерских знаках, знаменах и барабанах. Этот герб, обрамленный короной и различными украшениями, представлял из себя следующее: на зеленом поле перегнутая под острым углом золотая полоса и на ней 5 чугунных ядер, выше полосы — три серебряных циркуля, а ниже — серебряный молоток⁶⁷.

После подавления восстания горное начальство попыталось ликвидировать возникший некомплект в горных ротах, в том числе среди унтер-офицеров. Особое предпочтение отдавалось участникам подавления «бунтовства», хотя они явно уступали по своим качествам кадровым солдатам. Так, например, полковник Бибилов определил сержантом в 1-ю Екатеринбургскую горную роту бывшего подьячего Тимофея Камгородова, который «в бунтовство самопроизвольно из подьячих был в предводительстве в команде с прапорщиком Черепановым». Но уже в августе 1775 г. «за слабое, стоя в карауле при гобвахте, наблюдение, через что один утечку учинил, написан был из сержантов в солдаты». Но опала

таких людей не могла длиться долго — в том же году по случаю «дня тезоименитства Ея Императорского Величества... ему сержантский чин возвращен»⁶⁸.

Продолжали служить в 1-й роте и упоминавшиеся ранее обер-офицеры А. Саламатов и Г. Черепанов, произве-

**Герб Екатеринбургского полевого
батальона. 1775—1796 гг.**

денные в эти чины за борьбу против «воровских шаяк» в 1773—1775 гг. Но наряду с ними в роте было много солдат, унтер-офицеров и офицеров, седые виски которых были опалены подлинными сражениями во славу русского оружия. Обратимся к формулярным спискам за 1777 г. Среди офицеров обращает на себя внимание 57-летний поручик Федор Баннаш, «прусской нации офицерский сын греческого вероисповедания». Только поступив в службу, он в 1736 г. сразу оказался «под Перекопом при штурме, под Козловом, Бахшисараем, и назад идучи к России при Черной Долине в Ногайской орде ранен стрелою в голову». В 1737 г. «под Очаковым был ранен в правую ногу пулею», в 1738 г. — под Бендерами, в 1739 г. — под Хотинем и в Яссах — в 1742 г. Далее — «Гельсингфор и Фридрихсгам в 1743 галерами при острове Гогланде и при Гангутской косе».

А вот перед нами весьма старый (72 года!) сержант Тимофей Сахаров, из монастырских крестьян. Уже 37 лет тянул он солдатскую лямку. В 1741 г. находился с войсками в Швеции, в 1748—1749 гг. — «во вспомогательном корпусе великих держав в Цесарии» (Австрии. — *Авт.*), в 1757 г. — в Пруссии при взятии г. Мемель, затем в по-

ходах 1758—1762 гг. в Пруссии, наконец, в 1763—1764 гг. — в Польше.

Не менее интересны послужные списки солдат: Василий Панаев, 48 лет, «екатеринбургских рот солдатский сын» (т. е. потомок первых строителей города), оказался с гордым и независимым характером. В 1765 г. «за противность и непослушание наказан батожем и написан был до выслуги в капралы солдаты» (т. е. солдатом. — *Авт.*). К 1777 г. он так и не выслужился в свой прежний чин.

Солдат Никифор Попов, 60 лет, в 1757 г. был «в походах до Кюстрина и на баталии 1759 под Пальцыгом, где ранен левой руки в локоть пулею, того же года под Фанфорстом в сражении». В 1760 г. — «в Берлинской экспедиции, с 1761 в Цесарии, в 1762 при Турецкой армии».

Солдат Сергей Вагин, 57 лет, в 1741 г. был в Швеции, в 1757—1762 гг. в Пруссии при взятии г. Мемеля, «где прусским гусаром голова саблею разрублена и пулею левой ноги берцо ранено», но вскоре вновь был в строю и в 1764 г. «в Польше в походах находился».

Славное боевое прошлое имели солдаты Матвей Слитков, Алексей Пастухов (в 1749 г. «в прусской земле, а потом под городами Фанфорстом и Кюстрином, где находился на сражениях лет семь»), Николай Иванов, Карп Татауров (из «ясашных татар») и другие. Много было раненых, некоторые с физическими недостатками (недоставало пальцев на руках и т. д.)⁶⁹.

Что касается обмундирования горнозаводской и мотетной роты, то, по всей видимости, изменений не произошло, за исключением введения плащей зеленого, а в артиллерийской команде — красного сукна⁷⁰. Возможно, но маловероятно, что со второй половины 80-х гг. прежние кафтаны стали заменять на кафтаны по типу курток в армии Г. А. Потемкина.

С 1775 г. царское правительство начинает реформу местного самоуправления в России. По указу от 27 января 1781 г. было создано Пермское наместничество в составе двух областей, или провинций: Пермской и Екатеринбургской (из 8 уездов). Одновременно были учреждены в Екатеринбурге областная, а в уездах — уездные штатные команды. Провинциальная, т. е. областная, воинская команда состояла из следующих чи-

нов: 1 поручик, 1 подпоручик, 2 сержанта (в том числе при конных чинах вахмистр), 6 капралов (в том числе при конных чинах два), 56 рядовых (в том числе конных драгун 16 человек), 2 барабанщика и 1 фельдшер⁷¹. До 1787 г. они не имели особого обмундирования и одевались по образцу армейских чинов: пешие — как мушкетеры, конные — как драгуны. С 1787 г. было определено штатным командам Пермского наместничества носить кафтан или куртку светло-синего цвета; воротник, лацканы, разрезные обшлага и опушка пол — малинового сукна; пуговицы из желтой меди были на лацканах, сзади на полах, по две — у разреза обшлагов и по три — выше обшлагов. Черная шляпа без галуна, с кокардой, на ногах — белые суконные шаровары с пришитыми кожаными крагами в виде коротких фигурных голенищ. Офицеры имели светло-синий кафтан с бархатными воротником, лацканами и обшлагами малинового цвета. Пуговицы были вызолочены. На ногах — черные высокие сапоги⁷². Смена обмундирования и обуви проходила в штатных командах сверх жалованья, а оружие и амуниция выдавались из списанных в армейских полках. Предусматривалось чинить это оружие до тех пор, «пока совсем не придут в ветхость»⁷³. Есть основания полагать, что и обмундирование нового типа екатеринбургская штатная команда получила не сразу, донашивая прежнюю одежду.

В 80-х гг. XVIII в. в Екатеринбурге в связи с реформой местного самоуправления и «Жалованной грамотой» 1785 г. возник целый ряд учреждений со своим штатом: совестный суд (1 судья, 2 заседателя, 2 мещанских заседателя, 2 сельских заседателя и т. д.), верхний земский суд (первый и второй председатели, 10 заседателей, 1 прокурор и др.), верхняя расправа (первый и второй председатели, 10 заседателей, 1 прокурор и др.) и многие другие учреждения⁷⁴. В апреле 1784 г. было определено «присвоить в каждом наместничестве особые цвета для платья, в пользу находящихся там у дел дворянства и гражданства и в сокращение роскоши... ». Различия цветов были заимствованы «большею частью из гербов, ими употребляемых... »⁷⁵. Для всех чиновников Пермской губернии был введен светло-синий кафтан с малиновыми лацканами, воротником и подбоем. На разрезных обшлагах малинового цвета было 5 желтых пуго-

виц. Камзол белый. Для чиновников почтового ведомства был введен особый мундир — зеленый кафтан с черными бархатными лацканами, воротником, разрезными обшлагами с тремя пуговицами и подбоем; камзол палевый, пуговицы желтые⁷⁶.

Резко выделялись в массе гражданских чиновников горнозаводские чины: они, по всей видимости, носили красные мундиры с белым отличительным цветом. Их одежду нельзя было спутать и с мундирами офицеров горной роты, так как у первых были красные штаны и белые камзолы (в отличие от палевых), и они не носили шарфа и погона на левом плече. Кроме того, в строю горные офицеры, в отличие от горных чиновников, надевали шляпу с серебряным галуном по борту. Возможно, отличие заключалось еще и в пуговицах (у горных офицеров — белые или серебряные, у чиновников — «тумпаковые», или латунные).

ГЛАВА

3

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЕ
МУШКЕТЕРЫ

В 1782 г. 28-летний наследник престола великий князь Павел Петрович отдал распоряжение составить из введенных ему Балтийских флотских батальонов небольшой отряд для содержания караулов при Каменноостровском и Павловском дворце. Этот отряд постепенно увеличивался и в 1786 г. составил 3 роты, в следующем — 5 рот, а к 1796 г. состоял уже из 6 батальонов пехоты, 1 егерской роты, 4 кавалерийских полков и других подразделений¹. Эти войска получили название Гатчинских, по мызе Гатчина, принадлежавшей Павлу Петровичу. Даже по своему внешнему обличью гатчинские батальоны не имели ничего общего с русской армией. Одетые в мешковатую форму времен Петра III (которая в свою очередь была скопирована с мундиров Фридриха II), они напоминали гарнизон какого-нибудь прусского городка. «Бараки, конюшни, — вспоминал современник, — все построики были выстроены по-прусски, и при взгляде на войска, находящиеся там, можно было поклясться, что солдаты только что прибыли из Берлина»². Почти ежедневно на заре раздавался сигнал к учению, и солдаты оставались под ружьем часов двенадцать. Жесткая прусская выучка и тупая муштра были явлениями обычными. Обычны были и жестокие наказания. Современник упоминает доски, к которым привинчивался солдат, чтобы наглядно показать, какого рода солдатскую «позитуру» должны они сохранять³. Впрочем, иногда наказания были и «оригинальными»: однажды за плохое выполнение одного движения солдаты-гатчинцы должны были снять петлицы со своей формы и возвратиться в казармы через кухню⁴.

Вполне понятно, что далеко не каждый офицер стремился связать свою судьбу с гатчинскими батальонами — поэтому вербовали в офицеры в основном лиц неминуемых, без образования, часто иностранцев. Как отмечал дореволюционный историк Н. К. Шильдер, это были «люди грубые, совсем необразованные, сор нашей армии; выгнанные из полков за дурное поведение, пьянство или трусость, эти люди находили убежище в гатчинских батальонах...»⁵. Был среди них и молодой офицер Аггей Певцов, который преданностью, четкостью выполнения приказов и строевых приемов обратил на себя внимание цесаревича. За несколько лет службы в батальонах Павла Петровича Певцов настолько свыкся с гатчин-

скими порядками, что не мог уже представить свою жизнь без ежедневных вахт-парадов (разводов), учений и кургузого прусского мундира. Вскоре ему пришлось сыграть видную роль в военной истории далекого Екатеринбурга, куда он привнес из Гатчины прусские уставы и чуждые для русских солдат мундиры. Впрочем, Павел I положил в армии конец «золотому веку» казнокрадов, заставил офицеров заботиться о своих подчиненных, уравнивал в наказаниях высшие и низшие чины⁶. Наряду с наказаниями пехотный устав 1796 г. вводил в армии и убеждение солдат, предусматривал для нижних чинов 3 дня отдыха в неделю⁷.

6 ноября 1796 г. скончалась Екатерина II. На русский престол взошел Павел I. 29 ноября он повелел сформировать ряд мушкетерских полков, в том числе Екатеринбургский полк, на основе 5-го и 6-го Сибирских полевых батальонов⁸. Немало времени ушло на то, чтобы довести волю императора до этих батальонов, а тем в свою очередь добраться до Екатеринбурга из прежних мест квартирования на Иртышской военной линии. И только 4 мая 1797 г. 5-й и 6-й Сибирские полевые батальоны вступили в Екатеринбург.

Почти 8 месяцев под наблюдением первого полкового шефа генерал-лейтенанта Якова Васильевича Боувера шло формирование нового мушкетерского полка, которое закончилось только к концу 1797 г.⁹ Полк состоял из двух батальонов, а батальон — из шести рот: одной гренадерской и 5 мушкетерских. В отличие от других мушкетерских полков гренадерские роты екатеринбуржцев не вошли в состав сводных гренадерских батальонов по причине отдаленности квартир от других мушкетерских полков¹⁰.

5 января 1798 г. были «высочайше подтверждены» штаты и табели нового обмундирования российских войск. Они были почти полностью скопированы с гатчинских батальонов и с неприязнью восприняты во всей армии. «Прекрасный мундир наш, — читаем в дневнике капитана Московского полка Николая Грязнова, — заменили каким-то нескладным мешком, делающим и самого прекрасного мужчину безобразным привидением... Головы наши спереди обстригли под гребенку, облили вонючим салом, к вискам привесили огромные букли, аршинную косу прикрутили вплотную к затылку и осыпали

мукою, шляпы дали с большими городами (полями)... Эта шляпа была чудесной формы и едва прикрывала головы наши; ноги наши обули в курносые смазные башмаки и стянули за колено суконными штиблетами с красными вдоль всей ноги пуговицами; вместо булатной, висящей на бедре сабли... воткнули в задницы наши по железной спице, удобной только перегонять мышей из житницы в житницу, а не защищать жизнь свою... »¹¹

Сокрушаясь по поводу своей прежней одежды, натягивали новые мундиры солдаты и офицеры Екатеринбургского мушкетерского полка. Кафтан был сшит из темно-зеленого сукна о красным каразейным * подбоем и плоскими медными пуговицами. Воротник пришивался к кафтану наглухо и был шириной в 10 см. Лацканов кафтан не имел и передние края пол выкраивались уступом. Над обшлагами рукавов пришиты небольшие желтые петлицы с кисточками. На каждом борте от углов воротника до пояса по 5 пуговиц. Одна пуговица находилась на воротнике с левой стороны для пристегивания погона, две — на правом борте ниже пояса, две — на рукавных клапанах, по три — под карманными клапанами, две — на лифе, по одной — у нижних концов пол, и по одной — у застежек пол. Воротники, обшлага и погоны екатеринбуржцев были шосовыми (оттенок красно-бурого цвета**). Жесткая регламентация павловского времени требовала с 1 марта по 1 мая застегивать кафтан на все крючки, с 1 мая по 1 сентября кафтан застегивался на крючки против 3-й и 4-й пуговиц от низа, с 1 сентября по 1 ноября — на все пуговицы, «роме двух самых нижних, с 1 ноября по 1 марта — на все пуговицы без исключения.

Штаны и камзол были белыми, причем в летние месяцы рукава камзола отпарывались, а в холода пришивались вновь. Штиблеты шились из черного сукна с двенадцатью желтыми пуговицами на внешней стороне. Под третьей из верхних пуговиц они застегивались с помощью квадратной пряжки суконной подвязкой. Башмаки с тупыми носками были смазными, галстук — из красного стамеда*** с белой обшивкой по верхнему

---

* Каразея — грубая шерстяная подкладочная ткань.

** «Блюшинный цвет».

*** Шерстяная ткань.

краю. Головным убором в мушкетерских ротах была черная суконная шляпа с белой обшивкой; на переднем борте слева сверху крепилась кисть зеленого и серого цвета, а в углах шляпы — боковые желтые кисти с черным. Кроме того, первоначально шляпу украшал белый бант, по вскоре он был отменен. Помимо шляпы полагалась фуражная шапка в виде темно-зеленого колпака с кистью; околыш колпака пюсового цвета. Шинель строилась из белого сукна без подкладки с 6-ю обтяжными пуговицами и имела отложной воротник, как на кафтане. Надевали шинель в ненастную погоду поверх кафтана в рукава, подпоясывались портупеей, а в походе часто носили скатанной сверху ранца либо через плечо. Полагалась также темно-зеленая фуфайка, по сути овчинный полшубок, который мог надеваться под камзол, для чего у камзола сзади распускалась шнуровка. Все нижние чины имели шпаги с тесачным клинком в ножнах из нечерненной кожи и медным прибором. Темляк был в основном белый, но некоторые его части (столбик, гайка, околыш) были разного цвета, благодаря чему можно было определить роту и батальон. Портупея делалась из выбеленной кожи с прошивкой у краев и имела лопасть для шпаги и штыка; спереди была медная пряжка. При летней форме портупею надевали по камзолу, при зимней — поверх кафтана.

Екатеринбуржцы, вероятно, имели ружья старого образца (возможно, из тех, которыми были вооружены 5-й и 6-й Сибирские батальоны). Ружейный ремень красной кожи, патронная сума снаружи была из вычерненной глянцевой кожи и имела на крышке круглую медную бляху с двуглавым орлом. Подобно портупее, перевязь также строилась из беленой яловочной кожи и прострачивалась по краям. Наконец, нижние чины имели четырехугольные ранцы, водоносные фляги (фляжи) из жести и кожаный сухарный мешок (среди нижних чинов назывался «лакомкой»).

Унтер-офицеры имели по краям воротника и обшлагов золотой галун. Шляпа была обшита также галуном и имела шерстяные кисти: на боках — желтые с черным, наверху — зелено-пюсовую. По примеру пруссаков, унтер-офицерам полагались замшевые перчатки с клапанами и крагами и «камышовые» трости с широким набалдашником из белой кости и медным наконечником.

С помощью темляка из черной кожи трость зацеплялась за вторую из верхних пуговиц левого борта кафтана, а нижним концом пропусклась под загиб левой полы. Ни ружей, ни сум с перевязями унтер-офицерам не полагалось, зато они имели галлебарды (алебарды) в виде длинного черного древка и «железа» (или «пера») с тремя на каждой стороне закругленными зубцами. Темляк на шпаге был с черной и оранжевой шерстью внутри кисти и на ее околыше. Барабанщики имели небольшие «крыльца» у плеч пюсового цвета, четыре поперечные нашивки на передних половинках рукавов из желтой тесьмы и погон на правом плече. Вооружение состояло только из шпаги. Барабан был из медной латуни с выпуклым изображением двуглавого орла в овале; обручи внутри окрашивались белой краской, а снаружи зелено-пюсовой в виде зубцов (темно-зеленые зубцы на стороне латуни), позже пюсовый цвет заменен на белый. Барабанная перевязь строилась из яловочной кожи и имела сзади медную пряжку, а спереди два кожаных гнезда для барабанных палок (цвета алебардных древков). Кроме того, барабанщик для предохранения колена надевал занавески из телячьей шкуры шерстью наружу.

Б полку кроме мушкетерских были гренадерские роты. Гренадеры отличались особыми гренадерскими шапками, которые имели медные бляхи с различными украшениями, задники пюсового сукна и темно-зеленые околыши. По трем швам задника шла желто-черная обшивка, а на околыше — три медные гренaды*. Сверху — желто-черная кисть. Кроме особых шапок рядовые гренадеры имели темляки с зелеными гайками (верхняя часть кисти) и кистями, а на патронных сумах, по углам крышки, — четыре пылающие гренaды. Унтер-офицеры гренадерских рот, в отличие от мушкетерских, были вооружены винтовальными ружьями и имели для патронов подсумки (или патронташи) из черной кожи с медными бляхами; подсумки надевались спереди портупеи.

Офицеры как мушкетерских, так и гренадерских рот носили одежду по типу нижних чинов за исключением следующего: кафтан был без погона, с золотыми пет-

---

* Изображение гранаты (в виде ядра) с вырывающимися языками пламени.

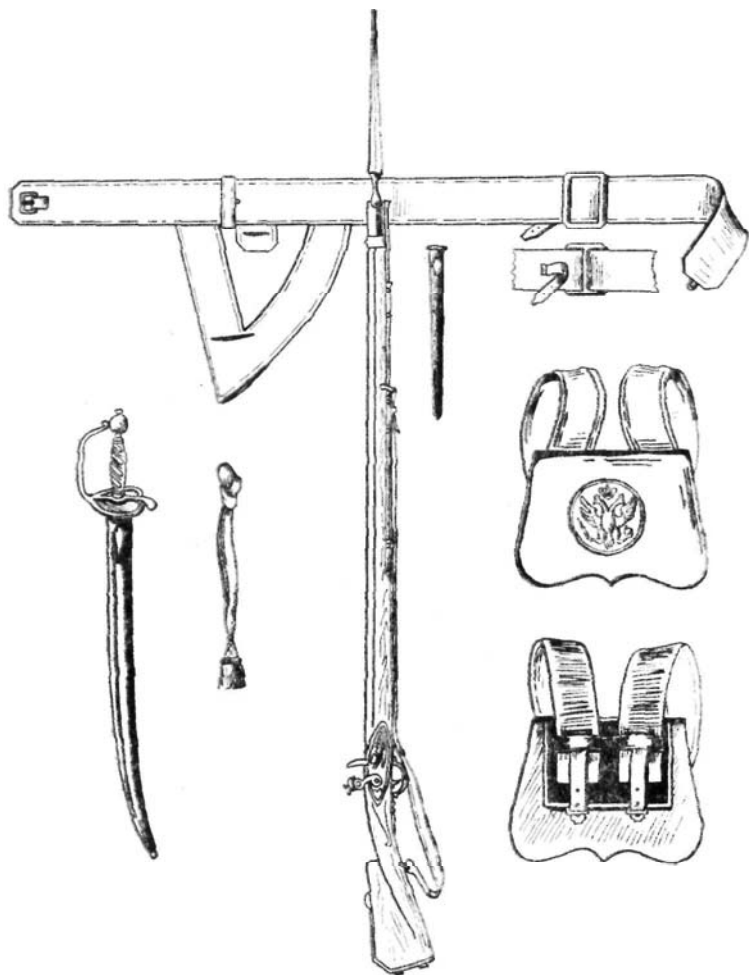
лицами, золочеными выпуклыми пуговицами, с подбоем из нелощеного стамеда и с опущенными полами. Пуговицы на бортах кафтана (по 6) нашивались попарно. Офицеры носили белые перчатки с крагами и трости вне строя, белые галстуки, сложенные в несколько складок. Шляпы имели узкий золотой галун, на боковых углах шляпы — золотые с черным шелком кисти, а на левом борте сверху — пуговица. Позже были введены черные кокарды с оранжевыми каемками и широкие петлицы из золотого шнура с восьмиконечной звездой в верхней части. Обычно офицеры носили шпагу в португее, на дежурства надевали шарф, а в полной строевой или парадной форме имели к тому же офицерский знак и эспантон*. Шпага имела вызолоченный эфес с закругленными чашками и с грифом, перевитым вызолоченной проволокой. Ножны были нечерненной кожи с вызолоченным прибором. Белая португеея надевалась под камзол так, чтобы шпага находилась летом — под левой полкой, в остальное время — сдвинутой к задней прорехе (отсюда и образное выражение современника по поводу нового ношения шпаги, которое мы цитировали ранее). Темляк был серебряный с двумя каемками из черного и оранжевого шелка и с примесью того же шелка в гайке, столбике и бахrome. Шарф также был серебряным с полосками и вкраплениями черного и оранжевого шелка. При летней форме его носили по камзолу, в прочее время года — по кафтану. Знак был серебряный или высеребренный на черной шелковой ленте с оранжевыми краями. Знак украшался ободочком, а в центре — вызолоченным овалом из арматуры с короной наверху и черным двуглавым орлом внутри. Эспантон имел черное, более чем двухметровое древко с подтоком, сверху крепилось перо в 26, 7 см на железной трубке, с поперечным «железцом». На пере было вырезано изображение двуглавого орла, внутри которого вензель «П» и цифра «I», ниже — название полка. Штаб-офицеры в пешем парадном строю ничем не отличались от обер-офицеров. В конном строю они не имели эспантонов и надевали сапоги с раструбами и шпорами. При сапогах полагались штибель-манжеты, а полы кафтана заворачивались наверх. В ольстрах, прикрытах темно-зелеными

---

* Алебарда особого вида.

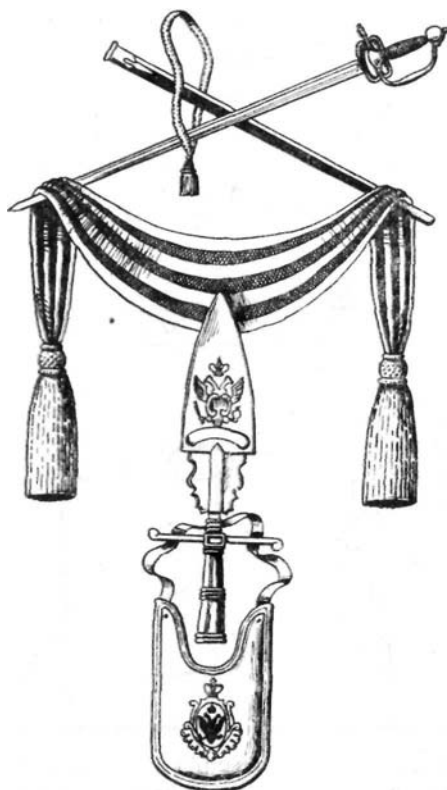
суконными чушками с золотым галуном, были два пистолета с медной оправой. Чепрак был темно-зеленый с золотым галуном, острыми углами. Кроме того, вне службы штаб-офицеры всегда носили сапоги со шпорами и штибель-манжетами, а кафтан с подвернутыми полами.

Полусабля, темляк, портупья, ружье, штыковые ножны и патронная сума рядовых грендерских и мушкетерских полков. 1797—1801 гг.

Что касается генералов, шефов полка *, то они отличались от штаб-офицеров только шляпами с широким, зубчатым галуном, кокардой, петлицей и белым плюмажем. Вне строя все офицеры и генералы могли иметь темно-зеленые сюртуки с красным подбоем. Эти сюр-

**Шпага, темляк, шарф, эспантон
и знак пехотных офицеров.
1797—1801 гг.**

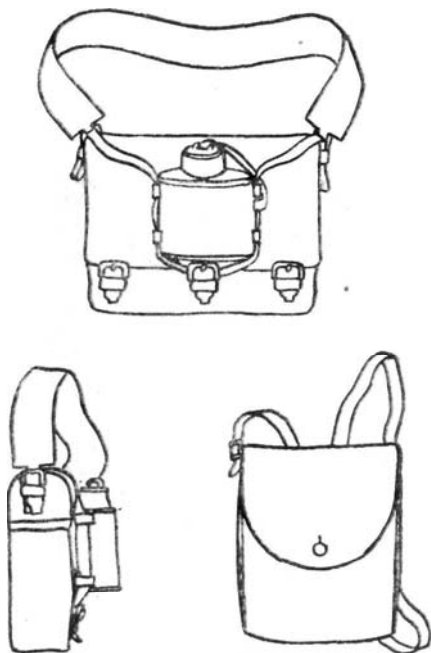

* Шефами полка в XVIII в. были: с 29 ноября 1796 г. — генерал-лейтенант Боувер, с 3 марта 1798 г. — генерал-майор Куприянов, с 4 марта 1798 г. — генерал-майор Горчаков, с 18 марта 1798 г. — генерал-майор Певцов.

туки походили на кафтаны, но делались просторнее. Наконец, эти чины имели еще и шинели из темно-зеленого сукна с шестью обтяжными пуговицами спереди и с двумя воротниками: стоячим и отложным.

Нестроевые нижние чины (церковники, цирюльники,

**Ранец, водоносная фляга
и сухарный мешок гренадеров и
мушкетеров. 1797—1801 гг.**

мастеровые и т. д.) вместо кафтана имели двубортный темно-зеленый сюртук и некоторые другие отличия, а нестроевые офицеры (аудитор, лекарь, квартирмейстер) носили темно-зеленый кафтан с темно-зелеными воротником и обшлагами, белыми пуговицами, темно-зеленый камзол с серебряным галуном, палевые штаны и сапоги с раструбами¹².

В течение последующих лет царствования Павла I был сделан целый ряд незначительных изменений в форме екатеринбуржцев (цвет кистей у гренадерских шапок стал белым; произошла замена шинелей плащами; древки алебард и эспантонов, а также барабанные палки стали кофейного цвета; шишки и гайки у шарфов и кисточек на шляпах стали малиновыми и т. д.)¹³.

В 1798 г. полку были пожалованы 10 знамен (по числу мушкетерских рот), причем знамя 1-й роты было особым и заменяло полковое¹⁴. Эти знамена были образца 1797 г. и представляли из себя следующее: полотнища девяти знамен (квадрат со сторонами более 70 см) были сшиты из 9 кусков шелка (средний круг, 4 конца креста и 4 угла), одно — из 14 кусков (так как углы состояли из двух частей). Крест у девяти знамен был темно-синим, углы пунцовые; у одного — крест белый, углы разделены по диагонали на 2 продольные части: одна пунцовая (слева верхняя), другая — темно-синяя. Средний круг оранжевый. В середине круга масляными красками и золотом был изображен двуглавый орел с поднятыми крыльями, с двумя коронами на головах и одной большой короной сверху. На груди орла — щит с Московским гербом, в правой руке — скипетр, в левой — держава; вокруг орла две зеленые лавровые ветви, соединенные голубой андреевской лентой. Сбоку полотнища пришивался кусок материи (занос), который оборачивался вокруг древка и прибивался к нему гвоздями. Древко было кофейного цвета, 320 см. Сверху на него крепилось навершие в виде трубки с плоским копьём, в середине которого было сквозное изображение двуглавого орла. На нижний конец древка надевался подток. Ниже навершия навязывалась серебряная тесьма длиной более 140 см, с серебряными кистями¹⁵.

С 31 октября 1798 г. все прежние названия полков были отменены; теперь они стали называться по имени шефа, чья власть была поистине неограниченной. Екатеринбургцы стали называться по имени генерал-майора Певцова, незадолго до того ставшего шефом полка. В ту пору А. Певцову было не более 26 лет!

Молодую, недавно сформированную часть Певцов решил сделать образцовым полком, по типу гатчинских батальонов. Почти каждый вечер назначенные для вахт-парада (развода) солдаты шефского (то есть 1-го) ба-

тальяна, который стоял в Екатеринбурге*, начинали драить кирпичом пуговицы, бляхи и другие медные принадлежности, завивали букли, сделанные из пакли и пропитанные салом, вплетали в косу металлический прут, придававший ей всегда прямое и отвесное положение. Наступала ночь, но спать солдатам почти не приходилось — можно было сломать прическу. Кое-как, сидя или подложив под шею полено, солдаты все же засыпали на несколько часов. Наутро, задолго до начала вахт-парада (который назначался в гарнизонах на 11 часов), солдаты строились перед квартирой капитана или другого ротного офицера. Офицер делал предварительный осмотр: чисто ли солдаты одеты, в порядке ли ружья (порядок понимался своеобразно — хорошо ли блестят металлические части), четко ли выполняют солдаты приемы «на караул», «перенеси ружье на левую сторону», «вынь штык», «штык подвысь» и другие. Наиболее ретивый офицер заставляет солдат еще выполнить приемы из «генеральных команд и шаржирования». После осмотра солдаты «маршировали на парадное место». Здесь они строились «как батальон», особое внимание уделялось ранжиру — в первой шеренге самые рослые, в третьей — менее высокие, во второй — малорослые, причем рост измерялся каждую весну, для чего всех солдат роты ставили на одну доску. Наконец солдаты построены, замерли офицеры с эспантоном в правой руке, унтер-офицеры — с алебардой на плече. Майор командует: «Слушай, на караул!» После чего скачет к офицеру, командующему вахт-парадом, салютует шпагой и «спрашивает о повелении». В этот раз приказано пройти церемониальным маршем. Майор скачет к строю, командует «на плечо», перестраивает солдат, и, высоко поднимая носки ног, как механизмы, «артикулом предусмотренные», делая в минуту 75 шагов, солдаты проходят перед командующим вахт-парадом, а затем вновь выстраиваются развернутым строем в 3 шеренги, и майор «велит делать к ноге». Только после этого начинается то, что, собственно, и составляло конечную цель вахт-парада — расчет людей по постам и отправление их по караулам. Основная же масса солдат выходит на огром-

---

* Солдаты были размещены в казармах и домах жителей города.

ный пустырь, позже превратившийся в Сенную площадь*, и начинает выполнять различные упражнения. Каждый солдат первоначально должен был добиться выполнения 20 команд ружейных приемов для заряжения, причем каждая команда делилась на темпы (элементы), затем назначались следующие 11 команд, так называемые генеральные, и т. д., и т. д. От одиночного обучения солдаты переходили к действиям в шеренге — «шаржирование», ружейные приемы, стрельба (на месте и маршируя, плутонгами, то есть шеренгами, полудивизионами и т. д.)¹⁷.

Вскоре, в июне 1798 г., Певцову представился случай блеснуть перед государем и великими князьями Александром и Константином Павловичами на инспекторском смотре в Казани. Участник этого смотра («ревю») полковник Уфимского мушкетерского полка Л. Н. Энгельгардт вспоминал позже, что 4 июня «в семь часов утра вошел Екатеринбургский полк в Сибирскую заставу; шеф оного был из гатчинских, генерал-майор Певцов». Вечером того же дня казанское дворянство дало бал, на котором присутствовал сам император с великими князьями и куда был приглашен Певцов со всеми штаб-офицерами. По всей видимости, Павел 1 не преминул распросить своего «гатчинского птенца» Певцова о новом полке, о новой службе. Такой разговор не мог не состояться: по данным историка Г. Н. Шапошникова, только благодаря личному участию Павла полуграмотный обер-офицер смог сделать за несколько лет головокружительную карьеру. На следующий день состоялся «смотр на Арском поле» (на том самом, где Михельсон разбил Пугачева), а 6 июня — учение, где екатеринбуржцы, наряду с другими полками, продемонстрировали разнообразные приемы стрельбы («на месте и маршируя, плутонгами, полудивизионами и дивизионами»), 7-го и 8-го — маневры¹⁸.

Смотр был окончен, Екатеринбургский полк покинул Казань и направился в места своего квартирования: шефский батальон — в Екатеринбург, три роты — в деревню Шарташскую, две роты — к Березовскому заво-

---

* Ныне район города, ограниченный улицами Луначарского, Декабристов, Куйбышева и рекой Исеть. Позже улицу Завальную, которая примыкала к пустырю, стали называть Солдатской (с 1920 г. — Красноармейской)¹⁶.

ду, а гренадерские — в Пермь¹⁹. Впрочем, не исключено, что квартирование подразделений полка было не постоянным. Так, к примеру, согласно «Хозяйственному описанию Пермской губернии» Н. С. Попова, первый раз вышедшему в начале XIX в., в составе мушкетерского полка, расположенного в Екатеринбурге, названо: 3 штаб-офицера, 28 обер-офицеров, 60 унтер-офицеров, 38 музыкантов, 864 рядовых и 163 нестроевых. При них находилось 230 жен, 97 детей мужского и 69 женского пола²⁰. Вне сомнения, в эти общие цифры вошли также роты, расположенные в селе Шарташ, либо роты «в заводе Березовском».

Кроме зеленых кафтанов мушкетеров на улицах Екатеринбурга можно было встретить и другие, самые разнообразные мундиры. Прежде всего, горнозаводских солдат, которых только в самом городе содержалось «для караулов при горной экспедиции и золотых промыслах 5 капралов, солдат 54, с переменою погодно». Кроме этого, из горнозаводских рот наряжалось «к провозанию золота в Санкт-Петербург обер- и унтер-офицеров с пристойным числом солдат, когда сколько потребно будет»²¹. Важно отметить, что описание обмундирования и даже упоминания о Екатеринбургской 1-й горной роте в архивных делах найти не удалось. Это обстоятельство, а также ряд косвенных данных заставляют предполагать, что к концу XVIII в. (возможно, еще в 1793 г.) 1-я Екатеринбургская горная рота и монетная команда были слиты, получив название Екатеринбургской монетной инвалидной пехотной роты (рота была усиленного состава: на 1802 г. в ее составе только рядовых было 260 человек)²². Есть также основание предполагать, что к началу XIX в. монетная рота сохранила свои прежние красные мундиры без изменений.

Примечательны формулярные списки личного состава этой роты на 1 января 1802 г. Возглавляет список подполковник Герасим Сергеевич Романов, выходец из обер-офицерских детей. Служа с 19 лет в разных частях, он, однако, «в походах и делах противу неприятеля не бывал», как, впрочем, и «в штрафах». Следующим идет майор Иван Герасимович Юшаков, 54 года. Выходец из мелкопоместных дворян, он начал службу «архитектурным учеником», через год перейдя в лейб-гвардии Семеновский полк. Спустя 10 лет он стал подпрапоршн-

ком «Шлюшенбургского» пехотного полка, откуда в 1778 г. перевелся в монетную команду. Боевым прошлым он, как и Романов, похвастаться не мог. Зато участие в боевых походах принимали оба капитана роты: Петр Иванович Балдин — «в Крыму за Перекопской линией» и особенно Илья Александрович Нелидов — в 1787 г. «при реке Буге у закрытия своих границ, а с того времени переправясь через Буг реку, в Турцию до Очаковской крепости», во взятии которой принял участие. В монетной роте служил еще один ветеран Очакова — подпоручик Дмитрий Максимович Петухов, который в составе Екатеринославского гренадерского полка с 1772 г. вплоть до своего прибытия в Екатеринбург в 1791 г. непрерывно участвовал в военных походах и сражениях с турками. «Курьером при его светлости князе Г. А. Потемкине-Таврическом» состоял в свое время подпоручик Василий Яковлевич Маев; сражался под Перекопом и у Шумлы сержант Аким Изотович Лапшин; «при разбитии неприятеля и взятии лагеря под городом Силистрой» находился капрал Федор Тимофеевич Родионов; «при взятии г. Хотина», под Фокшанами, Браиловым и Кагулом, а затем под Силистрой и при штурме Варны был седовласый барабанщик Гаврила Алексеевич Рябков...

Может, однако, создаться однобокое представление о Екатеринбургской монетной роте, как о весьма боеспособной части, укомплектованной боевыми ветеранами. Это не так. Тот же самый герой Очакова капитан Нелидов, как оказывается, находится «под судом за трату казенных денег»; «в городе Перми под судом военным» состоит поручик Иван Михайлович Тырков; многие офицеры, начав службу в гвардии, были вынуждены затем перейти в пехотные части и наконец «докатились» до монетной роты, расположенной в глухой провинции*. Много было раненых, вероятно, и с физическими недостатками²³.

Основные полицейские функции в Екатеринбурге во времена Павла I, как и ранее, были возложены на штатную команду. По мнению Мамина-Сибиряка, она вклю-

---

* Многие чины ранее состояли в 1-й Екатеринбургской горной роте, перейдя из нее в монетную команду большей частью в 1793 г. Это еще раз говорит о возможном слиянии двух рот.

чала в себя в то время 1 обер-офицера, 4 унтер-офицеров, 23 рядовых и 1 барабанщика²⁴. В октябре 1798 г. для этих чинов были введены новые мундиры с оговоркой о возможности донашивать прежние установленный срок. Новые кафтаны были темно-зеленого цвета с воротником, камзолом и штанами «по цветам присвоенным каждой губернии». Для Екатеринбурга это был красный цвет²⁵.

В конце XVIII в. в Екатеринбурге было немало и артиллеристов (по некоторым данным, в городе было расположено более шести десятков орудий!). Артиллеристы имели темно-зеленые кафтаны без лацканов, палевые камзолы и штаны (летом штаны были белыми), по темно-зеленым обшлагам шла красная выпушка, на левом плече был красный суконный погон, пуговицы медные. На ногах — черные штиблеты, на шее — красный галстук, на голове — обычная шляпа мушкетерских частей. Офицеры имели отличия, как в пехоте²⁶.

По сведениям краеведа Е. И. Девикова, на улицах города можно было встретить солдат Звериноголовского гарнизонного батальона, некоторые из них имели в Екатеринбурге даже свои дома. Вероятно, они постоянно сопровождали различные команды из Екатеринбурга и в Екатеринбург, оставаясь в штатах Звериноголовского батальона. Их обмундирование: темно-зеленые кафтаны со светло-зелеными воротником, лацканами и погоном; камзол и штаны — темно-зеленые, пуговицы белые, галстук черный²⁷.

В 1798—1799 гг. новые мундиры получили и штатские чиновники: темно-зеленый суконный кафтан с воротником и обшлагами «тех цветов, какие заключаются в губернских гербах, и с означением оных на пуговицах тех самых гербов». В Пермской губернии воротник и обшлага были из красного сукна; подкладка, камзол и штаны — палевые, пуговицы — белые. Эти мундиры были обязаны носить все служащие в губернских штатах и те из дворян, кто имел в этой губернии свои поместья²⁸.

В 1799 г. появилась особая форма и у почтальонов. Она включала в себя черную поярковую шляпу с черно-оранжевым бантом, темно-зеленый сюртук, палевый камзол, лосиные штаны и лакированные сапоги с железными шпорами. На груди был латунный знак почтового департамента. Почтальон был вооружен саблей,

и на двоих человек полагались один мушкетон и пара пистолетов. На гарусной темно-зеленой перевязи с кистями висел почтовый рожок, и через плечо — кожаная сума для писем. Чепрак был темно-зеленого сукна с палевой обшивкой; шинель темно-зеленая²⁹.

Вообще, в течение всего своего правления Павел I проявлял какое-то болезненное, маниакальное стремление к всеобщей и детальной регламентации одежды военных, чиновников, нижних служителей и даже гражданского населения. По сути дела, это было одним из отражений общего «упорядочения» всего государственного механизма, всей жизни огромной империи. Какими бы благими устремлениями ни руководствовался Павел I, но созданный им порядок, основанный на пунктуальном, автоматическом выполнении буквы рескриптов, повелений и «начальствующих предписаний», оказался недолговечным.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. к Михайловскому замку, где находился Павел I, стекаются многочисленные заговорщики, движутся подразделения гвардейских частей. В составе батальона семеновцев идет ко дворцу поручик Кожин, который откидывает павловский эспантон и произносит: «Не надо тебя! Теперь со шпагой служить надо»³⁰. Большая группа заговорщиков, проникнув в замок, быстро приближается к спальне Павла I. Впереди идет в генеральском мундире Л. Л. Беннигсен, за ним генерал-лейтенант Николай Зубов в форме Сумского гусарского полка, его брат Платон, директор 1-го кадетского корпуса, гвардейский полковник Яшвиль, штабс-капитан измайловцев Скарятин и другие офицеры. Быстро сменя на пути слабое охранение у тамбура спальни из двух камер-гусаров в красных дуламах с золотыми шнурами, заговорщики врываются к дрожащему Павлу и убивают его. По иронии судьбы, одним из орудий убийства становится офицерский шарф, детали которого, как и прочее обмундирование, были строго регламентированы павловской реформой мундира.

Уже через две недели весть о кончине императора добралась до далекого Екатеринбурга. Скрепя сердце, смутно представляя свою будущую судьбу, генерал-майор Певцов привел к присяге императору Александру I свой полк. Присягали и другие екатеринбургские подразделения и чиновники. «По данному от его пре-

восходительства господина действительного статского-советника и кавалера Аникиты Сергеевича Ярцова подполковнику Романову ордеру монетной роты военнослужители 28 числа сего месяца верности и службы присягу учинили», — читаем мы в одном из документов монетной роты³¹.

Почти сразу после воцарения Александр I начал проводить перемены в организации и обмундировании войск, быстро отходя от прусских канонов своего покойного отца. 29 марта 1801 г. мушкетерскому генерал-майора Певцова полку было возвращено его прежнее название — Екатеринбургский мушкетерский полк³², и он одновременно был переведен в трехбатальонный состав (1 гренадерский и 2 мушкетерских батальона по 4 роты в каждом)³³. А в апреле было повелено обрезать у солдат и офицеров пукли, а косы иметь только в четыре вершка (около 18 см)³⁴.

Не преминули наступить и более существенные перемены в обмундировании — в 1802 г., когда кургузый-павловский мундир был полностью заменен на мундир фрачного типа. Все нижние чины мушкетерских рот надели новые треугольные шляпы. По расцветке ряда элементов обмундирования можно было определить инспекцию, к которой полк был приписан, и саму часть. Что касается екатеринбуржцев, то воротник и обшлага он получил «верблюжьи», погоны — желтые; «верблюжьего» цвета стали также верхушки гренадерских шапок (околыши желтые). По кистям у мушкетерских шляп и гренадерских шапок можно было определить батальон: в 1-м батальоне — белые с желтой серединой, во 2-м — желтые, в 3-м — красные с желтой серединой. Знаменные, алебардные и эспантонные древки, барабанные палки остались кофейного цвета³⁵. Шляпы мушкетеров и гренадерские шапки были сменены на однотипные цилиндрические суконные шапки (позже получившие названия киверов), а офицеры обзавелись новыми шляпами с высоким султаном³⁶.

Полк неузнаваемо изменился не только внешне, но и по своему составу. В 1806 г. из Екатеринбургского полка было выделено несколько рот для формирования других частей³⁷. И хотя постепенно были сформированы и укомплектованы новые роты, полк некоторое время выглядел «общипанным».

Наконец наступил 1807 г. Уже давно на полях Европы русские войска вели изнурительные бои с наполеоновской Францией. Требовались все новые и новые части, которые война «высасывала» из глубин необъятной империи. Поэтому и екатеринбургские мушкетеры, по-

Мушкетерский унтер-офицер. 1802—1803 гг.

Мушкетер. 1809 г.

кинув родной город, начали продвижение на запад. Им предстояли грозные испытания. Почти все жители Екатеринбурга высыпали проводить до Московской заставы храбрых мушкетеров. Значительно позже благодарные жители соорудили на месте алтаря их полковой церкви памятник, который существовал долгие годы; он был уничтожен в начале 30-х гг. нашего века вместе с Екатерининским собором (ныне площадь Труда) *. Более Екатеринбургский полк в город своего рождения и юности не возвращался.

В 1810 г. новый военный министр М. Б. Барклай де Толли представил императору Александру I доклад где предлагал ряд мероприятий в плане подготовки России к новой войне с Францией. Министр писал: «Понеже Сибирская и Оренбургская линии подвержены вторжению и набегам кочующих токмо народов... а потому и предлагается вывести отсюда полевые полки: Оренбургский драгунский, Екатеринбургский, Рыльский и Селенгинский мушкетерские... »³⁸. Эти мушкетерские полки должны были образовать 23-ю пехотную дивизию и разместиться у юго-западных границ России. В конце августа 1810 г. екатеринбуржцы выступили в поход из Воронежа и его окрестностей, где они к этому времени были расквартированы³⁹. В конечном итоге к февралю 1812 г. 23-я пехотная дивизия вошла в состав 1-й Западной армии, а полк разместился в местечке Мосты, Виленской губернии⁴⁰.

Как и все мушкетерские полки, Екатеринбургский полк в 1811 г. стал называться пехотным и был организован в три батальона (в каждом по четыре роты — одна гренадерская и три мушкетерских). Гренадерская рота состояла из двух взводов — гренадерского и стрелкового, а мушкетерская — из двух мушкетерских. При выступлении в поход мушкетерские роты вторых батальонов должны были оставаться на своих квартирах и именоваться «запасными» батальонами. Причем гренадерская рота второго батальона выступала в поход с первым и третьим батальоном, входя в особый сводный

---

* Уже в наши дни было снесено здание арсенала полка, в котором длительное время помещались фонды Государственного архива Свердловской области. Здание находилось во дворе горно-металлургического техникума по ул. Воеводина.

гренадерский батальон дивизии. Наконец, с 1811 г. к Екатеринбургскому полку был приписан четвертый батальон трехротного состава, состоящий из рекрут Ельнинского депо. Он назывался «резервным», или «рекрутским»⁴¹. К июню 1812 г. два действующих батальона Екатеринбургского пехотного полка входили в 23-ю пехотную дивизию (командир — генерал-майор А. Н. Бахметьев 1-й), которая состояла в четвертом пехотном корпусе (командир — генерал-лейтенант П. А. Шувалов; 25 июня его сменил генерал-лейтенант А. И. Остерман-Толстой). Вместе с Рыльским полком екатеринбуржцы составили в 23-й дивизии первую бригаду (командир — генерал-майор М. М. Окулов). Гренадерская рота второго батальона вошла в состав первого сводного гренадерского батальона 23-й дивизии. Запасной батальон екатеринбуржцев был переведен в Динабург⁴². 12 июня 1812 г. шефом Екатеринбургского полка был назначен генерал-майор князь Иван Степанович Гурьялов (Гуриэлов, Гуриели), опытный командир, прошедший боевую школу в суворовских походах⁴³. Должность командира полка в июне 1812 г. была вакантной. Только 13 августа вышел приказ о назначении полковым командиром Екатеринбургского полка 40-летнего майора Василия Ивановича Богдановича, который до этого состоял в Таврическом гренадерском полку. Новый командир прибыл к екатеринбуржцам только в сентябре⁴⁴.

11 июня 1812 г. Наполеон начал войну против России форсированием реки Неман. Русская армия отступила. Четвертый корпус отходил через Вильно, Дриссу, Полоцк и 11 июля был у Витебска. 12 июля корпусу было предписано выдвинуться к местечку Островно на встречу подходившему неприятелю. Здесь 13 июля 1812 г. Екатеринбургский пехотный полк принял боевое крещение.

Остерман-Толстой расположил войска в две линии батальонных колонн поперек дороги на Витебск. Екатеринбургцы в составе 23-й дивизии входили во вторую линию русских войск⁴⁵. «Сражение было самое упорное и кровопролитное и продолжалось с 5 часов утра до 10 часов вечера. Потеря с обеих сторон довольно значительна, но графу Остерману удалось удержать превосходного неприятеля», — писал 14 июля Барклай де Толли командующему 2-й Западной армией П. И. Багра-

тиону⁴⁶. Несмотря на то что во время атак неприятеля основное участие в бою приняли войска первой линии, части второй линии понесли ощутимые потери от огня вражеской артиллерии. Утром 14 июля, после подхода пехотной дивизии П. П. Коновницына, четвертый корпус был отведен с занимаемых позиций за село Кекувячино и составил резерв. После ожесточенного боя 14 июля дивизия Коновницына, а с ней и четвертый корпус начали отступление, сдерживая наседавшего неприятеля. О действиях полка упоминается следующее: «Шеф Екатеринбургского пехотного полка генерал-майор князь Гурьялов, имея в начальстве своем 5 батальонов и несколько орудий, во время отступления пехоты и артиллерии оставался при кавалерии, мужественно подкрепляя оную, и весьма упорно удерживал неприятеля, чем действительно заслуживает вознаграждения»⁴⁷. Во время боя у Островно и Кекувячино среди офицеров полка был убит прапорщик Пищецкий, ранены майоры Издемиров и Трегубов, капитаны Корсаков и Малахов, подпоручики Гарбуз-Барзиловский, Грибов и Загарянский-Киссель⁴⁸. О потерях среди нижних чинов сведений нет. Князь Гурьялов за свои действия был награжден орденом Владимира 3-й степени.

15 июля отступление 1-й армии было продолжено к Смоленску. Сюда же, под Смоленск, подошел резервный батальон Екатеринбургского полка под командованием штабс-капитана Лопатина; судя по всему, этот батальон поступил на пополнение недостатка в людях полков 2-й армии⁴⁹. После Смоленского сражения, в котором екатеринбуржцы не принимали участия, Екатеринбургский полк 7 августа вновь сразился с неприятелем у Валутиной горы (у Лубино). После сильной канонады враг четырежды атаковал батарею, сразу за которой стоял Екатеринбургский пехотный полк. Но французы были отбиты. Под вечер неприятельские войска вновь предприняли атаку центра русских позиций, где стояли лейб-гренадерский, Елецкий и Екатеринбургский полки. Атака была настолько сильной, что солдаты трех русских полков подались назад, но вскоре сплотили ряды и с барабанным боем бросились в штыки, очистив дорогу от неприятеля. Все позиции были удержаны, и на следующий день, 8 августа, войска получили приказ отойти⁵⁰.

22 августа русская армия подошла к селу Бородино. Четвертый пехотный корпус расположился на позиции от деревни Горки до проселочной дороги, ведущей в деревню Новое. Екатеринбургский полк был поставлен в первой линии на левом фланге корпуса⁵¹. День 25 августа прошел в подготовке к предстоящему сражению. «Солнце светило ярко и золотистыми лучами скользило по смертоносной стали штыков и ружей; оно играло на меди пушек ослепительным блеском. Все устраивалось для кровопролития следующего дня... Солдаты чистили, острили штыки, белили португеи и перевязи...» — вспоминал участник сражения И. Т. Родожицкий⁵².

Рано утром 26 августа екатеринбуржцы построились в две батальонные колонны, впереди колонн заняли позицию 70—80 стрелков, однако в первой половине дня Екатеринбургский полк не принял участия в разгоревшемся сражении. Только около 2 часов пополудни четвертый корпус получил приказ встать в первую линию позади и левее Курганной батареи на место седьмого корпуса. Корпус сразу попал под сильный огонь вражеских батарей, а чуть позже началась очередная атака батареи Раевского. Справа и слева ее стала обходить неприятельская кавалерия; одновременно весь огонь французских батарей сосредоточился на русских войсках, стоящих позади Курганной высоты. Под ожесточенным огнем екатеринбуржцы и другие полки четвертого корпуса спешно перестроились из батальонных колонн в каре, что позволило им стойко встретить неприятельских кирасир и улан. «Наша пехота, — отмечал Барклай де Толли, — встретила их с удивительной твердостью, подпустила на 60 шагов и открыла такой деятельный огонь, что неприятель был опрокинут и искал спасения в бегстве»⁵³. Однако следующая волна атакующего неприятеля захлестнула Курганную высоту и вновь обрушилась на пехоту четвертого корпуса. Благодаря огню русской пехоты и контратаке кавалергардского и лейб-гвардии конного полков эта атака тоже была отбита. Четвертый корпус получил приказ отойти за Горецкий курган, где он вновь расположился в батальонных каре⁵⁴.

В Бородинском сражении 23-я дивизия понесла жестокие потери. Ее командиру А. Н. Бахметьеву ядром оторвало ногу, погибли многие офицеры и нижние чины. Потерн екатеринбуржцев были одними из самых серь-

езных в дивизии. Среди убитых — 2 унтер-офицера, 50 рядовых; ранены — 10 унтер-офицеров, 148 рядовых и 4 нестроевых; без вести пропало — 238 рядовых, 3 нестроевых⁵⁵. Среди офицеров убит поручик Ефимович и прапорщик Тишецкий. Ранены майор Шильников, поручики Баркалов, Андреев 2-й, Бабинцев 2-й, Саврасов 2-й, поручик Филиппов и прапорщик Дегио⁵⁶.

За мужество и храбрость шефу полка Гурьялову пожалован орден Анны 1-й степени; штабс-капитанам Протеинскому, Зейделю 1-му, Зейделю 2-му, Бабинцеву и подпоручику Филиппову — золотые шпаги с надписью: «За храбрость»; майорам Шильникову и Слепцову — ордена Владимира 4-й степени; поручик Бабинцев 2-й, подпоручики Гарбуз-Барзиловский и Грибов произведены в следующий чин. Фельдфебель Коровин был награжден чином подпоручика, подпрапорщик Пославский и портупей-прапорщики Греков, Дранишников и Янчуров произведены в чин прапорщика⁵⁷. Что касается нижних чинов, то помимо 5 рублей каждому были пожалованы знаки отличия Военного ордена (солдатские Георгии), но они были выданы только в 1814 г. — сразу за участие в кампаниях трех лет. Поэтому трудно определить, сколько конкретно этих наград было пожаловано за Бородино. Еще более затруднительно назвать имена этих награжденных, так как солдатские Георгии распределяли между собой сами солдаты. Известно только несколько имен рядовых, представленных к «высочайшему благоволению»: Яков Белоусов, Сергей Григорьев, Козьма Фомин, Иван Коваленко, Василий Чесноков, Семен Новиков, Василий Лепехин, Иван Дубаев⁵⁸. Не был отмечен никакой наградой, но остался в истории полка мужественный поступок портупей-прапорщика Степана Савина. Он нес знамя и был ранен пулей в правое плечо, но, обладая твердостью духа и помня о долге, не выпустил его из рук, пока батальонный командир лично не взял от него знамя⁵⁹.

На рассвете 27 августа русские войска оставили Бородинское поле и начали движение к Можайску, а затем к Москве. 2 сентября русская армия оставила Москву. С тяжелым сердцем покидали Москву воины-екатеринбуржцы. «Лучше уж бы всем лечь мертвыми, чем отдать Москву!» — ворчали солдаты, многие плакали⁶⁰.

Покинув Москву, русская армия расположилась у

села Тарутино. Здесь екатеринбуржцы привели в порядок свое оружие и обмундирование; были построены бани, где солдаты смогли впервые за три месяца изнурительных походов и боев вымыться. Стоит упомянуть что к этому времени относятся боевые действия запасного батальона Екатеринбургского полка, который оказался в первом отдельном корпусе, прикрывавшем Санкт-Петербург. 4 октября этот батальон «был в деле» против неприятеля, но позже был расформирован⁶¹.

11 октября главнокомандующий М. И. Кутузов получил сведения о движении главных сил Наполеона к Калуге через Малоярославец.

Утром 12 октября началось сражение за Малоярославец. Екатеринбургцы в составе четвертого корпуса, спеша на помощь сражающимся войскам, совершили в этот день переход в 50 верст и неожиданно появились у стен города вечером 12 октября. Однако в самих боевых действиях полк участия не принимал⁶². Только 23 октября у Вязьмы екатеринбуржцы встретились с неприятелем, выбив его из села Ржавец. Французы пытались вновь овладеть селом, но были отбиты. В 4 часа дня русские части начали штурм города. Вместе с другими полками в Вязьму ворвались и екатеринбуржцы⁶³. За отличие под Вязьмой многие офицеры полка были награждены. Шеф полка Гурьялов пожалован золотой шпалой, украшенной алмазами; полковой командир майор Богданович — орденом Анны 2-й степени⁶⁴.

После взятия Вязьмы в городе скопилось огромное количество русских и неприятельских раненых. Для «попечения» над ранеными, оказания помощи возвращающимся жителям командование назначило комендантом Вязьмы Екатеринбургского пехотного полка майора Слепцова. В его команду был определен вверенный ему первый батальон⁶⁵. Третьему батальону предстояло проделать тяжелейший путь до русской границы. Обескровленный во многих боях, лишенный резервного и запасного батальонов, оставив первый батальон в Вязьме, Екатеринбургский полк по приказу командования поступил на переформирование. Оно проходило в Вильно, где екатеринбургские мушкетеры и закончили великую кампанию 1812 г.

Полное изгнание русской армией неприятеля из пределов России вряд ли было возможно без всенародной

поддержки российского воинства. Во всех губерниях необъятной страны шли пожертвования на Военные нужды, отливались орудия и ковались клинки, создавалось народное ополчение и формировались новые регулярные части. Немалый вклад внесли в победу над врагом и жители далекого Екатеринбурга. Его горнозаводские служители за счет добровольного сбора средств «представили от своего общества десять полевых пушек с лафетами и прочею принадлежностью». Представители всех сословий Екатеринбурга участвовали в добровольных взносах на обмундирование и вооружение российских войск. Уралцы выполняли немалые заказы для нужд армии⁶⁶. Многие жители Екатеринбурга были в 1812 г. рекрутированы или добровольно вступили в армию. Только за год в армию ушло из Екатеринбурга 2 тысячи человек⁶⁷. К сожалению, мы не можем сейчас доподлинно установить, сколько бывших жителей города находилось в рядах Екатеринбургского пехотного полка — вероятно, единицы, но незримая связь между боевой частью и далеким уральским городом была несомненно.

1 июня 1813 г. Екатеринбургский полк вновь был в действующей армии, включенный уже в состав 11-й пехотной дивизии. 14 августа полк участвовал в бою при Гольдберге и Кацбахе, а в начале октября сражался у Лейпцига. В последний, решающий день «битвы народов» ему довелось сыграть весьма заметную роль. 7 октября 8-й пехотный корпус, в составе которого были екатеринбуржцы, получил приказ начать штурм северной части Лейпцига. С этой стороны город был хорошо укреплен, и проникнуть в него можно было только через ворота, подходы к которым блокировали неприятельские окопы с размещенными в них орудиями. У самых ворот протекала река Парта. К часу дня Екатеринбургский полк совместно с Рыльским захватил близкое к городу селение Нихрихтерей и открыл сильный огонь по неприятельским орудиям, которые находились в окопах возле Галлеской заставы. В ответ французы ударили картечью, заставив русские части отступить. Несмотря на это, Екатеринбургский и Рыльский полки во главе с генерал-майором А. И. Бистромом вторично бросились на штурм вражеской батареи. Екатеринбургцы ворвались в окопы, перекололи штыками орудийную прислугу, пехотное прикрытие и отеснили неприятеля на мост.

После этого, не давая французам опомниться, екатеринбуржцы ворвались в Галлеское предместье. Впереди полка со шпагой в руке бежал его командир майор В. И. Богданович. В Галлеском предместье неприятель оказал сильное сопротивление, защищая каждый дом. Ведя непрерывный бой, екатеринбуржцы продвигались по Герберской улице. Здесь был тяжело ранен картечью командир полка. Однако екатеринбуржцы с криком «ура!» продолжали гнать неприятеля до самых аллей, которые со всех сторон окружали внутренний город. Затем Екатеринбургский полк повернул направо, к предместью Розенталь. Как только солдаты полка появились вблизи. Рандштедтских ворот, раздался оглушительный взрыв — неприятель взорвал каменный мост через реку Эльстер. До сих пор военные историки обсуждают вопрос о том, что заставило французов преждевременно взорвать мост, тем самым отрезав отступление 20 тысячам своих солдат. Скорее всего, причиной этого была угроза захвата моста солдатами Екатеринбургского полка.

После того как мост был взорван, неприятель продолжал еще удерживать позиции на левом берегу Эльстера, где он установил батарею и обстреливал союзные войска. Сильным ружейным огнем солдаты Екатеринбургского полка вынудили неприятеля отвести свои батареи от берега, а затем по сохранившимся балкам разрушенного моста перешли Эльстер и окончательно заставили замолчать французскую батарею⁶⁸. Так закончилась «битва народов», в которой екатеринбуржцы покрыли себя неувядаемой славой. Они первыми ворвались в город, захватили в общей сложности 59 орудий, заставили неприятельских саперов раньше времени взорвать мост через Эльстер, что довершило разгром французской армии.

В сражении за Лейпциг из офицеров полка был убит поручик Куницын, ранены майор Богданович, капитан Янчевский, штабс-капитан Лопатин, поручик Бухвостов и прапорщик Тихонов. За отличие в этом бою майор Слепцов, который принял командование полком после ранения Богдановича, был награжден орденом Анны 2-й степени, майор Издемиров — Владимиром 4-й степени. Майор Богданович, прапорщики Варнети, Зейдель, Ярцев и Спесивцев получили следующий чин. Портупей-поручик Иванов был произведен в офицеры⁶⁹.

Военные действия продолжались. Екатеринбургцы приняли участие во взятии городов Кассель, Кобленц, Майнц и Реймс. Наконец, 18 марта 1814 г. союзные войска подошли к Парижу. Екатеринбургцы должны были принять участие в атаке Монмартра со стороны Клиши и Сен-Дени. В 4 часа дня солдаты Екатеринбургского полка различили перед собой хорошо укрепленные неприятельские позиции. «Ударили поход, и русские войска, осенив себя крестным знаменiem, с громким криком победоносного «ура!» кинулись на крутую гору, между Клиньякуром и дорогою из Сент-Уэна, туда, где наиболее доступные скаты были обставлены орудиями в 2 яруса и густо усеяны стрелками... Солдаты, на перерыв друг перед другом, рвались вперед; необходимо было удерживать людей, в излишестве кидавшихся в застрельщики. Французы успели только два раза выстрелить картечью из орудий, стоявших на склоне Монмартра. Войска Рудзевича овладели нижней батареей, и, гордые одержанным успехом, увлеченные победою, вознеслись на гребень высот. Неприятель, сделав последний залп из всех орудий верхней батареи, покушался удержать русских пальбою из ближайших строений, но не устоял... » — так описывает штурм Монмартра военный историк М. И. Богданович⁷⁰. Екатеринбургский полк под стенами Парижа потерял убитыми майора Щелканова, штабс-капитана Лопатина и поручика Грибова. За отличие, проявленное при штурме Монмартра, поручик Савинов был награжден орденом Георгия 4-й степени⁷¹.

Штурм Монмартра предрешил падение Парижа, а это в свою очередь явилось последней страницей кампании 1814 г. Русские войска, войска-победители, возвращались на родину. Среди них был Екатеринбургский пехотный полк, который прошел долгий путь от Немана до Тарутина и оттуда — до столицы Франции. За отличие в войнах 1812, 1813 и 1814 гг. нижним чином полка было выделено 75 знаков отличия Военного ордена⁷². К сожалению, среди частей, получивших полковые награды за кампании 1812—1814 гг., екатеринбуржцев не было. Заслуги этого периода были отмечены позже. В 1833 г. на хранение в полк была передана серебряная труба с надписью: «За взятие Монмартра 30 марта 1814 года» (она была пожалована 33-му егерскому полку, который в 1813—1814 гг. входил в одну дивизию с екатеринбурж-

цами). В том же, 1833 г., при переформировании полков в состав Екатеринбургского полка вошла часть 33-го егерского, и 3-й батальон получил Георгиевское знамя с надписью: «За отличие в 1841 году против французов». После Крымской войны все батальоны полка получили Георгиевские знамена с надписью: «За Севастополь в 1854 и 1855 годах», с сохранением 3-му батальону также прежней надписи. Наконец, в 1896 г. в связи со 100-летием полка, ему было пожаловано новое Георгиевское знамя с надписью: «За отличие в 1814 году против французов и за Севастополь в 1854 и 1855 годах»⁷³.

Наш беглый обзор участия Екатеринбургского полка в войнах 1812—1814 гг. будет явно неполным, если мы не расскажем о том, как выглядели воины-екатеринбуржцы, во что они были одеты в годы борьбы с Наполеоном. Удивительно, но до сих пор мы не можем точно установить, какое обмундирование было на русских солдатах в сражении под Бородином или у Лейпцига. Историки русской униформы вынуждены ограничиваться только общими регламентами. Наиболее важный вопрос в этой связи: успел ли Екатеринбургский пехотный полк к июню 1812 г. перейти на низкие кивера с большим «развалом», прямые и глухие воротники, высокие солдатские краги на панталонах и такие же офицерские сапоги, что было введено с 1 января 1812 г.⁷⁴ С помощью косвенных данных мы можем предполагать, что Екатеринбургский полк все же успел перейти на новые элементы обмундирования. Во-первых, с конца 1810 — начала 1811 г. Екатеринбургский полк дислоцировался в Минской и Виленской губерниях. Как правило, полки, располагавшиеся в центральных и западных губерниях, обрели к июню 1812 г. новую униформу. Во-вторых, старую униформу могли сохранить те полки, которые были сформированы незадолго до введения нового регламента, и срок носки их обмундирования только начался. Перешить воротники, сделать новые кивера и прочее формирующимся частям было не всегда просто — отсутствовали портные, сапожники, мастера-киверники. У Екатеринбургского пехотного полка срок носки мундиров и сюртуков к началу 1812 г. только начался. Об этом говорит «Общая таблица об уравнивании сроков мундирным вещам...» 1811 г.⁷⁵ Однако в отличие от новых формируемых частей Екатеринбургский полк имел кадры

полковых мастеров, которые могли быстро перешить воротники в соответствии с регламентом. Сделать новые кивера было значительно сложнее, но вполне возможно.

Благодаря той же «Общей таблице...» можно установить, что форма полка к открытию военных действий в 1812 г. была в хорошем состоянии. Но, как и в других частях, в ходе кампаний 1812—1814 гг. наблюдались отступления от регламента, особенно осенью — зимой 1812 г. «Кто был в полушубке, кто в тулупе, кто в кенгах (грубые сапоги с мехом. — *Авт.*), в валенках; у большей части — лица обернуты в тряпки», — писал участник событий военный историк А. И. Михайловский-Данилевский⁷⁶. С начала 1813 г., находясь на переформировании, Екатеринбургский полк, вероятно, полностью обновил свое обмундирование, но к концу года солдаты вновь стали ходить в изорванных шинелях и изношенной обуви. Наконец, в начале 1814 г. был введен своеобразный элемент униформы — белая повязка на левом плече для всех чинов. В условиях пестроты мундиров этот элемент оказался необходимым вплоть до конца кампании.

Итак, как же выглядели солдаты-екатеринбуржцы в 1812—1814 гг. ?⁷⁷ Нижние чины имели двубортный мундир из зеленого сукна с небольшими фалдами, отвороты которых были красными, как и глухой стоячий воротник и обшлага на рукавах. Поперек обшлага был расположен клапан длиной примерно в 15 см, на который нашивались 3 пуговицы. На плечах мундира — погоны, срезаемые у воротника углом и застегнутые на одну пуговицу. Погоны Екатеринбургского полка в 1812 г. были белого цвета (согласно номеру полка в дивизии), на которые из красного шнура была нашита цифра «23.» (номер дивизии). В начале 1813 г. полк был переведен в 11-ю дивизию, что заставило сменить белые погоны на зеленые с красным кантом; номер дивизии — «11.» — был нашит из желтого шнура. Пуговицы мундира были латунные: 12 — на бортах мундира, по 3 — на клапанах обшлагов, 2 — на месте схода отворотов фалд внизу, 2 — сзади на лифе, 2 — закрепляли погоны. Летние панталоны шились из белого парусинового холста и сбоку застегивались на 11 обтяжных пуговиц, верхняя из которых пришивалась чуть ниже колена. Зимние панталоны были из белого сукна, более узкие. Немного ниже колена подшивались кожаные краги со штрипками; они застегивались

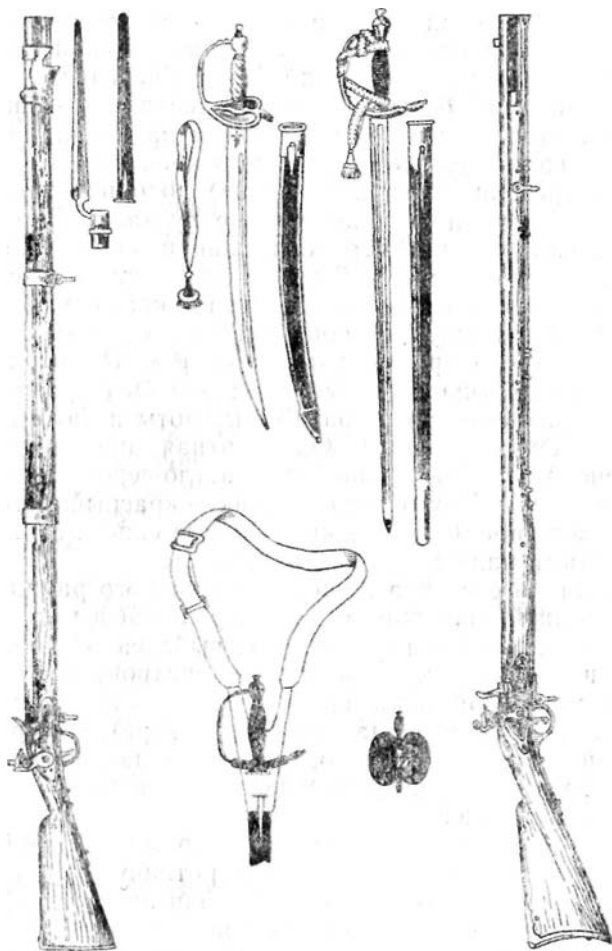
вались с наружной стороны на 9 металлических пуговиц. Кивера были из черного сукна; дно, верхний и нижний края обшиты черной кожей; по бокам — две расходящиеся вверх кожаные полоски для прочности; спереди — кожаный козырек; посередине крепился герб из латуни в виде штампованной гренадки с «пламенем». Солдаты гренадерской роты имели гренადы «о трех огнях». Сверху крепилась овальная кокарда (репеек), которая могла быть различной расцветки — в зависимости от роты и батальона, а в гренадерской роте — в зависимости от взвода. По низу кивера крепилась медная плоская «чешуя» «а подвязных подбородочных ремнях. Спереди и сзади кивера ниспадали белые шнуры («косички» этишкета). С обеих сторон этишкет имел кисти на двойном белом шнуре: левая — на высоте нижнего края кивера, правая (в виде трех кистей и двух «гаек») доходила до плеча. Гренадеры имели высокие черные султаны. Вне строя нижние чины носили фуражные шапки на манер бескозырок, но заметно выше. Тулья и дно, сшитые из старых мундиров, были зелеными; околыш — красным. На околыше желтым шнуром нашивался номер роты и литера «Р. »; в гренадерских ротах — «Г. Р. ». По верху фуражки и околыша шли выпушки; они были различного цвета, в зависимости от батальона, роты и даже взвода (в гренадерских ротах). Однобортная шинель грубого некрашеного сукна темно- или светло-серого цвета застегивалась на 7 пуговиц; воротник — красный, погоны — как на мундире. Смазные круглоносые сапоги с мягкими голенищами надевались под панталоны.

Амуниция состояла из черного кожаного ранца и его белых ремней; манерки (фляги), крепившейся на ранце; ременной портупей и перевязи из выбеленной кожи, которые надевались крест-накрест; и патронной сумы из черной глянцевой кожи на 40 патронов (на крышке помещалась та же гренадка, что и на кивере). К перевязи, носимой через левое плечо, крепилась патронная сума, а портупея была предназначена для ношения тесака и штыковых ножен.

Унтер-офицеры отличались от рядовых галунной желтой нашивкой, которая шла по воротнику, обшлагам и клапанам рукавного обшлага. Репейки на унтер-офицерских киверах были наискось поделены на 4 части (верхняя и нижняя четверти — серого, по другим источникам —

оранжево-черного цвета; боковые — из белого сукна). Кисти и гайки этишкета были с примесью черного и оранжевого. Кроме того, гренадеры унтер-офицерского чина имели черные султаны с белой верхушкой, разделенной вертикальной полосой.

Ружье образца 1808 г., тесак образца 1807 г.
и офицерская пехотная шпага образца 1793 г.
Английское пехотное ружье образца 1794 г.

Ротные барабанщики и флейтисты имели своеобразные наплечники из зеленого сукна («крыльца»); расшивку из белой тесьмы по краю крыльцев, левому борту мундира и на клапанах обшлагов; обшивка была также между пуговиц на груди в виде петлиц и на рукавах углом вверх в 6 рядов. Латунный барабан с обручами, украшенными темно-зелеными и белыми треугольниками, носился на белой перевязи с двумя гнездами для барабанных палок кофейного цвета, флейты — в латунных футлярах на белом лосином ремне через левое плечо. Батальонные музыканты имели более богатую расшивку мундира, а также унтер-офицерские отличия. Полковой барабанщик, кроме того, носил красный султан с белым верхом и оранжевой унтер-офицерской полоской.

Нестроевые нижние чины (цирюльники, плотники, писари и т. д.) носили однобортные серые мундиры с полковыми погонями, панталоны серого цвета с леями черной кожи и фуражки серого сукна с черным козырьком (повсюду красный кант). Нестроевые унтер-офицерского чина ("фельдшеры, полковой писарь и т. д.) имели воротник и обшлага мундира с желтым галуном.

Офицеры носили такой же мундир, как у нижних чинов, но с рядом отличий: более длинные фалды, позолоченные металлические части, разрез на обшлаге рукава, поперечные карманы на фалдах и т. д. Вместо погон офицеры имели эполеты, поле которых в 1812 г. было белым, а в 1813—1814 гг. — зеленым. Номер дивизии («23. », а затем «П. ») был нашит из золотого шнура. Кроме того, эполеты украшались золотым галуном (в верхней части) и двумя золотыми шнурами (на расширенной части эполет). Штаб-офицеры имели на эполетах бахрому из золотого шнура. Скорее всего, многие офицеры Екатеринбургского полка предпочитали не золотой, а кованый прибор на эполетах «для облегчения в издержках». Впрочем, бахрому у штаб-офицерских эполет и в этом случае оставалась золотой. На груди у воротника офицеры носили металлический знак, по которому можно было установить чин. Белые (вне строя — зеленые) офицерские панталоны носились чаще всего заправленными в сапоги. Панталоны штаб-офицеров при парадной форме в строю были лосиными. В ходе боевых действий офицерский состав обычно надевал рейтузы из серого сукна с 18 медными пуговицами на внешних бо-

ковых швах. Вдоль внутренних швов и по нижнему краю шла обшивка из черной кожи.

Офицерский кивер был в общих чертах аналогичен киверу нижних чинов, однако все металлические части были вызолочены, репейки серебряные с вензелем Александра I на черно-оранжевых зубчатых полосках, у штаб-офицеров — еще и с блестками. Офицеры-гренадеры имели черный султан. Зачастую офицеры носили фуражку, как у нижних чинов, но с козырьком и без номера литер, нередко — высокую треугольную шляпу черного фетра. На переднем загибе шляпа имела галунную петлицу, пуговицу и кокарду в виде розетки из черной ленты с оранжевой каймой. Сверху — черный султан из петушиных перьев. В углах шляпы — серебряные кисточки.

Офицерские сапоги были высокими, до колен. Штаб-офицеры в строю носили ботфорты с накладными шпорами. Вне строя, а также когда нижние чины были в шинелях, офицеры надевали темно-зеленый двубортный сюртук с длинными прямыми полами и высокими круглыми обшлагами красного сукна. Ниже талин на левой поле была прореха для шпаги, которая носилась под сюртуком, а эфес — снаружи. Офицерская шинель (того же цвета, что и у нижних чинов) надевалась вне строя; к нижнему краю воротника пришивалась пелерина. Погон и эполет на шинели не было. На поясе поверх мундира или сюртука завязывался простым узлом с левого бока серебряный или белевой шарф, в обоих случаях с примесью черной и оранжевой нити, на концах его были кисти. Амуниция офицеров состояла из поясной портупеи беленой кожи шпаги. Ober-офицеры носили в походе ранцы черной кожи, как у нижних чинов, но без манерки. Все, офицеры имели лосиные перчатки.

Офицерское обмундирование было также у врачей и аудиторов, но с особыми отличиями. Всем штаб-офицерам, а также ряду других чинов (аудитору, лекарю, квартирмейстеру, возможно, казначею) полагалась лошадь. Чепрак и чушки были темно-зеленого цвета с двумя рядами золотого галуна, в промежутке которого — красное сукно, а по краю — красная выпушка.

На вооружении солдат Екатеринбургского пехотного полка было ружье образца 1808 г.⁷⁸ Ружье было гладкоствольным, с ударно-кремневым замком, калибр 17, 7 мм. Его длина с трехгранным штыком была 183 см. Даль-

ность боя 300 шагов⁷⁹. Кроме ружья строевые и часть нестроевых солдат имели тесак образца 1807 г. Слегка искривленный клинок имел длину 61 см, медная рукоять с эфесом — около 8 см. Ножны тесака, как и штыковые ножны, — из рыжей кожи⁸⁰. На эфесе крепился темляк; различия в расцветке ряда его элементов определялись принадлежностью солдата к батальону, роте, а в гренадерской роте — даже взводу. Некоторые элементы унтер-офицерского темляка были особой, бело-черно-оранжевой расцветки. Офицеры были вооружены пехотными шпагами образца 1798 г., медный эфес которых был вызолоченный, а темляк — серебряный. Ножны — нечерненой кожи. Офицерам в конном строю полагались пистолеты, которые находились в ольстредях (кобурах), прикрытых чушками. Пистолеты с ударно-кремневым замком, вероятно все, образца 1809 г.

Екатеринбургский пехотный полк имел в 1812—1814 гг. шесть знамен образца 1797 г. (по два на батальон, причем одно знамя считалось полковым), которые ранее нами уже описаны. Под этими знаменами екатеринбуржцы сдерживали натиск врага в арьергардных боях 1812 г., дрались на Бородинском поле, освобождали Вязьму. 7 октября 1813 г. знамена Екатеринбургского полка первыми развевались над Лейпцигом, а в марте 1814 г. — над Монмартром.

Екатеринбургским мушкетерам пришлось пройти долгий боевой путь через войны с Турцией, оборону Севастополя, войну с Японией и сражения с австрийской и германской армиями в первую мировую войну. Но как символ солдатской доблести, долготерпения и мужества екатеринбуржцы всегда помнили первую вежу своего ратного пути—1812, 1813 и 1814 гг. «Всматриваясь в вековую жизнь части, — писал в 1907 г. историк полка штабс-капитан Владимир Иванович Маринов, — невольно изумляешься нравственной ее силе, передававшейся из поколения в поколение новым однополчанам, для которых никогда не было выбора между смертью и победой»⁸¹.

ГЛАВА

4

ВОЕНИЗИРОВАННОЕ
ГОРНОЕ ЦАРСТВО

Начало царствования Александра I, казалось, вселило надежду в сердца всех просвещенных людей России. Но полоса реформ оказалась не слишком продолжительной, а сами реформы были робкими и непоследовательными*. В полной мере это почувствовалось на далеком Урале.

В марте 1807 г. правительство упразднило окончательно изжившую себя приписку крестьян к горным заводам и заменило их «непременными работниками». Реформа объективно способствовала отрыву непременных работников от земли, сближала их по характеру труда с мастеровыми¹. Одновременно шло формирование особой системы горных округов — замкнутых горно-заводских вотчин. В 1806 г. был утвержден проект горного положения, которое регламентировало горнозаводское производство и жизнь горнозаводского населения до отмены крепостного права. Как составная часть системы аракчеевских военных поселений учреждались «горные города» с особым военизированным укладом жизни. Преобладающую роль играло в них горное начальство. В этих городах предусматривалось учреждение горной полиции во главе с полицмейстером, который назначался горным начальством. Все судебные учреждения подчинялись контролю горной администрации. На заводах вводились должности горных исправников, которые несли полицейские функции; учреждались и специальные военные суды на казенных заводах².

23 марта 1807 г. пермско-вятский генерал-губернатор К. Ф. Модерах поставил в Пермском губернском правлении вопрос о подчинении Екатеринбурга власти горного начальника. В начале апреля вопрос был окончательно решен³. Екатеринбург стал подчиняться горной власти. Но сохранилось его подчинение и власти гражданской в лице пермской губернской администрации, так как Екатеринбург остался уездным городом Пермской губернии.

Вместе с изменением статуса города быстро менялись и мундиры на его улицах, в административных зданиях и казармах. Еще в период разработки горного

---

* Данная оценка александровских реформ начинается в отечественной историографии в последние годы претерпевать изменения.

положения, в 1804 г., были введены новые мундиры для чинов горного и монетного ведомств. Они получили однобортный синий мундир фрачного покроя со стоячим воротником и прорезными обшлагами из черного бархата. Обкладки па полах и фалдах были черного сукна. По краям обкладок, воротника, обшлагов, обшлагных клапанов шла красная выпушка из сукна. Подбой был из черного стамеда. Пуговицы плоские; у горных чиновников — желтые, у служащих по монетной части — белые. Панталоны и жилет — из белого сукна (с 1826 г. стали носить длинные панталоны из синего сукна поверх сапог). Кроме того, генералитету и штаб-офицерам горного ведомства на воротнике и «клапонах» обшлагов было предписано иметь золотые нашивки (чиновникам монетного ведомства — серебряные). При работах на производстве дозволялось носить однобортные сюртуки из синего сукна на черной подкладке. Воротник был стоячий без украшений, пуговицы обтяжные, панталоны серые. Чиновники носили обычную офицерскую шляпу с петлицей по цвету пуговиц. На боку висела шпага с серебряным темляком, на ногах — короткие сапоги. Вместо галстуков шея повязывалась черным шелковым платком. Шинели у генералов, штаб- и обер-офицеров были синего сукна с большим висячим воротником (пелериной) того же цвета, а малый стоячий воротник — черного цвета⁴.

Примерно в то же время происходит смена одежды и других чиновников — по департаменту внутренних дел, министерству финансов, юстиции и т. д. В 1808 г. были утверждены новые образцы губернских статских мундиров. Кафтан остался темно-зеленого сукна, камзол белый. Для отличия чиновники Пермской губернии получили голубую выпушку, воротник и обшлага красные, пуговицы белые, карманы «косые» (то есть вертикальные), белые панталоны⁵. Таким же был мундир полицмейстера, правда, на шпаге, в отличие от гражданских чиновников, у него был темляк⁶, а на самом мундире появилось серебряное шитье⁷.

После вывода в 1807 г. из Екатеринбурга мушкетерского полка основным военизированным формированием осталась горная команда. Предположительно в 1805 г.⁸ солдаты этой команды также сменили свои старые кафтаны на новые правда, покрой, вероятно, остался преж-

него типа. Можно предполагать, что окк были синего цвета.

Значительно лучше обстоит дело с информацией о мундирах штатной команды. Вплоть до 1807 г. никаких изменений в ее униформе, за исключением прически и разрешения использовать любое годное оружие, не было. 2 августа 1807 г. было определено оставить у штатных команд мундиры прежнего покроя и расцветки; только воротник стал стоячим. По борту мундира шло 6 пуговиц в один ряд, панталоны стали серого сукна с кожаной обшивкой по низу на 7 пуговицах. Было дозволено носить мушкетерские кивера, но не возбранялись и старые шляпы. При таком обмундировании служащим штатных команд Пермской губернии было в 1809 г. определено носить воротники и обшлага красные, а пуговицы белые⁹.

В 1811 г. штатная команда Екатеринбурга преобразуется в уездную инвалидную команду¹⁰ и получает новые, темно-серые двубортные мундиры фрачного типа с четырьмя белыми пуговицами на каждом борте и серыми погонами. Фуражка также серого сукна с кожаным козырьком. Ружей и перевязей с сумами им не полагалось, а вооружение состояло из тесака или полусабли на черной портупее, надеваемой через правое плечо. У офицеров были темно-зеленые мундир и рейтузы, серебряные эполеты с темно-зеленым полем, черная шляпа с серебряной петлицей и черным султаном.

В 1816 г. уездная инвалидная команда получила желтые обшлага, были сменены погоны и поле эполет у офицеров, но расцветка их для Екатеринбургской команды не известна. Кроме того, по борту мундира было предписано иметь вместо четырех шесть пуговиц, а воротники застегивать на крючки. Несколько изменились и офицерские шляпы. В 1817 г. команды снабдили ружьями, ввели кивера¹¹.

Но как и прежде, ружья и штыки солдат не могли предотвратить многочисленных бунтов и выражений недовольства. Причина их коренилась в тяжелейших условиях труда и жизни мастеровых и непременных работников. Большинство казенных предприятий Екатеринбурга, а также заводов и рудников, расположенных вблизи города, работало круглые сутки. Механизация была чрезвычайно низкой. Особенно крупные волнения

произошли в марте 1820 г. на Березовских золотых промыслах, в которых приняло участие около трех тысяч горнорабочих. Их недовольство накапливалось постепенно в связи с задержкой выдачи жалованья, провианта и т. д. Наконец началось открытое выступление, продолжавшееся пять месяцев. На подавление березовских волнений было брошено более 200 горнозаводских солдат, 500 казаков и 300 башкир¹².

Явились ли эти волнения непосредственным толчком к правительственному решению от 21 апреля 1820 г. о переформировании горных команд — сказать трудно. Но очевидно, что этот вопрос уже давно обсуждался в Петербурге. Было решено создать из горных команд при различных заводах более боеспособные горные батальоны. В Екатеринбурге учреждался батальон № 2, «противу батальонов сильного положения пехоты». Он состоял из четырех рот и на 21 апреля 1820 г. включал в себя 1 штаб-офицера, 7 обер-офицеров, 30 унтер-офицеров, 354 рядовых, 7 нестроевых. Для полного комплекта недоставало 1 штаб-офицера, 10 обер-офицеров, 18 унтер-офицеров, 246 рядовых, 32 нестроевых¹³. Командиром был назначен подполковник Ирман, который еще в 1816 г. был утвержден командиром Екатеринбургской горной команды¹⁴.

Кроме содержания караулов при заводах горным батальонам вменялось в обязанность: а) препровождать караваны «с деньгами и металлами»; снаряжаться «для покупки различных запасов»; б) «управлять приписными к заводам крестьянами»; в) «наблюдать за поведением рабочих», а офицеры должны были использоваться для ведения следственных дел; г) некоторые солдаты должны были употребляться «по некоторым заводам» конными, именуясь «горными казачьими командами». Горный батальон находился в подчинении горного начальства, но по части «военного устройства» подчинялся Отдельному корпусу внутренней стражи¹⁵.

Прямое предписание об учреждении горного батальона поступило начальнику Екатеринбургских заводов только в марте 1821 г. В предписании была указано, что недостающее до штатного положения число людей предполагается восполнить «по мере возможности без промедления времени». Штат конной команды назначался в 50 человек. Предполагалось использовать их «обще

по части полицейской при заводах, пристанях, при рудниках и в селениях непрременных работников, для посылки с чиновниками, отвлекаемыми с денежною казною, для объезда заводских куреней, лесов, преследования беглых мастеровых и доставления дел по переписке между заводами». Из 50 «казаков» конной команды 2 находились при главной Екатеринбургской заводской конторе, 15 — при Екатеринбургской управе благочиния и «частях города», 6 — при монетном дворе, 3 — при горном исправнике, остальные — при Березовском, Пышминском, Уктусском и Нижне-Исетском заводах¹⁶.

Тогда же, в 1821 г., была определена для горного батальона новая униформа. Горные солдаты надели светло-синие однобортные мундиры на 9 пуговицах с желтой выпушкой на воротнике, обшлагах, клапанах, по борту, от борта до фалд и на обкладках фалд. Пуговицы оловянные белые (на мундире — 21, на кивере — 1, на шинели — 10). Кивер из черного сукна с кожаной полированной обшивкой и козырьком. В передней части кивера крепилась черная круглая кокарда с оранжевым краем; она закреплялась черной петлицей с малой белой пуговицей. Возможно, позже, с 1824 г., вместо кокарды стала употребляться белая Гренада об одном огне. Репеек па кивере был двухцветный — верх белый, низ зеленый. Вместо подбородочной металлической чешуи был черный кожаный ремень. На кивер мог надеваться чехол. Панталоны были светло-синие с кожаными крагами на 9 (по другим источникам — на 7) медных пуговицах. Летом носили белые панталоны с обтяжными пуговицами на внешней стороне ниже колена. Перевязи и портупей — белой кожи с медными пряжками. Погоны — желтые со светло-синей выпушкой, на погонах стоял номер батальона из светло-синей тесьмы. Строевые унтер-офицеры и старший барабанщик отличались серебряным галуном на воротнике и обшлагах. Нестроевые ходили в светло-синих сюртуках, вероятно, с такими же выпушками и погонами, как у строевых. Шинели у всех были серые со светло-синими воротниками.

Обмундирование офицеров было аналогично офицерским мундирам того времени, но поле эполет было желтым, с серебряным номером батальона; металлический прибор и галунная петлица на шляпе — серебряные. Вооружение горнозаводского батальона было такое же»

как у гарнизонных частей и внутренней стражи. Однако вооружение было старое, ружья разнокалиберные”.

Произошла смена и некоторых гражданских мундиров. В 1820 г. было определено служителям по почтовой части носить темно-зеленый мундир с воротником и обшлагами черного бархата, белые жилет и брюки, пуговицы желтые с государственным гербом и «почтового трубою». На боку висела шпага с серебряным темляком, голову венчала треугольная шляпа с золотой петлицей. По шитью можно было установить должность обладателя почтового мундира. Например, у областного почтмейстера по воротнику и обшлагам шло полное шитье (то есть по всей длине и ширине), у его помощника, у городских почтмейстеров и тех, кто имел чин коллежского ассессора и выше, по воротнику шло половинное шитье, а на обшлагах был бордюр. Бордюр на бархатном воротнике и обшлагах отличал протоколистов, регистраторов и экспедиторов. Мундир совсем без шитья имели все остальные чины, в том числе станционные смотрители, которые чуть позже получили вместо белых темно-зеленые панталоны. Разумеется, чаще всего станционный смотритель носил не мундир, а сюртук: вспомним хотя бы незабвенного Самсона Вырина из пушкинских «Повестей Белкина», на котором был «длинный зеленый сюртук с тремя медалями на полинялых лентах».

Зато почтальоны отличались более ярким обмундированием. На голове красовался черный плисовый картуз с золотым позументом поверху, посередине блестел вызолоченный государственный герб с «почтового трубою». Темно-зеленый мундир и сюртук с черным плисовым воротником и обшлагами, пуговицы медные. Черные гарусные погоны, а у унтер-офицеров — золотые (с 1823 г. — из золотого галуна). На груди был медный позолоченный знак. Зимой почтальоны носили темно-зеленые рейтузы, укрепленные кожей, а летом — широкие белые панталоны; на ногах — полусапожки со шпорами. Шинель серая с черным суконным воротником. Полагалось почтальонам и вооружение: кортики на черной лакированной портупее — «для городского употребления», для дороги — сабля¹⁸.

В 1824 г. были введены новые губернские статские мундиры. Как и раньше, они были темно-зеленого сукна,

однобортные, карманы прямые, воротник темно-зеленый с красной опушкой, пуговицы желтые. Обшлага в Пермской губернии — темно-зеленые с красной опушкой. Жилет и панталоны остались белыми¹⁹.

В сентябре 1824 г. Екатеринбург пережил наплыв блестящих мундиров, сверкающих густыми эполетами и аксельбантами, — город посетил Александр I. Особая честь была оказана заводчику Л. И. Расторгуеву, в доме которого и разместился император вместе со своей свитой. Александр I выразил желание подробно осмотреть город, и полковник Осипов, исполнявший обязанности Главного горного начальника, постарался не ударить в грязь лицом: судя по всему, император остался доволен и городом, и своим гидом.

Последнее десятилетие правления Александра I было связано с аракчеевской реакцией, которая выразилась в стремлении создать разветвленный бюрократический государственный механизм, в повсеместной и всеобщей регламентации жизни, в том числе в виде «мундирных нововведений». Все это вызывало резкое неприятие со стороны либерально-демократического дворянства, прошедшего через горнило народной войны 1812 г. и освободительных походов 1813—1814 гг. Разрыв с казенщиной и крепостничеством, переход к свободному, вольнонаемному труду, введение конституции, стоящей над государственной машиной, — такие цели ставили дворяне—члены тайных обществ. Думается, что возможность, не реализованная в 1825 г., могла стать поворотным пунктом во всей последующей истории нашей страны.

Однако залпы орудий 14 декабря 1825 г. во многом изменили дальнейший путь развития России. Сразу после подавления восстания начались аресты декабристов и следствие по их делу.

В январе 1826 г. в ходе «чистосердечных показаний» подполковника квартирмейстерской части Н. И. Комарова, принадлежавшего некогда к Союзу благоденствия, всплыла фамилия некоего Астафьева, о месте службы и имени которого Комаров ничего сказать не мог. Подозрение следственной комиссии пало на генерал-майора Л. А. Астафьева 1-го, командира бригады в 4-й пехотной дивизии. Позже выяснилось, что Комаров имел в виду другого Астафьева — Александра Филипповича,

полковника, командира Екатеринбургского пехотного полка²⁰.

Полковник Астафьев принял командование Екатеринбургским полком в 1821 г., когда русская армия переживала тяжелое время аракчеевской реакции. Солдат, прошедших поля Бородина, Лейпцига, штурмовавших Париж, изнуряли «бесконечным и беспрестанным учением, примеркой и переделкой амуниции и проч. Все (военачальники. — *Авт.*) обратились единственно к сим предметам, забыв священные обязательства свои. Все готовятся к смотру и делают только то, что при смотре государь видеть может. Учение день и ночь, даже со свечами. Солдаты не имеют ни минуты отдохновения. Оттого побег, оттого смертность, оттого никто не выслуживает указанных лет», — писал в феврале 1821 г. командир 6-го корпуса генерал И. В. Сабанеев дежурному генералу Главного штаба А. Закревскому²¹. Неотъемлемым атрибутом солдатской муштры стали жестокие наказания, особенно шпицрутенами. Черемуховые палки длиной и толщиной «в ружейный ствол» вымачивались в соленой воде, прежде чем пускались в дело.. Особой жестокостью отличались наказания за побег: за первый побег—1500 ударов, за второй — от 2500 до 3000 ударов, за третий — от 4000 до 5000 ударов²². Далеко не все это выдерживали... Но солдаты все равно бежали — условия службы были невыносимы. В Екатеринбургском полку, по свидетельству декабриста В. Ф. Раевского, однажды только за один месяц бежало 140 человек. Пойманные солдаты-екатеринбуржцы заявили И. П. Липранди, ведшему следствие о дезертирстве в полку, что причинами их бегства были изнурительные учения, жестокие наказания и недостаток питания²³.

Именно в этот период командиром прославленного Екатеринбургского полка становится Александр Филиппович Астафьев, сам прошедший суровую боевую школу. 25-летним офицером мушкетерского полка он сражался под Пултуском в 1806 г., затем под Прейсиш-Эйлау (где был контужен) и Фридландом в 1807 г. Во время Отечественной войны 1812 г., будучи майором Вильмандстранского пехотного полка, дрался под Смоленском и при Бородине, за что был произведен в подполковники, а затем в полковники. После оставления Москвы Астафьев был в составе партизанского отряда

генерала Дорохова, принимал участие во взятии Вереи, награжден орденом Владимира 4-й степени. В 1813 г. сражался при Бауцене и Лейпциге, а в 1814 г., как и солдаты-екатеринбуржцы, штурмовал Монмартр²⁴. Подобно многим боевым офицерам, «детям двенадцатого года», Астафьев становится членом тайного общества. Дорога чести не оставляла другого выбора. В 1821 г. его принимают в члены Союза благоденствия, когда он, вероятно, уже надел эполеты с красным полем и цифрой «17. » (Екатеринбургский полк в это время входил в 17-ю дивизию²⁵). Однако в том же году Союз благоденствия был распущен, и Астафьев не принял участия в деятельности возникших после этого тайных обществ. Вполне вероятно, что и по своим убеждениям он не отличался революционной одержимостью, подобно Пестелю, Лунину и многим другим декабристам. Но ясно другое — Астафьев был ярким представителем той офицерской среды, на которую опирались декабристы и из которой они вышли.

После показаний Комарова следственная комиссия попыталась выяснить роль и участие Астафьева «в заговоре». Многие декабристы отрицали членство Астафьева в тайных обществах. Так, М. Ф. Орлов, вспоминая о своей бытности начальником штаба 4-го корпуса в 1818—1820 гг., заявил: «Что же касается до Астафьева, который командовал Екатеринбургским пехотным полком и принадлежал к 4-му корпусу, я его совсем не знал и членом общества не почитал»²⁶. Важно отметить, что Астафьев принял Екатеринбургский полк только в 1821 г., когда Орлов уже стал командиром 16-й пехотной дивизии, стоявшей в Кишиневе²⁷. Как бы то ни было, но членство Астафьева в Союзе благоденствия все же подтвердилось. Однако это обстоятельство было «высочайше повелено оставить без внимания». Так было и со многими другими декабристами, участниками Союза благоденствия, которые после его роспуска уже не входили в другие тайные общества. В деле Астафьева сказались также и фактор времени — ошибка с его однофамильцем. Ведь, по мере того как следственной комиссии становилось ясно, что к «заговору» так или иначе имели отношение самые широкие круги дворянства и выявить всех «заговорщиков» без опасных последствий для власть предержащих невозможно, следствие стало

искусственно ограничивать число привлекаемых к делу.

Вскоре, после завершения дела о декабристах, полковник Астафьев покинул Екатеринбургский пехотный полк, и в полковой истории о нем не осталось даже упоминания.

Во время следствия по делу декабристов, в феврале 1826 г., было упомянуто имя одного из Глинок — Владимира Андреевича, полковника, начальника артиллерии 4-го резервного кавалерийского корпуса, который позже оставил неизгладимый след в истории Екатеринбурга. Об этом факте было известно давно, но мы решили обратиться непосредственно к материалам следствия, хранящимся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. Первое упоминание о В. А. Глинке сделал некто Котчинцев, о личности которого не удалось найти каких-либо сведений. После этого следственная комиссия поставила перед десятью деятелями тайных обществ одни и те же вопросы: «Полковник Владимир Глинка принадлежал ли к тайному обществу? Когда, где и кем именно был принят в оное? В каких отношениях и с кем из членов находился? И какое принимал участие в делах общества?» Н. М. Муравьев, В. Л. Давыдов, П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, А. П. Юшневский, С. П. Трубецкой, М. И. Муравьев-Апостол на все вопросы о В. А. Глинке дали отрицательный ответ. Однако Н. М. Муравьев и М. М. Нарышкин удостоверили принадлежность его к Союзу благоденствия; более уклончиво заявил об этом И. И. Бурцов. Было снято показание еще с одного лица, имя которого отсутствует в литературе и справочниках о движении декабристов — с Мартына Переяславского (не исключена ошибка в воспроизведении имени и фамилии — оригинал неразборчив). Он «показал, что сей Глинка сообщил ему начертание о Союзе благоденствия и приглашал его вступить в оный и что он вместе с ним дал подписку принадлежности союзу». Следственная комиссия, таким образом, удовлетворилась опросом только 10 членов тайных обществ и дала заключение: «... признать показания на полковника Владимира Глинку к сведению»²⁸.

Дело Глинки, как и Астафьева, было «высочайше поведено оставить без внимания». Несмотря на всю противоречивость своей дальнейшей судьбы, Глинка не из-

манил идеалам, которые привели его вначале в масонскую ложу М. Н. Новикова, а затем и в Союз благоденствия. Будучи впоследствии настоящим диктатором огромного Уральского хребта, он остался «испытанным в счастии и несчастии другом» многих декабристов, да и сама деятельность его на Урале носила далеко не однозначный характер. Сын своего времени, он впитал в себя и идеи свободолюбия, и тягу к палочному порядку николаевской эпохи²⁹.

К июлю 1826 г. следствие по делу декабристов было завершено. 12 июля заключенным принесли их прежнее форменное платье, одели и вывели в помещение комендантского корпуса для объявления приговора. В тот же день, около полуночи, декабристы были разбужены и выведены на крепостной двор. «Здесь были генералы в парадных мундирах, офицеры в гусарских сюртуках и казематских туфлях на ногах, смесь черных фраков, изодранных тулупов, круглых шляп, грузинских папах, белых кирасирских колетоз и киверов»³⁰. Осужденных поставили четырехугольником и начали срывать с них эполеты, ордена, бросая в огонь разожженных рядом костров. Затем принесли заранее подпиленные шпаги и начали ломать их над головами декабристов. Это была церемония разжалования, лишения чинов и дворянства. На всех надели тюремные халаты и повели обратно.

Через час из своих камер, гремя кандалами, были выведены в длинных белых рубахах пятеро приговоренных к смерти декабристов. Когда из-под ног у них выбили скамейки, трое — Рылеев, Муравьев-Апостол и Каховский — сорвались. Гарцевавший рядом с виселицей генерал-адъютант А. И. Чернышов, затянутый в блестящий мундир с золотым шитьем, густыми эполетами с вензелем «А» и аксельбантами, приказал поднять их и снова вешать. «Дай палачу твои аксельбанты, чтобы нам не умирать в третий раз!..» — бросил Рылеев одному из палачей — военному губернатору генерал-адъютанту П. В. Голенищеву-Кутузову.

«... Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна», — писал в письме П. А. Вяземскому 14 августа 1826 г. Пушкин³¹. Отправка декабристов на каторгу и ссылку началась 21 июля. «21 июля 1826 г. вечером мне принесли в мой номер Кронверкской

куртины, —вспоминал Е. П. Оболенский, —серую куртку и такие же панталоны из самого грубого солдатского сукна и возвестили, что мы должны готовиться к отправлению в путь. Вскоре после получения меня повели в Комендантский дом, взойдя в комнату, вижу А. И. Якубовича в таком же наряде, как и я... Вскоре потом принесли ножные цепи: нас заковали, сдали фельдъегерю Седову при четырех жандармах, и мы вышли, чтобы отправиться в дальний путь»³². Одежда других партий декабристов могла быть иной: например, А. Е. Розен, Н. и А. Муравьевы, Н. П. Репин имели сюртуки мехом наружу, сверху которых была надета шуба; М. К. Кюхельбекер был во фризовой шинели, под которой был калмыцкий тулуп. Правда, все они отправились в Сибирь уже зимой, в январе 1827 г. Причем ноги обертывали сухим сеном, чтобы не было холодно от железа³³.

Декабристов отправляли партиями по 2—4 человека, которые сопровождал фельдъегерь и жандармы. Жандармы были либо из Санкт-Петербургского жандармского дивизиона, либо состояли в гвардейском жандармском полуэскадроне. И те и другие имели светло-синие мундиры с такими-же воротниками и белыми пуговицами. У гвардейских жандармов выпушка была красной; на воротниках и обшлагах — желтые гвардейские нашивки, желтые гарусные эполеты, на левом плече — желтый аксельбант (В. М. Глинка пишет о красных гарусных эполетах и красном аксельбанте). У офицеров были серебряные петлицы, серебряный вышитый кант на воротнике и обшлагах и серебряные же аксельбант и эполеты. У унтер-офицеров — серебряный галун по воротнику и обшлагам. В походе надевались серые рейтузы со светло-синими лампасами и красной выпушкой. Могли быть и светло-синие чакчиры с красным лампасом и красной выпушкой. На голове была драгунская каска с гребнем либо светло-синяя фуражная шапка у нижних чинов или фуражка у офицеров. Что касается жандармского дивизиона, то он имел желтую выпушку, в том числе на чакчирах светло-синего сукна, не было аксельбанта, эполеты — желтые гарусные у нижних чинов и золотые у офицеров. Шинели у тех и других — светло-синие с соответствующими «клапонами» и выпушками на воротнике. До декабря 1826 г. жандармы были вооружены палашами, с декабря — саблями дра-

гунского образца. Тогда же жандармские дивизионы: надели мундир с красной выпушкой вместо желтой³⁴.

Что касается фельдъегерей, то они носили темно-зеленый однобортный мундир с темно-зеленым же воротником и красными выпушками, та же выпушка — на

Фельдъегерь в сюртуке и с нагрудной сумкой.

фалдах. Обшлага красные, рейтузы темно-зеленые с красной выпушкой, короткие сапоги с прибивными шпорами. Воротники и обшлага сюртуков — темно-зеленые с красной выпушкой. Воротник шинели — серый с крас-

ной выпушкой. В дороге фельдъегерн были при сабле на черной портупее, в темно-зеленой фуражке, которая у офицеров имела красную выпушку по верхнему и нижнему краю околыша и по верхнему кругу тульи, у фельдъегерей — только по краям околыша. Металличе-

**Обер-офицер лейб-гвардии жандармского
полуэскадрона (1825 г.) и рядовой
жандармских дивизионов (1826 г.)**

ский прибор был желтый, на правом плече — желтый аксельбант³⁵.

Фельдъегери гнали тройки день и ночь, останавливаясь на почтовых станциях только для смены лошадей и ночевки через две в третью ночь. Через 10—15 суток после выезда из Петербурга они попадали в Екатеринбург³⁶. Стремительно, гремя колокольчиками, тройки мчались через Московскую заставу Екатеринбурга, плотину, въезжали затем в Колобовскую улицу и подкатывали к почтовой конторе. Здесь прибывшие декабристы встречали искреннее участие екатеринбургского почтмейстера И. А. Осипова и всего его семейства, о чем с благодарностью вспоминали М. И. Пушкин и М. И. Муравьев-Апостол³⁷. Как же выглядел этот екатеринбургский почтмейстер, оставивший след в судьбе нескольких декабристов? Маловероятно, что для «вседневного употребления» он надевал описанный нами выше почтовый мундир с золотым шитьем. Чаще всего употреблялся мундир такого же вида, но без шитья, с темно-зелеными панталонами³⁸. В этом скромном мундире, а может быть и в сюртуке, он встречал осужденных декабристов.

В конце апреля 1827 г. в Екатеринбургскую пересыльно-этапную тюрьму с партией осужденных в окопах, примкнутые вместе с другими к железному пруту, пришли декабристы, участники восстания Черниговского полка, — И. И. Сухинов, В. Н. Соловьев и А. Е. Мозалевский, позже А. А. Быстрицкий. Там же находился бывший поручик Оренбургского гарнизона В. П. Колесников. Их путь в Сибирь был наиболее труден: полуголодные, в железзах, в серой арестантском одежде, они получали короткий отдых в уездном Екатеринбурге. Особенно тяжело было зимой. Конвойные команды, сопровождавшие арестантов по Сибирскому тракту, имели полушубки, теплые шапки с ушами, валенки либо теплые сапоги³⁹ — арестанты же страдали от холода жестоко.

... Грохот орудий на Сенатской площади возвестил о начале 30-летнего царствования императора Николая I. Казни, каторга и ссылка декабристов были предвестниками установления по всей стране военно-казарменных порядков, что первоначально довольно умело прикрывалось разговорами о реформах и благе народа. Большой любитель фруктовой муштры и армейского единообра-

зия, Николай и в государственном устройстве стремился законсервировать феодально-крепостнические отношения. Особое пристрастие Николай испытывал к формам обмундирования солдат, военных и гражданских чиновников. Он по праву считался одним из крупнейших русских униформологов, прекрасно разбираясь не только в расцветке и «формах отличек», но и сам вводя или упраздняя многочисленные мундиры и их детали.

Сразу после своего воцарения, в 1826 г., Николай I попытался создать централизованную горную власть для всего Урала — была учреждена должность Главного начальника уральских горных заводов, а в 1831 г. горное правление было переведено из Екатеринбурга в Пермь. Правда, вскоре горное правление перебралось обратно в Екатеринбург.

Крупные изменения произошли и с Уральскими горными батальонами. К тому времени, несмотря на распоряжения 1820—1821 гг. о пополнении их до штатного состава, численность, а также вооружение и организация батальонов оставляли желать много лучшего. Так, только в самом Екатеринбурге по положению должно было находиться 360 рядовых, но на февраль 1828 г. было только 348 человек, да «в бегах с давнего времени три». Причем «Главная контора, видя совершенное отягощение рядовых, стоящих почти бессменно в караулах, никак не находит средств обучить их экзерциции», помимо этого еще и «недостаток обер-офицеров команду удерживает от учения...». Глазная контора постоянно, ходатайствовала о прибавлении к горной команде, расположенной в Екатеринбурге, еще 300 нижних чинов и 6 офицеров. Только на постоянные посты в Екатеринбурге необходимо было наряжать 259 человек! Всего же во 2-м горном батальоне, стоящем в нашем городе, недостаток составил: 1 штаб-офицер, 14 обер-офицеров, 18 унтер-офицеров, 257 рядовых, 50 нестроевых!⁴⁰ При таком положении любое стремление правительства к введению военизированных порядков на заводах было бы обречено на неудачу. Поэтому с начала 1829 г. началось интенсивное доукомплектовывание горных частей. Пополнения шли отовсюду: из Омского гарнизонного полка — 66 рядовых во главе с капитаном Янжулом, из Усть-Каменогорского гарнизонного батальона — 1 унтер-офицер и 21 рядовой, из Семипалатинского — 1 унтер-

офицер и 16 рядовых, из различных инвалидных команд (Кузнецкой, Томской, Колыванской, Бийской)⁴¹. Одновременно по указу от 19 апреля 1829 г. началась крупная реорганизация горных батальонов и всех гарнизонных частей. Из них были составлены линейные батальоны⁴². В Екатеринбурге, как известно, располагались подразделения 2-го горного батальона, который таким образом стал 14-м Оренбургским линейным батальоном. Его командиром остался подполковник Ирман. Известны и некоторые другие офицеры этого батальона: штабс-капитан Маклаков, поручик Шестаков, подпоручик Зеленцов (эти офицеры «поступили на службу в здешние заводы в числе прочих нижних чинов из армейских полков, где и удостоились заслужить носимые ими ныне чины»). Известны также поручик Суворов и прапорщик Сушинский, поступившие в батальон в 1828 г.⁴³

Полностью была сменена и униформа горных батальонов. Мундиры были построены из темно-зеленого сукна, однобортные: четырем фельдфебелям, четырем каптенармусам, 36 младшим унтер-офицерам, 600 рядовым, барабанщику, 12 ротным барабанщикам. Кроме того, были сшиты сюртуки для фельдшера и двух писарей. Воротники, погоны, обшлага, выпушки по борту и клапанам мундиров были красные. Такого же цвета воротники и погоны у шинелей, а также выпушка у панталонов нестроевых. Шинели серого сукна, как и «курты с таковыми же воротниками, обшлагами и клапанами», а также панталоны у нестроевых. Отпущено было и желтое сукно — для подкладывания под прорезной номер «26. » (номер дивизии) на погонах. Черное сукно пошло на галстуки и манишки; серебряный галун был предназначен для обшивки воротников и обшлагов на мундирах унтер-офицеров и батальонного барабанщика и сюртука батальонного фельдшера. Довольно высокие кивера с черным лакированным козырьком сшиты из черного сукна и обшиты по верху и низу кожей. На кивере крепилась белая гренада «англицкой жести» о трех огнях, в центре которой был прорезной номер батальона. Сверху вставлялся репеек, сделанный из дерева и обшитый сукном. У офицеров кивера были с подбородочной белой чешуей, у нижних чинов — с кожаным ремнем, застегнутым с правой стороны на пуговицу. На кивера полагались чехлы из черной глянцевой

клеенки с задником и номером посередине. Нестроевым полагались фуражные шапки серого сукна с красной выпушкой, лакированным козырьком и подвязным ремнем; батальонному фельдшеру и писарям — темно-зеленая суконная шапка с красным околышем и выпушкой, с лакированным козырьком. Штаны у строевых нижних чинов и офицеров были прямого покроя цвета мундира, с красной выпушкой по шву. Правда, судя по ведомости, носили и белые панталоны на 7 пуговицах снизу, а также полуштилеты на 10 пуговицах. Сапоги были смазные с мягкими голенищами. Пуговицы — оловянные, у офицеров серебряные: к мундирам — по 21, к шинелям — по 10, к сюртукам и курткам — по 18.

Все ремни с октября 1829 г. были установлены черного цвета, на крышке патронной суммы на 35 патронов была прикреплена цифра из меди с номером батальона. Ранцы шились из телячьей кожи с шерстью, с черной кожаной оторочкой, с вычерненными плечевыми ремнями. Были положены также чемоданы из черной глянцевой клеенки для скатанных шинелей. Строевые нижние чины были вооружены ружьями со штыком. Возможно, что тесаки были только у нестроевых, унтер-офицеров и барабанщиков. Офицеры были вооружены пехотными шпагами. Офицерских знаков они не носили, на плечах были эполеты белого металла с полем цвета погон^{*}, на поле стоял номер дивизии. Еще с 1827 г. на эполетах были введены звездочки для обозначения чинов: у прапорщика — одна, у подпоручика — две, у поручика — три, у штабс-капитана — четыре, у майора — две, у подполковника — три; эполеты капитана и полковника звездочек не имели⁴⁴.

В последующие годы произошел целый ряд перемен в униформе: обшлага у офицерских сюртуков стали темно-зелеными с красной выпушкой (декабрь 1829-го), шпаги у офицеров заменены полусаблями (август 1830-го), на погонах и эполетах установлена цифра «28. » (февраль 1831-го), офицерам дозволено носить усы (июнь 1832-го), отменены суконные полуштилеты (январь 1833-го), всем строевым даны летние белые панталоны прямого покроя (февраль 1833-го), установ-

---

^{*} У А. В. Висковатова погоны и сукна на эполетах в Оренбургских линейных батальонах указаны светло-синими⁴⁵.

лен на погонах и эполетах номер «32. » (май 1834-го) ⁴⁶. В 1834 г. на вооружение батальона из Казанского арсенала поступило 468 английских ружей⁴⁷, вероятно закупленных Россией еще в период наполеоновских войн.. Это обстоятельство определенно свидетельствует о том, что к 1834 г. вооружение батальона было в катастрофическом состоянии. Тогда же, в 1834 г., по Положению о корпусе горных инженеров было предписано «наполнять» батальоны офицерами по мере возможности из воспитанников горного института⁴⁸.

В 1837 г. Оренбургские линейные батальоны были переформированы. 13, 14 и 15-й батальоны, находившиеся на горных заводах, стали соответственно 7, 8 и 9-м. Цифра «14. » на киверных гренадах и патронных сумках батальона, стоявшего в Екатеринбурге, была смениена на цифру «8. »⁴⁹. Других изменений ни в организации, ни в обмундировании 1837 г. не принес, за исключением новой формы офицерских шарфов с пряжкой.

Однако с 1837 г. связаны более существенные перемены в жизни всего уральского края, а вместе с этим и в положении стоящих там линейных батальонов. Главным начальником горных заводов хребта Уральского' стал В. А. Глинка, получивший в том же году чин генерал-лейтенанта. С его приездом в Екатеринбург власть горного начальника приобрела невиданные размеры. Урал стал настоящим государством в государстве. «Тут были свои законы, свой суд, свое войско и совершеннейший произвол над сотнями тысяч горнозаводского населения»⁵⁰. Основу военной силы горной власти по-прежнему составляли три линейных батальона, один из которых (8-й) оставался в Екатеринбурге вплоть до реформ 1860-х гг.

Сохранились формулярные списки батальонных офицеров за 1838 г. — личности некоторых из них весьма примечательны. Особенно выделяется майор Семен Васильевич Пашенко, 40 лет, из дворян Иркутской губернии, имевший ордена св. Георгия 4-й степени, СЕ. Владимира 4-й степени с бантом, св. Анны 3-й степени и знак отличия беспорочной службы за 20 лет. В 16 лет Пашенко начал службу в дворянском полку при 2-м кадетском корпусе, а через два года был выпущен в Куринский пехотный полк, сражавшийся на Кавказе. 22 сентября 1819 г. Пашенко впервые принял участие

«в отряде генерал-майора Сысоева за рекой Тереком в действии противу чеченцев и 1 октября под личным начальством генерала от инфантерии Ермолова». В 1831 г. участвовал «в походе форсированным маршем для освобождения крепости Внезапная от осады возмущившихся горских народов». Позже — во многих перестрелках, «при отбитии скота», «при отражении мятежников, напавших на отряд», «при истреблении ближайших аулов», «за Кубанью для рассеяния собранного там скопища шапсугов». Хотелось бы думать, что этот храбрый «кавказец» чем-то походил на лермонтовского Максима Максимыча, исправного служаку, не очень грамотного, но доброго и честного человека. Однако воспоминания о Пашенко на Урале связаны прежде всего с подавлением восстания ревдинских углежогов в марте 1841 г., когда во главе двух рот при 10 орудиях подполковник Пашенко картечью и пулями умертвил 33 человека, среди которых оказалось 6 женщин и две девочки (по данным В. Н. Горловского, было убито 95 человек). Кавказская «школа» пригодилась!

На груди другого офицера, 42-летнего штабс-капитана Сергея Алексеевича Черемнова, выделялся «солдатский Георгий» и польский крест «Виртути милитари» 5-й степени. Эти награды штабс-капитан получил «за усмирение польского восстания» 1831 г. и за службу в 1848—1849 гг. «в княжествах Молдавии и Валахии в составе вспомогательного отряда, предназначенного от его императорского величества в помощь турецкому султану» (для подавления революции в этих дунайских княжествах).

Но особенно чтимыми наградами был отмечен 56-летний поручик, выходец из солдатских детей, Гаврило Кириллович Любимов: на его мундире поблескивали серебряные медали в память Отечественной войны 1812 г. и за взятие Парижа в 1814 г. Самое удивительное, что Любимов получил их, сражаясь в составе Екатеринбургского пехотного полка, рядовым которого он стал в 1801 г. ! В скупых строках формулярного списка Любимова зримо отражен боевой путь полка, родившегося в нашем городе. «В 1812 г. по вступлении французских войск в Россию находился в действительных сражениях: августа 26 в генеральном при селе Бородине, сентября 22 в авангарде у села Тарутина. Через Слезию (Силезию. —

Авт.), Пруссию и Саксонию, октября 4 и 8 в сражении при городе Лейбциге и при взятии одного. Декабря 20 при переправе через реку Рейн и при взятии города Кобленца, при блокаде крепости Майнца, 1814 января 23 при вылазке неприятеля и при прогнании одного обратно в крепость, февраля 28 при взятии штурмом города Реймса, марта 18 при взятии штурмом при городе Париже горы Монмартр»⁵¹.

С конца 40-х по середину 50-х гг. в обмундировании Оренбургских линейных батальонов произошел ряд изменений: с 1840 г. на левом рукаве нижних строевых чинов, добровольно оставшихся по выслуге срока на службе, появились шевроны из серебряного галуна (за 5 лет сверхсрочной службы); в 1841 г. у рядовых были отменены портупей и оставлены одни перевязи с лопастью для штыка; в 1843 г. были введены специальные черные или серые нашивки поперек погон «для отличия порочных, подвергнутых штрафам»; в том же году появились новые кивера высотой чуть более 22 см и установлены поперечные нашивки на погонах: одна — широкая галунная для фельдфебеля, три узкие басонные — отделенным унтер-офицерам, две — остальным унтер-офицерам, одна — ефрейторам. В мае 1843 г., когда линейные батальоны, возможно, еще не успели перейти на новые кивера, была введена каска из лакированной кожи высотой в 35 см с козырьком спереди и сзади в белой металлической оправе и с прямой вертикальной трубкой сверху, которая заканчивалась гренадой с пламенем. Подбородочная чешуя — белой жести, как и армейский герб с медным номером, присвоенным батальону.

В 1844 г. количество патронов в сумках у нижних чинов было увеличено до 60, кроме того, на каждого человека полагалось иметь еще 40 в патронных ящиках. В 1846 г. в армии вводятся ружья с ударными замками, и, хотя Оренбургские батальоны вряд ли получили их сразу, до них все же дошло описание пригонки к перевязи небольшой капсюльной сумочки. В начале 50-х гг. произошел ряд небольших изменений и в обмундировании нестроевых чинов⁵². В целом к началу 50-х гг. линейные батальоны, находившиеся на Среднем Урале, в том числе в Екатеринбурге, были в хорошем состоянии. В отчете генерал-майора Фуллона о ревизии ураль-

ских заводов в 1849 г. отмечалось: «Воинские чины-линейных батальонов содержатся наилучшим образом: наружный вид солдат вполне удовлетворителен, они одеты хорошо и обязанности охранения казенного имущества исполняют самым исправным образом»⁵³.

Наряду с линейными батальонами «повседневный» контроль за жизнью горнозаводского населения осуществляли уездные инвалидные команды, подвижные инвалидные роты, специальный штат екатеринбургской и окружной полиции. Кого только не было! Да и сама служба чиновничества — и горного, и гражданского — носила ярко выраженный милитаризированный характер.

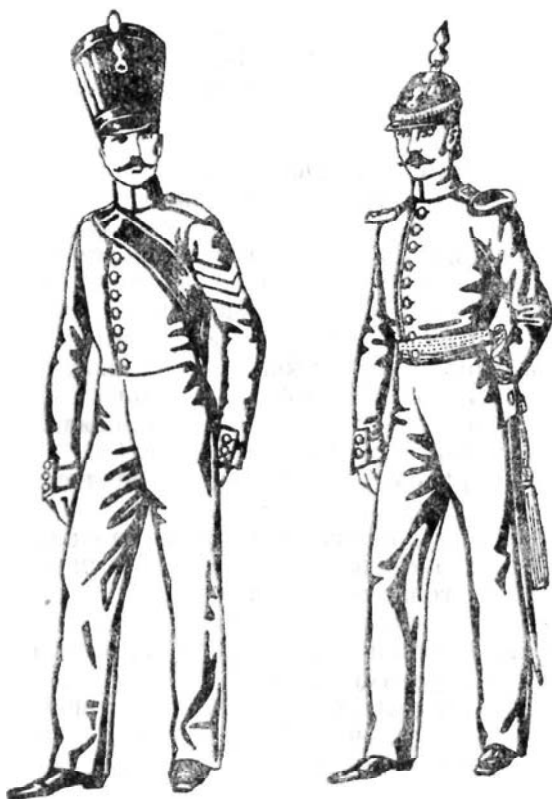
Уездные инвалидные команды с 1826 г. стали носить однобортные серые мундиры с девятью плоскими пуговицами и длинные серые панталоны с черными суконными полуштиблетами. Офицеры надели темно-зеленые-однобортные мундиры и серые панталоны. В 1828 г. были введены кивера новой формы высотой в 24, 5 см с белой Гренадой об одном огне с прорезным номером батальона, к которому была причислена команда (номер батальона екатеринбургской команды установить не удалось). С 1829 г. мундир и панталоны стали зелеными, ремни черными, на крышках патронных сум появился номер батальона. В 1833 г. последовала отмена черных полуштиблетов у нижних чинов, появились белые летние панталоны прямого покроя, в 1841 г. отменены портупей у рядовых, с 1844 г. появились кожаные каски⁵⁴.

Похожее обмундирование было и у подвижных инвалидных рот⁵⁵, которые, по словам Мамина-Сибирика, содействовали горному правлению в интересах скорости исполнения его указов, высылали горных людей на всякие работы и ведали тишиной, безопасностью и бесконечными экзекуциями⁵⁶. «Всякое следствие, даже по гражданским делам, производилось горной полицией и исполнение приговоров также поручалось ей...» — пишет Мамин-Сибирик⁵⁷. Как же выглядели полицейские чины того времени?

Во главе городской полиции стоял полицмейстер, а окружной — горный исправник. По штату главного управления уральских горных заводов 1847 г. полицмейстер имел чин VIII класса, а исправник — IX класса⁵⁸. Их мундиры были четко регламентированы в фев-

рале 1834 г.: темно-зеленые однобортные мундиры с отворотами на фалдах и подкладкой того же цвета, воротник и обшлага — красные с золотым шитьем, пуговицы также золотые с гербом Пермской губернии. Брюки темно-зеленые поверх сапог, которые у полицмейстера,

Рядовой (1333—1843 гг.), обер-офицер (1844 г.)
уездной инвалидной команды

как у штаб-офицера, были с ввинчивающимися шпорами. На боку висела пехотная офицерская шпага, на голове — треугольная черная шляпа или зеленая фураж-

ка с красным околышем⁵⁹. Частные приставы, которых было два на город, имели такие же мундиры на 9 пуговицах, на красном воротнике были две серебряные петли, на красных обшлагах с разрезом — по две пуговицы. Панталоны темно-зеленого цвета поверх сапог, шляпа треугольная, на портупее сабля. Восемь квартальных надзирателей петлиц на воротнике не имели, все остальное — как у частных приставов⁶⁰.

Полицейская команда в городе состояла из казаков, десятников, будочников, трубочистов, профосов, сторожей и пожарной команды во главе с брандмейстером (пожарная команда по штату 1847 г. имела 20 лошадей); окружная полиция включала в себя казаков, сотников и десятников. В полицейские команды при горных заводах запрещалось брать «туземцев и местных жителей», все чины комплектовались людьми из военного ведомства⁶¹. Форма екатеринбургской и окружной полицейских команд не была утверждена центральными ведомствами, и сведений о ней почти не осталось, за исключением упоминания о казаках: в феврале 1839 г. было предписано дать им форму «по цветам горных инженеров» (обмундирование горных инженеров рассмотрим далее), а на погонах обозначить начальную букву округа, к которому они принадлежат⁸². У Оренбургского округа — «Ор. ».

Более строго городская полицейская униформа была регламентирована только в 1855 г. К этому времени команда городской полиции была разделена на отряд рассыльных, сторожевых и пожарных. Отряд рассыльных получил темно-зеленые мундиры с красными воротником, фалдами, выпушкой по борту, погонам, обшлагам. Пуговицы были медными, шинель серая с красным воротником. Погоны на мундире и шинели темно-зеленые с красной выпушкой и такой же вышивкой с номером части. На голове черная лакированная каска с медным прибором. Панталоны темно-зеленые, летом — белые равендучные. Все рассыльные имели тесак на белой портупее. Унтер-офицеры отличались золотым галуном по воротнику и обшлагам, а также перчатками. Летом всем рядовым полагался белый китель из равендука и перчатки. Отряд сторожевых имел мундиры серого сукна с красными воротником, погонами и выпушкой обшлагов. Вышивка номера части на погонах

была желтой; фуражка — темно-зеленая с красным околышем и лакированным козырьком, на фуражке крепилась медная бляха с надписью: «Екатеринбургская городская полиция». Панталоны серые. Как и рассыльные, сторожевые зимой могли надевать овчинный полушубок, а летом равендучный китель и белые панталоны. Вооружение составляла алебарда, а у унтер-офицеров — тесак. Наконец, пожарные имели медную каску с гербом города или фуражку серого сукна с синим околышем. Мундир был серый с синими воротником, погонами (с красной высечкой номера поста) и обшлагами; зимние панталоны — серые. Воротник и погоны серой шинели — синие. Поясной ремень — с медной пряжкой. По воротнику и обшлагам мундира унтер-брандмейстера шел золотой галун⁶³.

В том же году почтальоны получили черные лакированные каски с гербом. Вместо кортиков обзавелись кавалерийскими саблями на портупее через плечо. Зимой все почтальоны стали носить теплые шапки из темно-зеленого сукна на вате с почтовым знаком⁶⁴.

Стоит упомянуть также мундир офицера корпуса жандармов, так как по распоряжению правительства с 1838 г. жандармский штаб-офицер в течение нескольких месяцев в году находился в Екатеринбурге⁶⁵ — недовольство рабочего люда, мещан, купечества и даже части чиновничества казарменными порядками стало столь велико, что был задействован даже корпус жандармов. Мундир жандарма — однобортный, светло-синий, с таким же воротником, выпушка всюду красная (с 1836 г.). Петлицы на воротнике, пуговицы с изображением Гренады, эполеты и аксельбант на левом плече серебряные. Серые рейтузы с красной выпушкой. На голове — либо черная пуховая шляпа с серебряной петлицей, надетая «с поля», либо кожаная каска с медной бляхой и волосным плюмажем. Чаще всего жандармский офицер носил светло-синий сюртук с красной выпушкой и светло-синюю фуражку с красной выпушкой и офицерской кокардой на околыше. Шинель была также светло-синяя с красными клапанами на воротнике⁶⁶.

Особое место в военизированном царстве Урала занимали горные инженеры. По словам Мамина-Сибиряка, обыкновенные чиновники здесь терялись, уступая место горным инженерам. «Горный корпус своей солдатской

выправкой и муштрой далеко оставил за собой военных людей по профессии и мог сделаться опасным конкурентом настоящих парадных полков. Рассадником этого направления служил институт корпуса горных инженеров, двести воспитанников которого, составляя две роты,

**Жандармский
штаб-офицер
(конец 30-х —
40-е гг. XIX в.)**

проходили всю школу фронтового учения при полной военной амуниции и ружьях. Получались настоящие николаевские фронтовики с солдатской вытяжкой»⁶⁷.

Положение о корпусе горных инженеров был© утверждено 1 января 1834 г. В горные инженеры переименовывались: «... уральский берг-инспектор, горные начальники и все прочие чиновники, занимающие по распорядительной и искусственной части места, также и другие отличнейшие чиновники для замены тех должностей, которые положены по штату корпуса горных инженеров». Штат корпуса на Урале был определен следующий: Главный начальник Уральских заводов (если чина не имеет — генерал-майор), при нем 3 адъютанта (поручик, штабс-капитан и капитан), при Уральском горном правлении — 3 штабс-капитана, 3 капитана и 3 майора; по округу Екатеринбургских заводов — горный начальник (полковник), его помощник (подполковник), обер-офицеры для поручений (поручик и штабс-капитан), управитель монетного двора (майор), его помощник (подпоручик), управители заводов (майор и капитан), их помощники (подпоручик и прапорщик), управитель золотыми промыслами (подполковник), смотрители за золотосодержащими рудниками и промыслами (2 капитана, 2 штабс-капитана, 2 поручика, 2 подпоручика, 2 прапорщика), производитель проб (штабс-капитан). Чины присваивались также военные, прежние же горные звания более не присваивались, хотя не поступившие в горные инженеры продолжали их сохранять⁶⁸.

Корпусу горных инженеров давалось особое обмундирование. Вместо мундира фрачного покроя горные инженеры носили однобортный темно-зеленый кафтан. Такого же цвета были брюки, носимые поверх сапог. Воротник и разрезные обшлага были черного бархата; выпушка на воротнике, обшлагах и брюках — светло-синяя; на воротнике две серебряные петлицы, серебряными были эполеты и пуговицы с особым изображением (возможно, в виде двух перекрещенных молотов либо кирки и молота). Подкладка кафтана — темно-зеленая. Сюртук был назначен тех же цветов, но без петлиц, воротник черный бархатный, обшлага круглые темно-зеленые, выпушки светло-синие. Во время «производства работ» можно было носить сюртук без эполет и без шпаги, с фуражкой. Фуражка темно-зеленая с чер-

ным бархатным околышем, светло-синими выпушками и козырьком. Шляпа черная, общей офицерской формы, с серебряной петлицей и черным султаном. Шинель — серого сукна с белыми, как на мундире, пуговицами и с черным бархатным воротником со светло-синей выпушкой. Шпага с темляком и шарф были обычными офицерскими. Штаб-офицеры имели на сапогах стальные шпоры⁶⁹. Была определена также форма горного института в Санкт-Петербурге и горной технической школы⁷⁰, которые выпускали горных инженеров и горных чиновников. По окончании этих учебных заведений многие выпускники приезжали на Урал, где некоторое время до получения классного чина служили в звании кондуктора, имея на себе полную боевую амуницию. С 1839 г. кондукторы стали носить мундирный сюртук по цветам горных инженеров, шляпу и шпагу без темляка; во время работ были без шпаги и в фуражке⁷¹. Воспитанники корпуса горных инженеров, которые оказались неспособными к наукам, с 1836 г. высылались прямо в линейные батальоны при горных заводах.

Основная масса горных чиновников, в отличие от горных инженеров, носила иные мундиры, что еще более подчеркивало их элитарное положение. Форма чиновников, служащих по горной части, была определена в 1833 г. Мундиры, как и ранее, были однобортными фрачного типа из темно-синего сукна, по борту — на 9 пуговицах, воротник и прорезные обшлаги из черного бархата, обкладка на лапах фалд из черного сукна, подкладка из черного стамеда. По воротнику, обшлагам, рукавным «клапонам» и обкладке шла красная выпушка. Пуговицы были выпуклые, вызолоченные, гладкие; панталоны темно-синие без выпушек, поверх сапог. По поводу золотого шитья на мундирах есть неясности. По положению 1833 г. предусматривалось четырехрядное деление, которое, кстати сказать, сохранялось и в более позднее время. К сожалению, рисунок шитья определить не удалось; возможно, что оно включало в себя петлицы на воротнике и шитые канты по краям. Шляпа была треугольная с золотой петлицей по чинам, шпага с серебряным темляком. Шинель серая, воротник черный с красной выпушкой. При работах надевались двубортные сюртуки по цвету мундира и темно-синяя фуражка с черным околышем и красными выпушками,

но при шпаге. В 1834 г. было оговорено, что форменный сюртук может носиться при шпаге и треугольной шляпе, когда он надевается поверх мундира; если сюртук надет без мундира или в дороге, то на горном чиновнике могла быть фуражка.

Горные канцелярские служители 1-го и 2-го разрядов носили такие же сюртуки, но без шпаги, а служители 3-го и 4-го разрядов были одеты в однобортные сюртуки по цветам мундиров с золотыми галунами⁷².

Менее важное по сравнению с горными чиновниками, но весьма заметное место занимали чины лесного ведомства. Недаром рядом с роскошным домом Главного начальника горных заводов Уральского хребта был построен небольшой, но великолепный особняк Главного лесничего Уральских горных заводов. Ничего странного в таком положении лесных чиновников не было — древесный уголь являлся важнейшим сырьем для всех заводов огромного Уральского края.

В 1839 г. был образован корпус лесничих⁷³. Офицеры этого корпуса заняли все важнейшие посты лесной администрации Уральского края — Главного лесничего (подполковник), его помощника (штабс-капитан), старшего лесничего (капитан), лесничих (штабс-капитан и два поручика)⁷⁴. Все они получили однобортный темно-зеленый мундир и такие же брюки. Воротники светло-зеленого сукна; на разрезных обшлагах светло-зеленый клапан. На фалдах, обшлагах и брюках светло-зеленая выпушка. На воротнике и клапанах шло серебряное шитье (вероятно, в виде петлиц и кантов), эполеты по чинам также серебряные, как и пуговицы с изображением государственного герба. Подкладка темно-зеленая. Сюртук темно-зеленый со светло-зеленым воротником без шитья; обшлага круглые темно-зеленые со светло-зеленой выпушкой. Летом в праздничные дни надевались белые полотняные брюки. Шинель строилась из серого сукна со светло-зеленым воротником. Шпага пехотная с темляком; шарф только у генералов, штаб-офицеров и штабных офицеров; шпоры стальные. Шляпа была общей формы с серебряной петлицей и черным пером, носили ее «с поля» (то есть углом вперед, оставляя переднее поле справа). Обер-офицеры носили черный лакированный кивер с белым орлом и буквами «К. Л. »; помпон серебряный. Фуражки были темно-зеле-

ными со светло-зелеными суконными околышами и светло-зелеными выпушками⁷⁵. Все остальные классные чиновники лесного ведомства имели зеленые бархатные воротники и обшлага с красной выпушкой. Им был положен темно-зеленый мундирный фрак с зеленым бархатным воротником без выпушки⁷⁶.

Чины лесной стражи, которые и осуществляли непосредственную охрану огромных лесов казенных заводов, имели темно-зеленый однобортный мундир пехотного образца па оловянных пуговицах с номером; воротник, клапана обшлагов, погоны, выпушка по борту, обшлагам и фалдам светло-зеленые; подкладка темно-зеленая. На погонах стояли начальные буквы лесного округа. Поверх сапог надевались темно-зеленые брюки со светло-зеленой выпушкой, летом — из фламского полотна. На голове был лакированный кивер с белым жестяным гербом, на котором стояли две медные буквы «К. Л. »; помпон светло-зеленый. Шинель серая со светло-зеленым воротником и такого же цвета погонами. Полагались сверх того серые суконные брюки со светло-зеленой выпушкой и китель из равендука, а к нему — брюки из подкладочного холста. Фуражка темно-зеленая со светло-зеленой выпушкой и околышем (на нем стояли начальные буквы округа), без козырька. Зимой под шинелью носили полушубок. Все были вооружены штуцерами и кавалерийскими ружьями, объездчик, кроме того, имел саблю, а стражник — тесак. Вальтрап* был темно-зеленый со светло-зеленой выпушкой и вензелями⁷⁷.

Мамин-Сибиряк был прав: среди офицеров линейных батальонов, корпуса горных инженеров и лесничих обыкновенные гражданские чиновники терялись, но они были, и было их немало. Имел Екатеринбург и своего Ляпкина-Тяпкина, и Землянику, и других чиновников из гоголевского «Ревизора», правда за исключением городничего. Обмундирование всех чиновников было строго регламентировано Положением о гражданском мундире 1834 г. В нем было указано, что все чиновники министерств, ведомств, и заведений вплоть до самого низшего чина обязаны носить форменную одежду. За исполне-

---

* Вальтрап — суконное покрытие по типу чепрака, но более широкое и надеваемое поверх седла.

нием этого Положения строго следили, как начальство, так и полиция.

Общий покрой гражданских мундиров был однобортный с 9 пуговицами на груди, с 3 на обшлагах, если обшлага круглые, и с 2, если разрезные (на дворянских мундирах и у лесничих), 3 были под каждым из двух карманных клапанов, 2 пуговицы на каждой фалде — всего 25 пуговиц. Их цвет и изображения варьировались по ведомствам. Фалды подбиты в цвет мундира. Жилет белый, суконный, однобортный с шестью маленькими пуговицами, галстук белый (при вицмундире можно было носить черный), панталоны в цвет мундира, летом — белые, со штрипками, поверх сапог. Шляпа черная с серебряными кистями в углах, с петлицей одного цвета с шитьем ведомства; под петлицей — черная кокарда с оранжевыми и серебряными полосами. Чины с 1-го по 5-й класс имели витую петлицу на шляпе, прочие — из гладкого позумента. Петлицы закреплялись малой пуговицей. Перчатки белые.

Вицмундир (то есть «вместо мундира», мундир для повседневной носки) представлял из себя мундирный фрак с отложным воротником. Пуговицы на груди шли в 2 ряда, по 6 в каждом. Над фалдами сзади по 1 пуговице, под карманными клапанами — по 3 с каждой стороны, внизу на фалдах — по 1. Обшлага были разрезными, одинакового цвета с мундиром (у почтового ведомства бархатные), на них нашиты малые пуговицы. Жилет однобортный, суконный, под цвет фрака или белый, с 6 малыми пуговицами (к темному жилету — золотые, к белому — обтяжные). Панталоны одинакового цвета с фраком, летом — белые со штрипками. При вицмундире шпага не полагалась, а шляпа представляла из себя фетровый цилиндр. Для дороги и для работы на воздухе полагались форменные сюртуки по цвету мундиров со стоячим воротником, однобортные с 8 пуговицами на обшлагах и фалдах. Если сюртук надевали поверх мундира, то носили шпагу (эфес которой был виден из специальной «прорехи») и треугольную шляпу. В дороге при сюртуке надевали суконную фуражку одинакового с ним цвета и с околышем цвета воротника.

Канцелярские служители, не имеющие классных чинов, носили сюртуки со стоячим воротником по цвету мундира ведомства. Пуговицы белые с изображением

ведомства, по краю воротника и обшлагов шел золотой или серебряный галун. Обшлага были разрезные под цвет сюртука с выпушкой под цвет воротника; панталоны, надеваемые поверх сапог, — по цвету сюртука с выпушкой цвета воротника, летом белые полотняные со штрипками. Служители носили фуражки под цвет сюртука с околышем по цвету воротника; на околышах гарусным шнурком (белым или желтым) нашивались первоначальные буквы места их службы.

При выходе в отставку чиновник сохранял свой мундир, но только если он прослужил на одном месте не менее 10 лет, в противном случае он носил губернский мундир. Гражданским чиновникам запрещалось носить бороды и усы. Нередко «благонамеренные люди», даже неслужившие, брили усы и бороды⁷⁸.

По шитью на мундирах можно было определить ведомство, а также чин владельца мундира. Различие чинов по шитью было десятиразрядным: 1-й разряд — шитье на воротнике и под ним, на обшлагах, клапанах, широкое или в три ряда на полах мундира, вдоль фалд и по швам в один ряд; 2-й разряд — так же, как у 1-го, но на полах в два ряда, вдоль фалд в один ряд; 3-й разряд — так же, как у 2-го, но на полах и фалдах в один ряд; 4-й разряд — полное шитье, но только на воротнике, обшлагах и карманных клапанах; 5-й разряд — полное шитье на воротнике и обшлагах; 6-й разряд — половинное шитье (то есть половина воротника и обшлагов чистые) на воротнике и обшлагах; 7-й разряд — половинное шитье на воротнике и шитый кант на обшлагах; 8-й разряд — половинное шитье на воротнике; 9-й разряд — кант на воротнике и обшлагах; 10-й разряд — кант только на воротнике⁸⁰.

Помимо военных чинов, горных, лесных, гражданских чиновников форму или одежду с форменными элементами могли носить денщики, слуги, отставные военные, ямщики, купцы, занимавшие административные должности, и даже старообрядцы, нередко выделявшиеся строгим черным или синим кафтаном... Но обратимся наконец к главному лицу огромного Уральского края — к генералу В. А. Глинке..

Уже в юные годы Глинка, сын отставного поручика лейб-гвардии Преображенского полка, облачился в мундир 1-го кадетского корпуса, а в неполных 16 лет был

Расцветка мундиров по ряду ведомств
и министерств *⁷⁹

Т а б л и ц а

Министерство, ведомство	Цвет					
	мундира	обшлагов	воротника	под- кладки	металлического прибора	брюк
Внутренних дел"	темно-зеленый	черный бархатный	черный бархатный	черный	пуговицы золотые с государственным гербом	темно-зеленый
Финансов	темно-зеленый	зеленый бархатный с красной выпушкой	зеленый бархатный с красной выпушкой	темно-зеленый	пуговицы золотые с государственным гербом	темно-зеленый
Юстиции	темно-зеленый	темно-зеленый бархатный	темно-зеленый бархатный	темно-зеленый	пуговицы золотые с чеканом в виде колонны и надписью: «Законъ»	темно-зеленый
Народного просвещения	темно-синий	темно-синий бархатный	темно-синий бархатный	темно-синий	пуговицы золотые с государственным гербом (в губерниях с губернским гербом)	темно-синий
Почтовый департамент	темно-зеленый	черный бархатный	черный бархатный	темно-зеленый	пуговицы золотые с государственным гербом и 2 почтовыми рожками	темно-зеленый
Путей сообщения и публичных зданий	темно-синий	черный суконный	черный суконный	темно-синий	пуговицы серебряные с государственным гербом	темно-синий
Заведения императрицы Марии Федоровны (благотворительные заведения)	темно-зеленый	черный бархатный с голубой выпушкой	черный бархатный с голубой выпушкой	черный	пуговицы золотые с изображением пеликана, питающего птенцов	темно-зеленый

Министерство, ведомство	Цвет					брюк
	мундира	обшлагов	воротника	под- кладки	металличе- ского прибора	
Дворянские губернские мундиры	темно- зеленый	красный сукон- ный	красный сукон- ный	темно- зеле- ный	пуговицы золотые с губернским гербом под короной и названием губернии	темно- зеле- ный

* Даны только основные сведения без детализации.

выпущен подпоручиком в гвардейскую артиллерию. Командиром конно-артиллерийской роты он прошел Отечественную войну 1812 г. и заграничные походы. Участие в декабристском движении, как мы уже отмечали, не отразилось на его последующей карьере, и в 1828 г. он стал генерал-майором свиты. В должности начальника штаба артиллерии действующей армии Глинка участвовал в подавлении польского восстания 1831 г., был контужен. Наконец, в 1837 г. он попадает на Урал, где становится полным хозяином огромного Уральского края. «Приезды Глинки на заводы, — писал дореволюционный историк Боков об этом периоде жизни нашего героя, — целое событие. Ездил он с большой помпой. На заводах его встречали торжественно: народ высыпал на улицы, площадь уставлена солдатами, у квартиры ставились парные часовые. Вид Глинка имел воинственный, украшен генеральскими регалиями, разноцветными перьями на каске; окруженный блестящей свитой, Глинка носился на коне перед заводскими батальонами, чиновниками, горными урядниками и мастеровыми, выстроенными шеренгами около присутственных мест»⁸¹.

Какой же мундир был на Глинке? При всей кажущейся простоте, ответить на этот вопрос нелегко. Так, Владимир Андреевич мог носить мундир генерал-майора свиты с особым свитским шитьем по воротнику и обшлагам или описанный нами ранее мундир корпуса горных инженеров. Но скорее всего, судя по портретам, Глинка предпочитал артиллерийскую форму, с которой была связана вся его предшествующая жизнь.

В Екатеринбургском государственном историко-краеведческом музее и Екатеринбургском музее изобразительных искусств хранятся два наиболее известных портрета В. А. Глинки, автором одного из которых является А. И. Корзухин (1835—1894); второй нередко приписывается ему же. Обратимся вначале к портрету, находящемуся в историко-краеведческом музее. Глинка изображен в вицмундире генерала армейской пешей артиллерии; три серебряные звездочки на поле эполет говорят, что перед нами генерал-лейтенант (им Глинка был с 1837 по 1852 г.). Примечательны его награды: на груди звезды орденов Белого орла и св. Владимира 2-й степени, на шее — св. Владимира 2-й степени, св. Анны 1-й степени, польский орден «Виртути милитари» 1-й степени; в колодке — св. Георгия 4-й степени и 5 медалей, которые плохо различимы, но три из них, вероятнее всего, за взятие Парижа, одна за польскую кампанию и дворянская медаль в память Отечественной войны 1812 г. Интересна пряжка на георгиевской ленте — «Знак отличия беспорочной службы» за XXXV лет. Этот знак жаловался за действительную выслугу в классных чинах и званиях полных 15, 20, 25 и т. д. лет, считая от первого обер-офицерского чина⁸². Как известно, первый обер-офицерский чин Владимир Андреевич получил в октябре 1806 г.⁸³, поэтому пряжку, изображенную на портрете, он мог получить в 1842 г. * Через пять лет, в 1847 или 1848 г., он должен был уже иметь пряжку с цифрой «XL». Казалось бы, примечательна еще одна деталь: в конце 1849 г. генералы, числившиеся по пешей артиллерии, получили для ношения при вицмундире пехотную полусаблю образца 1826 г.⁸⁴ На портрете же ясно виден эфес кавалерийской сабли с обычным темляком. Однако это могло быть золотое оружие «За храбрость», особые темляки на котором (на оружии без алмазных украшений) стали носить только с 1855 г. Поэтому придется остановиться только на пряжке за беспорочную службу и датировать портрет приблизительно 1842—1848 гг. Но ведь Корзухину тогда было не более 14 лет! Мог ли он написать портрет, в котором чувствуется кисть опытного художника? Вряд ли.

---

* Награждение производилось один раз в год — 22 августа, в день учреждения знака.

Не менее интересен и второй известный портрет Глинки, который обычно датируется 1855 г. На нем генерал, теперь уже в чине генерала от артиллерии (поле эполет чистое), выглядит значительно старше, изменились и награды на его мундире: на груди звезды св. Александра Невского (орден получен в 1851 г.) и св. Владимира 2-й степени (в 1856 г. Глинка получил 1-ую степень этого ордена); на шее — Белого орла, св. Владимира 2-й степени, «Виртути милитари» 1-й степени; в колодке — св. Георгия 4-й степени, св. Анны 1-й степени и пять медалей. Ниже пряжка за «XL» лет беспорочной службы. Ясно, что этот портрет, если его писали с натуры, должен быть датирован временем не ранее 1852 г. (Глинка получил чин генерала от артиллерии в этом году) и не позже 1853 г., когда он должен был уже определенно получить следующую пряжку — за 45 лет беспорочной службы.

Но вот два странных обстоятельства. Во-первых, на поле эполет совершенно не просматривается «четвертый витой жгут», введенный в конце 1837 г. Во-вторых, орден св. Владимира 2-й степени на шее висит на Анненской ленте?! Почему? Стоит вспомнить, что на первом портрете на этом месте изображен орден св. Анны 1-й степени, однако после получения ордена св. Александра Невского «Анна» переходила с шеи на колодку, а на шее появлялся орден св. Владимира 2-й степени⁸⁵. Это значит, что художник писал портрет, вероятно, не с натуры, а используя ранний портрет, но внося изменения в изображения наград.

Думается, что эти размышления помогут искусствоведом раскрыть тайну портретов В. А. Глинки. Стоит еще упомянуть, что кроме двух широко известных портретов в фондах Екатеринбургского музея изобразительных искусств хранятся еще две миниатюры конца 40-х — начала 50-х гг. работы Абабкова с изображением Глинки, на которых он представлен в артиллерийском сюртуке с орденом св. Георгия 4-й степени в петлице. Кроме того, в фондах Екатеринбургского краеведческого музея имеется еще портрет, выполненный на железе. Два портрета Глинки воспроизведены в фундаментальном издании «Столетие военного министерства»⁸⁶ и в «Военной энциклопедии» издания И. Д. Сытина.

В 1856 г., став сенатором, Глинка навсегда покинул

Екатеринбург. Главным начальником уральских заводов стал генерал-майор Ф. И. Фелькнер, личность менее яркая, с приходом которого, как писал современник, «дела уральские двинулись назад: выработка ружей и пушек прекратилась, заказ по изготовлению медной монеты не выполняется, добыча золота резко упала», а «злоупотребления с угнетением народа и кражею казны развились до крайности»⁸⁷.

Катастрофическое состояние экономики и социальной жизни ощутимо чувствовалось не только на Урале, но и по всей стране: изжившие себя феодально-крепостнические порядки стали тяжелым бременем для поступательного развития Российского государства. В полной мере гнилость и слабость крепостнической России показала Крымская война, что, впрочем, ни в коей мере не умаляет блеска славных подвигов русских солдат, в течение года оборонявших полуразрушенный Севастополь. Дстойное место в этой героической эпопее занял Екатеринбургский пехотный полк.

Екатеринбуржцы прибыли в Севастополь 19 октября 1854 г., проделав стремительный марш из Молдавии и Валахии, где они участвовали в войне с Турцией. Уже 21 октября екатеринбуржцы дрались за четвертый бастион, потеряв двух убитыми и нескольких ранеными.

Рано утром 24 октября в составе 10-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Соймонова Екатеринбургский полк атаковал английские позиции на Инкерманских высотах. Русские солдаты опрокинули неприятеля, несколько орудий стали трофеями Екатеринбургского полка. Великий князь Николай Николаевич, встретивший екатеринбуржцев после штыковой атаки, «видел в знаменных взводах Екатеринбургского полка, 17-го батальона, множество штыков в крови, и все навесились английскою амуницею, а офицеры взяли их штуцера и патроны и ими сами действовали»⁸⁸.

Однако командование вело себя чрезвычайно вяло, связь между войсками была нарушена, и два батальона екатеринбуржцев были отрезаны, однако, к счастью, смогли пробиться к своим. Оправившись, полк во главе с командиром полковником Уважнов-Александровым вновь пошел в атаку. Англичане встретили русских солдат жестоким огнем, командир полка был убит, сменивший его подполковник Ковтунович ранен, ряды сол-

дат расстроились, и атака не удалась. К вечеру екатеринбуржцы возвратились в Севастополь. Потери их были настолько большими, что старшим офицером остался поручик Яковлев, который и принял командование частью. Из 3298 солдат выбыло из строя 1068 человек!⁸⁹

За храбрость и самоотверженность в Инкерманском бою многие офицеры были награждены орденами и повышены в званиях, а нижние чины получили 24 знака отличия Военного ордена⁹⁰. Вся армия вспоминала «потрясающий подвиг стрелка (2-го батальона Екатеринбургского полка) рядового Поленова, который, истощив в борьбе с неприятелем последние силы, чтобы не отдаться в плен, бросился с крутой скалы и разбился»⁹¹.

С Инкерманского побоища началась длительная осада Севастополя, на протяжении которой Екатеринбургский полк бессленно до конца апреля 1855 г. оборонял четвертый бастион. «Страшным бастионом» называли его солдаты. «Когда кто-нибудь говорит, что он был на четвертом бастионе, он говорит это с особенным удовольствием и гордостью», — писал участник обороны Л. Н. Толстой⁹². И было чем гордиться! Бастион постоянно обстреливали французские и английские батареи, предпринималось несколько штурмов, даже по ночам екатеринбуржцы расходовали по 12 тысяч патронов⁹³.

Почти каждую ночь солдаты полка тревожили неприятеля. Особой удачью отличались в ночных вылазках музыкант 3-й мушкетерской роты Кондратьев и капитан Шемраевский. Храбростью и мужеством выделялся подпоручик (затем поручик) Третьяков, снискавший уважение всего полка. К сожалению, во время боя 13 апреля, когда был смертельно ранен командир полка подполковник П. О. Багенский, а в одной из рот осталось всего 32 человека, Третьяков был тяжело ранен и покинул Севастополь. Екатеринбургский полк в этом бою понес настолько серьезные потери, что был переведен в резерв оборонительной линии и переформирован из четырех- в двухбатальонный состав⁹⁴. Новым полковым командиром был назначен подполковник Владимир Николаевич Веревкин, под начальством которого полк с мая вновь принял участие в жестоких боях. Только за один бой 6-го июня солдаты полка получили 40 знаков отличия Военного ордена. Сам Веревкин был награжден золотой саблей, которая после его смерти хранилась в офи-

церском собрании полка как память о тяжелых и славных днях Севастополя. При отражении последнего штурма 27 августа подполковник Веревкин был ранен двумя пулями, а полк вместе со всей армией перешел на Северную сторону города.

12 апреля 1856 г., после подписания мира, екатеринбуржцы прощались у братской могилы с павшими товарищами. В этот день полковник Веревкин издал приказ: «Завтрашнего числа годовщина того славного боя, который выдержал Екатеринбургский полк в г. Севастополе при устройстве ложементов (фортификационные сооружения. — *Авт.*) впереди редута Шварца. Командовавший в то время полком г. подполковник Багенский был в этот день ранен и вскоре от раны умер, много из гг. офицеров и весьма много нижних чинов запечатлели кровью исполнение долга, а поэтому считаю священною обязанностью почтить всегда память храбрых товарищей, я предписываю завтрашнего числа в 12 часов дня собраться всему полку у того кладбища, где похоронены прежние полковые командиры и где будет в моем присутствии отслужена панихида по всем убитым, умершим от ран воинским чинам полка»⁹⁵.

В апреле 1856 г. Екатеринбургский полк выступил из Севастополя. За беспримерный героизм все батальоны части получили Георгиевские знамена с надписью: «За Севастополь в 1854 и 1855 годах» — с сохранением 3-му батальону еще и прежней надписи: «За отличие в 1814 году против французов». Кроме того, 20 мая 1857 г. в ознаменование заслуг части полковым шефом был назначен великий князь Алексей Александрович⁹⁶, что считалось в ту пору большим отличием и привилегией.

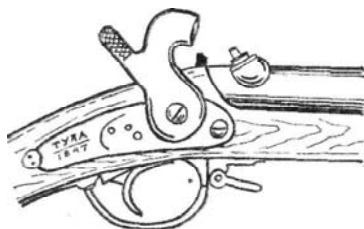
Теперь нам остается только затронуть вопрос об обмундировании екатеринбуржцев в период севастопольской эпопеи. Нижние чины были одеты в темно-зеленые однобортные мундиры на 9 пуговицах с красными отворотами фалд, обшлагами, клапанами и выпушкой по борту и талии. ' Воротник тоже красный, как и погоны с цифрой «10. » (номер дивизии). Брюки белые либо темно-зеленые с красной выпушкой. Екатеринбургцы носили каску из черной лакированной кожи с двумя козырьками спереди и сзади, медной оправой, трубкой наверху, гербом и подбородочной чешуей; для парадов

в трубку вставляли султан конского волоса. Однако чаще всего солдаты носили темно-зеленую фуражку без козырька с красным околышем и такой же выпушкой; у офицеров фуражка имела козырек и кокарду.

Офицеры носили такой же мундир, но на воротнике

Замок пехотного ружья образца 1845—1846 г.

**Пехотная офицерская полусабля
образца 1830 г.**

и клапанах обшлага — золотые петлицы. Эполеты тоже золотые с красным полем, на котором была вышита цифра «10.» и блестели звездочки по чинам; по поясу — шарф. Амуниция нижних чинов состояла из белой портупей и перевязи, надеваемых крест-накрест плотно к воротнику, спереди на перевязи могла быть небольшая сумочка для капсюлей. Шинели были серые на 6 пуговицах, у нижних чинов с такими же, как на мундире, погонами; погоны у офицеров — галунные с просветами и звездочками по чинам. Через правое плечо офицеры надевали портупею с полусаблей. Они могли носить также сюртуки с красным воротником и красными выпуш-ками⁹⁷.

Полковой историк В. И. Маринов приводит такой эпизод, относящийся к октябрю 1855 г., когда новый император Александр II посетил Крымскую армию: во время смотра 10-й пехотной дивизии император подошел к 1-му батальону екатеринбуржцев и, обратясь к гене-

**Рядовой пехотного полка
в обмундировании образца
1855 г.**

рал-лейтенанту Семякину, спросил: «Откуда эти прекрасные шинели?» — «Ваше величество, в Севастополе сберегли», — последовал ответ. «Как в Севастополе?» — удивленно промолвил Александр. «Там было жарко, мы дрались в рубашках»⁹⁸.

В разгар Крымской войны, с 15 марта 1856 г., когда екатеринбуржцы бились за Севастополь, началось коренное изменение формы одежды чинов военного и гражданского ведомств. «Ты знаешь, ведь у нас новые кивера теперь, да и вообще сколько перемен; все к лучшему», — по-детски наивно говорит в «Севастопольских рассказах» старшему брату молоденький офицер Козельцов 2-й, только что приехавший в Севастополь".

Разумеется, екатеринбуржцы сменили свою форму далеко не сразу, тем более что предписывалось вводить ее постепенно¹⁰⁰. Вероятно, только в 1856—1857 гг. Екатеринбургский полк надел вместо прежнего мундира темно-зеленый двубортный полукафтан на 6 пуговицах. Красный воротник стал закругленным, обшлага одноцвета с полукафтана, без клапанов. Выпушка по бортам полукафтана до низу пол, на вертикальных карманных клапанах и по верхнему краю обшлагов красная, подкладка темно-зеленая. Офицерам полагался еще и парадный полукафтан с одной золотой петлицей на воротнике. 22 октября 1857 г. обер-офицерам Екатеринбургского полка были присвоены две петлицы из золотого галуна¹⁰¹. По две петлицы были у всех офицеров и на обшлагах. Шарф утратил висячие концы, получив название кушака. Погоны и поле эполет остались прежними — красного цвета с желтой цифрой «10. ». Шаровары темно-зеленые с красной выпушкой, летом — белые. Примечателен новый кивер — кожаный, покрытый черным сукном, австрийского типа: несколько сужен кверху и скошен сзади. Впереди прежний герб желтой жести, вверху белый помпон (при парадах черный висячий султан)¹⁰². Все ремни амуниции стали черными. Офицеры получили плащ-пальто серого сукна с хлястиком, на 6 пуговицах, с отложным воротником и клапанами полкового цвета и пуговицей на них. Зимой можно было пристегивать черный смушковый воротник; на плечах были галунные погоны, которые носились и на вице-полукафтানে.

Чуть позже последовал еще ряд изменений: солдаты-

екатеринбуржцы получили новую шинель с отложным воротником, на котором были красные клапаны (1858), введены белые полотняные кители для офицеров (1860), появились шапки (кепи) из темно-зеленого сукна с красным околышем у нижних чинов и галунным у офицеров

**Рядовой и офицер Екатеринбургского
пехотного полка. 60-е гг. XIX в.**

(1862), установлен темно-зеленый воротник с нашивными красными клапанами, причем у офицеров петлицы стали нашиваться на клапаны (1862), введен новый

однобортный темно-зеленый мундир на 8 пуговицах (1872)¹⁰³.

С 1855 г. произошли изменения и в обмундировании 8-го Оренбургского линейного батальона, которые в своей основе были похожи на нововведения в пехотных частях. Правда, в конце 1858 г. было предписано начать вводить во всех частях Оренбургского отдельного корпуса папахи из овчинного меха с темно-зеленым суконным верхом с выпушками по цвету погон¹⁰⁴. Однако неизвестно, было ли это распространено на 8-й Оренбургский линейный батальон и как скоро это распоряжение было реализовано.

Смена мундира на полукафтан произошла и у чинов уездной и инвалидной команды. На их киверах осталась прежняя гренада об одном огне¹⁰⁵. На чехлах кивера — желтые начальные буквы команды. Полукафтан темно-зеленый, темно-зеленые погоны с красной выпушкой и желтым номером дивизии. Пуговицы оловянные, гладкие; шинель без клапанов на воротнике. Шаровары темно-зеленые без выпушки¹⁰⁶. Патронную суму с 1857—1858 гг. стали носить на поясной портупее с правой стороны. При введении клапанов линейные батальоны получили красные клапаны, а инвалидные команды — темно-зеленые¹⁰⁷. Полицмейстеры — темно-зеленые клапаны с оранжевой выпушкой, погоны тоже темно-зеленые с оранжевой выпушкой¹⁰⁸.

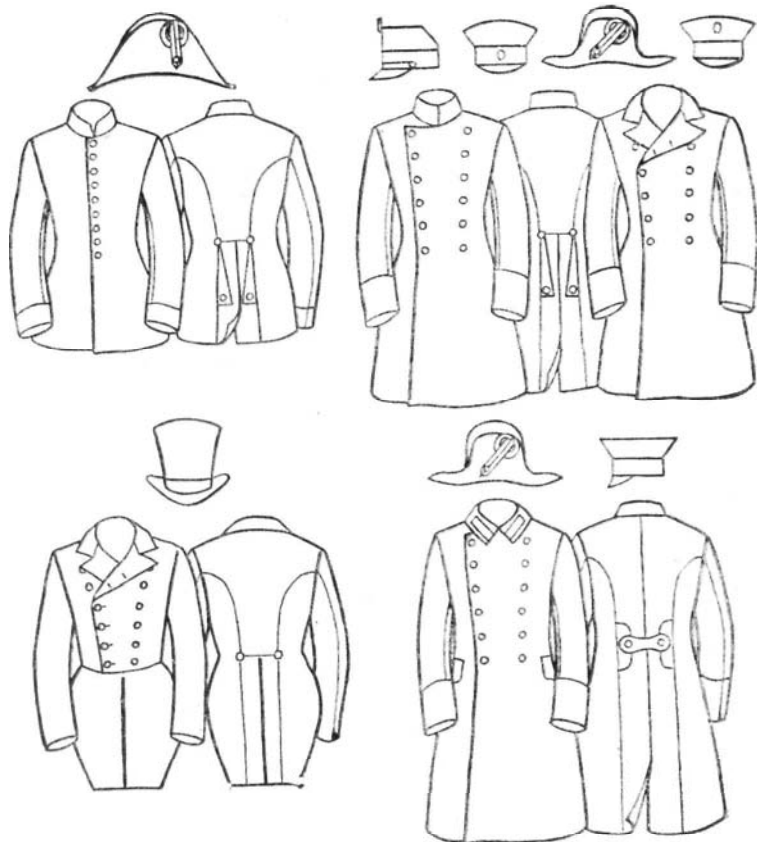
Оренбургские линейные батальоны, находившиеся на горных заводах Урала, с конца 1860 г. стали полностью подчиняться главному начальнику Уральских заводов¹⁰⁹. Это было пиком усиления власти горного начальства, которому с 1851 г. подчинялось все городское управление нашего города. Данные меры были направлены на то, чтобы притормозить быстро идущий процесс развала крепостнического хозяйства на Урале.

В начале царствования Александра II изменились и мундиры гражданских чиновников. Общий покрой гражданских кафтанов стал следующим: однобортный на 9 гербовых пуговицах, воротник стоячий, скошенный, обшлага разрезные, пуговицы — по две на обшлагах, на лифе, на карманных клапанах. Цвет сукна, пуговиц остался прежним. Вместо вицмундира был введен похожий мундирный фрак: двубортный, по цвету полукафтана, с отложным воротником, с разрезными на рука-

вах обшлагами и поперечными карманными клапанами на талии¹¹⁰.

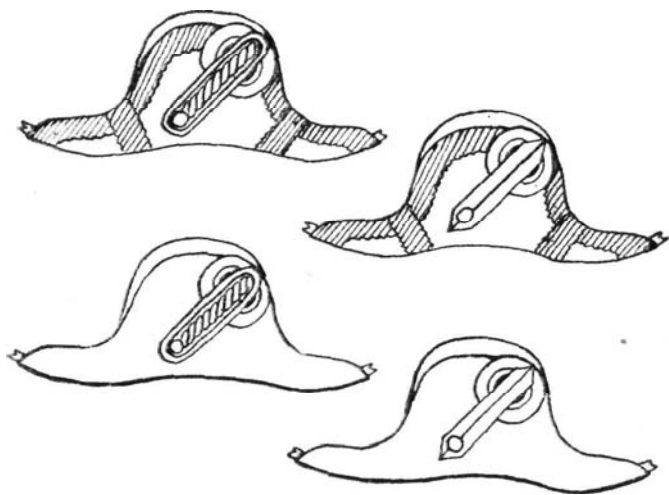
Были определены следующие виды одежды: парадная, праздничная, обыкновенная, будничная, дорожная.. Приведем варианты комбинаций одежды, определенные

**Виды форменной одежды
гражданских чиновников с 1855 г.**

в 1855—1856 гг. **Парадная.** Парадный шитый полукафтан; белый галстук; белый однобортный жилет; белые длинные брюки с широким галуном (для первых четырех разрядов), для чиновников 5—10 разрядов — брюки по цвету полукафтана; треугольная шляпа с отличиями

Шляпы гражданских чиновников (сверху вниз):
а) для первых двух классов; б) для 3 и 4 классов;
в) для 5 класса; г) для прочих классов

по разряду (шляпу носили «с поля»); белые перчатки; шпага. Могут носиться орденские ленты. **Праздничная.** Для 1—3 разрядов — вице-полукафтан, для остальных — полукафтан; все остальное, как при парадной форме. Обыкновенная. Для 1—3 разрядов — вице-полукафтан, для остальных — полукафтан; брюки цвета полукафтана без лампасов; галстук и жилет черные; треугольная шляпа; шпага. **Будничная** (для всех классов). Мундирный фрак или сюртук; того же сукна брюки; жилет и галстук черные; круглая шляпа при мундирном фраке и фуражка при сюртуке. Имеющие звезды и орденские знаки для ношения в петлице носят их только при мундирном фраке, при сюртуке — только орден св. Георгия.

Дорожная. Двубортный сюртук с отложным воротником; брюки сукна полукафтана; форменная фуражка с кокардой.

Канцелярские чиновники и служители из дворян носили однобортный сюртук по цвету полукафтана с отложным воротником, гербовыми пуговицами и разрезными обшлагами, продольными прямыми карманными клапанами (на обшлаге — две малые пуговицы, на карманных клапанах — по четыре большого размера). Брюки по цвету сюртука (летом белые), фуражка с околышем по цвету воротника и без кокарды.

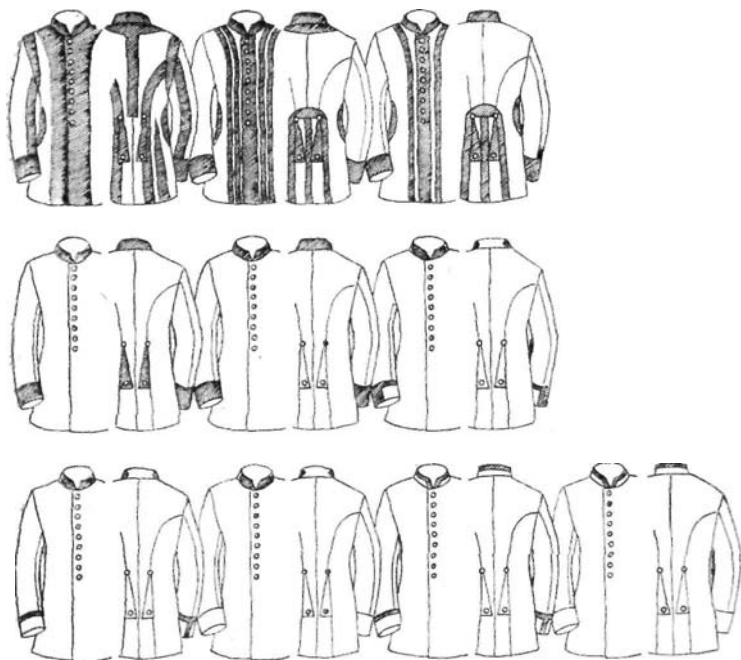
Верхняя одежда представляла из себя темно-зеленое двубортное пальто без разреза сзади. Воротник суконный отложной того же цвета. По борту шло 6 пуговиц, подбой черный, зимой мог быть заменен мехом, как и воротник пальто. Носили и темно-зеленые шинели с капюшоном и отложным воротником; зимой подбой и воротник могли быть меховыми¹¹¹.

В связи с появлением парадного полукафтана несколько изменилось и 10-разрядное деление по шитью, которое мы воспроизводим¹¹².

В марте 1855 г. и в январе 1857 г. была определена новая форма чиновников горного ведомства и офицеров корпуса горных инженеров. Все классные чины горного ведомства получили темно-зеленый однобортный полукафтан на 6 (?) пуговицах с изображением двух молотов. Воротник закругленный, черного бархата. Выпушка кругом воротника, по бортам и полам, на карманных клапанах и по верхнему краю обшлагов — светло-синяя. Подкладка черная. Шаровары темно-зеленые со светло-синей выпушкой. Чины штаб-офицерского звания до статского советника включительно имели по нижнему краю воротника штаб-офицерский галун, выше него — по одной галунной петлице, на обшлагах — такой же галун с двумя петлицами. Статские советники, кроме того, на воротнике и обшлагах имели плечевые канительные погоны. Обер-офицеры (до титулярного советника включительно) на воротнике и обшлагах имели по две петлицы серебряного галуна. На голове была прежняя черная шляпа без султана, на боку — шпага с серебряным темляком. При каждодневной службе носился вице-полукафтан без шитья или сюртук и фуражка без кокарды.

Офицеры корпуса горных инженеров стали носить темно-зеленый двубортный полукафтан на шести пуговицах с двумя молотами. Воротник закругленный, черного бархата, с двумя серебряными петлицами, обшлага без клапанов из черного бархата с двумя поперечными

Десятиразрядное деление чинов по шитью на мундирах, введенное в 1855 г.
Верхний ряд (слева направо): I, II, III разрядов;
средний ряд: IV, V, VI разрядов;
нижний ряд: VII, VIII, IX, X разрядов

петлицами, но без пуговиц. Всюду — светло-синяя выпушка. Подкладка черная. Вице-полукафтан был такой же, но без петлиц на воротнике и обшлагах. Шаровары — темно-зеленые со светло-синей выпушкой. По поясу шел шарф в виде кушака. Каска осталась прежней формы — черная кожаная с белым металлическим прибором. Раз-

личия по чинам, вероятно, остались прежние — с помощью серебряных эполет.

Генералы корпуса получили, темно-зеленый двубортный на 8 пуговицах (с орлом и двумя молотами под ним) парадный полукафтан. Его воротник и обшлага были черного бархата со светло-синей выпушкой и серебряным шитьем. На обшлагах — светло-синий суконный клапан и серебряное шитье. По бортам кафтана — светло-синяя выпушка. Подкладка черная. Каска прежней формы с султаном из черных петушиных перьев. Кроме того, генералы корпуса могли носить «инженерский полукафтан», отличавшийся от офицерского только эполетами, а также вице-полукафтан без петлиц. Шаровары темно-зеленые со светло-синей выпушкой, при парадном полукафтани — с серебряным галуном, имеющим посередине светло-синюю суконную полосу. Шарф в виде кушака.

У генеральских чинов горного ведомства, которые не входили в корпус горных инженеров, на парадном полукафтани было серебряное шитье в виде прямых петлиц, и узорчатого генеральского борта на воротнике и обшлагах. На воротнике и обшлагах вице-полукафтана — генеральский серебряный галун по образцу военного ведомства¹¹³.

В связи с тем, что форма горного ведомства стала походить на обмундирование чиновников телеграфного ведомства, в декабре 1858 г. было предписано последним вместо голубой носить желтую выпушку. Тогда же у телеграфного ведомства появился телеграфный знак: на пуговицах, каске и на фуражке. У кондукторов, кроме того, на погонах появилась желтая буква «К.»¹¹⁴.

Сменил мундиры на полукафтаны и корпус лесничих.. Их полукафтан был темно-зеленым двубортным с черным бархатным воротником и малиновым кантом, цвет металлического прибора — серебряный. Шаровары темно-зеленые (у генералов с серебряным галуном). Каска осталась прежней формы с буквами «К. Л.» под гербом.. Пуговицы с гренатами (у генералов с орлом). Обер-офицеры стали носить полусабли на черной портупее через плечо. Летом надевался полотняный китель. Шинель серого сукна с черным воротником и малиновой выпушкой по воротнику, погоны малиновые, обшитые-серебряным галуном, со звездочками для различия; при

шинели надевались длинные сапоги. Нижние чины, в отличие от офицеров, получили кивер австрийского типа¹¹⁵. Лесная стража с 1858 г. стала носить обмундирование по типу обмундирования ополчения — кафтан с шароварами из серого сукна, погоны малиновые, фуражка с козырьком. Вооружение состояло из нарезного ружья и саперного ножа¹¹⁶.

Казалось бы, совсем немного прошло времени с момента введения новой формы для городских полицейских, но в 1856 г. последовала новая реформа, которая касалась главным образом введения полукафтана на 6 пуговицах с закругленным воротником; расцветка осталась прежней. Унтер-офицеры получили галун на передней половинке рукава выше обшлагов острым углом вверх. На голове у полицейских была либо кожаная лакированная каска (у пожарных — медная) с медным прибором, изображающим губернский герб, либо рабочая фуражка прежней расцветки. Брандмейстер сверкал бронзовой каской с чешуей и армейским гербом, на щите которого под орлом был изображен герб Пермской губернии¹¹⁷.

Чуть позже, 4 июня 1857 г., был утвержден новый штат полицейской и пожарной команды в Екатеринбургe. Полицейская команда была определена в 56 человек (36 рядовых, 4 унтер-офицера, 16 казаков из мастеровых), пожарная команда — в 51 человека (брандмейстер, 4 унтер-брандмейстера, 46 рядовых) при 45 лошадях. Кроме того, было 2 трубочиста, 2 профоса и 3 сторожа из мастеровых. Но трубочистам, профосам и сторожам денег на обмундирование положено не было, и ходили они, вероятно, в простой гражданской одежде.¹¹⁸

С конца 1859 г. у екатеринбургских городовых и городских сторожей могли появиться медные бляхи на левой стороне груди, на которых красной краской был выведен особый для каждого номер. Причина появления таких блях заключалась в том, что «при жалобах, приносимых полицейскому начальству на городскую стражу», было «весьма трудно... отыскивать виновного по неясному указанию примет его»¹¹⁹.

С 1856 г. произошли изменения и в форме почтовых служащих — они получили однобортные кафтаны, шаровары, фуражки с почтовым гербом (с 1857 г. картузы),

кортики. Расцветка обмундирования прежняя. Почтальоны вместо галунных погон стали носить черные канительные жгутики с желтой узкой тесьмой в виде гомбочек (колец) для обозначения числа лет беспорочной службы. Почтовые караульные получили суконные погоны с высечкой букв «П. Д. » и тесак на широкой черной портуpee через плечо.

Станционные смотрители стали носить двубортные полукафтаны, на фуражке выше герба крепилась кокарда. Станционный смотритель из гражданских офицерского чина носил на воротнике и обшлагах галун, а из военных унтер-офицеров — галунный шеврон на рукаве, из фельдфебелей — два шеврона. Всем станционным смотрителям была положена портуpeя из золотого галуна, фуражка, с 1857 г. — картуз¹²⁰.

Широкая реформа обмундирования, которая проводилась с 1855 г., в конечном итоге отражала стремление отойти от мрачных лет царствования Николая I, «цивилизовать» жизнь в стране, в том числе и внешне, а в конечном итоге перейти от крепостнических порядков к вольнонаемному труду, капиталистическим предприятиям и буржуазно-либеральным политическим и административным реформам. Вместе с реализацией этих реформ в 1860—1870-х гг. Екатеринбург стал превращаться из центра военизированного края в крупный уездный город, в котором основное место заняли уже мундиры многочисленных гражданских чиновников.

ГЛАВА

5

ЧИНОВНИЧИЙ
ГОРОД

Вскоре после восшествия на престол Александра II в правительственных кругах был решительно поставлен вопрос об отмене крепостного права, а также других реформах, которые должны были эту отмену сопровождать. «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу», — заявил Александр II в марте 1856 г. Наконец 19 февраля 1861 г. состоялось утверждение Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. При всей непоследовательности и противоречивости данной реформы следует признать за ней главное: произошла революция сверху. Страна вступила в новую полосу своего развития.

Уральское горнозаводское население также было освобождено «от обязательных к заводам отношений». В 1863 г. горный город Екатеринбург был подчинен губернскому начальству, через два года были закрыты военные суды при Уральском горном правлении. В 1869—1873 гг. состоялась передача церквей, полиции, почтовых контор и станций в соответствующие ведомства. "Наконец в 1874 г. горное ведомство было передано в ведение министерства государственных имуществ¹.

Конечно, отмена крепостного права протекала на Среднем Урале непросто. Накануне обнародования манифеста 19 февраля в распоряжение Главного начальника Уральских горных заводов генерал-лейтенанта Фелькнера командир Отдельного оренбургского корпуса направил для поддержания порядка в Екатеринбургском горном округе две сотни казаков, одна из которых была расквартирована в самом Екатеринбурге². К сожалению, трудно определить точно: были ли это специальные конные команды 8-го Оренбургского линейного батальона или же линейные сотни Оренбургского казачьего войска. В первом случае обмундирование было в своей основе аналогично описанному выше обмундированию 8-го Оренбургского линейного батальона с добавлением ряда элементов для действия в конном строю. Во втором — казаки могли быть одеты в темно-зеленые полукафтаны с обшлагами мыском (то есть заостренные кверху) и в панталоны того же цвета. Прикладное сукно (верх папахи, выпушки, лампасы)—светло-синее. На голове низкая папаха с широким бараньим околышем с кокардой и суконным светло-синим верхом. У офицеров погоны, галунные петлицы на воротнике и обшла-

гах — серебряные. На воротниках казачьих шинелей были клапаны светло-синего сукна без выпушки. Вооружение состояло из пик, ружей и шашек, а у офицеров — из пистолетов и шашек³.

Отмена крепостного права прошла на Урале отнюдь не спокойно. В 1861—1863 гг. имело место около 100 выступлений крестьян и горнозаводского населения: большая часть выступлений подавлялась силой. Между тем события 1861 г. сразу отразились на жизни частей и подразделений, подведомственных главному горному начальству. Весьма показателен документ, направленный генерал-лейтенантом Фелькнером командиру 8-го Оренбургского батальона в январе 1862 г.: «Разными инструкциями высшего начальства и законоположениями об обращении командиров с воинскими нижними чинами везде предписывается, согласно современным понятиям... человеческое обращение с ними». Однако «до сведения моего доходит, что между ротными командирами введенных мне батальонов некоторые бьют собственноручно подчиненных им солдат или жестоко через меру наказывают их розгами, забывая, что закон повелевает... смотреть на подчиненных как на детей своего семейства». Фелькнер рекомендовал телесные наказания «употреблять с большею осмотрительностью и умеренностью» и обращаться с «нижними чинами кротко и человечно»⁴. Обращает на себя внимание и то, что с начала 60-х гг. в документах 8-го батальона довольно часто встречаются «претензии» нижних чинов к своему начальству по поводу «неотдачи» им денег за переноску обмундирования. В былые времена такое было просто невозможно.

В мае 1863 г. 7-й и 9-й Оренбургские батальоны, находившиеся, наряду с 8-м, на заводах Уральского хребта, были упразднены: необходимости в них, в связи с освобождением горнозаводского населения, уже не было. Однако 8-й батальон пока остался, причем в прежнем штатном составе⁵. Наконец 14 марта 1865 г. последовало новое распоряжение — 8-й Оренбургский линейный батальон был преобразован в Уральский горнозаводской с подчинением его по части военного управления войскам Казанского военного округа⁶. Штат был определен следующий: командир батальона (подполковник или майор), капитан, штабс-капитанов — 2, поручиков —

2, подпоручиков — 3, прапорщиков — 2; строевых нижних чинов — 670; нестроевых — 18; кроме того, офицерам полагались денщики⁷. В июне того же года Уральский горнозаводской батальон получил новые погоны — с заменой номера начальной литерой «У. »⁸. Но вскоре — 26 июня 1869 г. — Уральский горнозаводской батальон был совсем упразднен⁹.

Однако было бы неверным считать, что число военных в Екатеринбурге резко сократилось. Еще в марте 1865 г. было предписано перевести Екатеринбургскую уездную команду в усиленный состав: 6 офицеров, 30 унтер-офицеров, 400 рядовых, 4 барабанщика и несколько нестроевых¹⁰. А в мае того же года была определена новая форма уездных команд: темно-зеленый двубортный мундир с оловянными пуговицами. Погоны темно-зеленые с красной выпушкой, на погонах желтая цифра «42. » (номер губернского батальона). Унтер-офицеры по верху воротника и обшлагов имели серебряный галун, а музыканты — наплечники по цвету погон с нашивками из белой тесьмы. Как и прежде (с 1843 г.), нашивки на погонах указывали на унтер-офицерское звание или должность. Нашивки и шевроны на рукавах давались за беспорочную службу, за отказ от отставки и т. д. На голове чинов уездной команды была черная шапка типа кепи с темно-зеленым околышем и красной выпушкой; подбородочный ремень черный, петля под кокарду светло-синяя, у унтер-офицеров трехцветная (бело-черно-оранжевая); герб и султан не полагались. Шаровары были темно-зеленые с красным кантом. Шинель — пехотного образца, как и амуниция (ранцы не полагались), которая состояла главным образом из тридцатипятипатронной суммы на поясе. Офицеры отличались серебряным металлическим прибором; на воротнике мундира — светло-синий клапан с одной серебряной петлицей; выпушка по воротнику, борту, по верху обшлага и на карманных клапанах — красная. На прямых обшлагах по две петлицы. Плечевые погоны темно-зеленые с красной выпушкой и нашивным серебряным галуном по чинам, с вышитой серебром цифрой «42. » и золотыми звездочками. При парадной форме надевались серебряные эполеты с зеленым полем и красным подбоем, номер и звездочки — как на погонах. Шаровары темно-зеленые с красным кантом. Был также поло-

жен сюртук без петлиц, драгунская сабля с портупеей через плечо, плащ пехотного образца, шинель, белый летний китель, летние шаровары, шарф, башлык и перчатки¹¹.

Помимо уездной команды в Екатеринбурге располагался 61-й пехотный резервный батальон¹². Форма резервного батальона была похожа на униформу армейских пехотных частей, только на эполетах и погонах стоял номер батальона, позже появилась буква «Р. »; металлический прибор был желтый; темно-зеленые воротники без клапанов, клапанов не было и на шинелях (с 1874 г. — клапаны зеленые); погоны темно-зеленые с красной выпушкой. С 1878 г. погоны стали белыми с подложенным под них зеленым сукном, а околыши шапок и клапаны на воротниках даны соответственно номеру, который батальон по реформировании его в полк мог получить в дивизии. Те же резервные батальоны, которые формировались не для определенной дивизии, на погонах с 1880 г. имели начальную букву округа и свой номер¹³.

Наряду с военными действительной службы в городе продолжало оседать огромное количество отставных — от рядовых до полковников и даже генералов. Наиболее известны бывшие ротмистры лейб-гвардии гусарского полка П. Д. Соломирский и участник войны 1877—1879 гг. Е. П. Зеленков. Не исключено, что они нередко надевали гусарскую форму или, по крайней мере, «военизировали» свой гражданский костюм. А вот о князе Гагарине, жившем после отставки в Екатеринбурге, сохранились более достоверные сведения: доподлинно известно, что в праздничные дни он появлялся верхом в лейб-гусарском мундире. Мундир офицеров лейб-гвардии Гусарского полка известен хорошо: красный доломан с пятью золотыми шнурами и такими же галунами; белый (с 1855 г.) ментик, обшитый бобровым мехом; такой же мех (с 1873 г., ранее медвежий) на шапке, украшенной красным с золотыми галунами шлыком, белым султаном и гвардейской звездой; синие рейтузы с золотыми «узлами», с левого бока — красная ташка, украшенная вензелем императора и другим золотым шитьем; сапоги с фигурными бортами украшены «кокардой». Однако чаще вместо меховой шапки носилась красная фуражка, а вместо ментика и доломана — темно-

синяя венгерка с пятью рядами золотых шнуров, обшитая (либо не обшитая) черной мерлушкой. Элементы различия званий у гусар были достаточно многочисленными — воротники, шитье на рукавах, плечевые шнуры (введены в 1843—1844 гг.) и гомбочки на них...¹⁴

Обер-офицер и казак Оренбургского казачьего войска.

Вторая половина 50-х — 60-е гг. XIX в.

Обер-офицер уездной команды.

Середина 60-х гг. XIX в.

Любопытна одежда отставного полковника Василия Александровича Сперанского, изображение которого запечатлел в 1894 г. замечательный екатеринбургский фотограф В. Л. Метенков. На плечах форменного кителя у Сперанского нашиты широкие поперечные плече-

**Обер-офицер и рядовой резервного батальона.
Вторая половина 60 — 70-х гг. XIX в.**

**Обер-кондуктор Пермь-Тюменской железной дороги
(с 1878 г.)**

вые знаки из цветного сукна, на которых сукном другого цвета (либо галуном) обозначены два просвета, говорящие о полковничьем звании Василия Александровича.

Немало в городе было и полицейских. В 1863 г. они получили новую форму: темно-зеленый двубортный мундир на 6 гладких пуговицах (цвет пуговиц и другого металлического прибора в городской полиции — белый, в уездной — желтый) с темно-зеленым закругленным воротником и темно-зелеными прямыми обшлагами. По верху воротника, бортам, по карманным клапанам и обшлагам шла оранжевая выпушка. Уездный исправник и полицмейстер получили на мундир плечевой скурок гусарского образца; по нижнему краю воротника и его передним концам, а также на обшлагах нашивался широкий штаб-офицерский галун. На воротник была также нашита галунная петлица, а на обшлагах — две поперечные петлицы без пуговиц. Помощники исправника и полицмейстера носили такой же мундир, но без плечевого шнура. У приставов, их помощников, полицейских надзирателей, уездных исправников и т. д. от описанного выше мундира «отнимались» детали по мере уменьшения должности. Шаровары у всех были темно-зеленые с оранжевой выпушкой; пехотная шпага с темляком под мундиром. Шапка по типу кепи темно-зеленого сукна с таким же околышем и оранжевым кантом. У некоторых чинов околыш обшивался галуном или шнуром. На околыше крепилась металлическая бляха с гербом губернии, под ней — кокарда.

Нижние полицейские служители приобрели темно-серый двубортный на 6 пуговицах мундир с отложным округлым воротником (на воротнике две темно-зеленые петлицы с оранжевой выпушкой и пуговицей). Погоны темно-зеленые с оранжевой выпушкой и отличиями по чинам. Обшлага также с оранжевой выпушкой, у "унтер-офицеров еще и с белым галуном. Если полицейский служил ранее в лейб-гвардии, то на воротнике и обшлагах имел белые петлицы. Шаровары у всех темно-серые с оранжевой выпушкой, как и шапка типа кепи (петля у унтер-офицеров трехцветная, у рядовых — оранжевая). На шапку крепилась кокарда, а при парадной форме — губернский герб из белой жести. На черной поясной портупее носился тесак, на шее на черном шнурке болтался свисток. Нижние полицейские чины имели на гру-

ди медный знак с номером, сотские — белый металлический знак с государственным гербом и надписью «сотский», десятские — медный знак с соответствующей надписью, но без герба. Всем полицейским «присваивались» усы¹⁵.

Через год были сделаны незначительные добавления к форме полиции — плащ серого сукна с темно-зелеными клапанами и оранжевой выпушкой по верху воротника и шапка штаб- и обер-офицеров¹⁶. Однако спустя несколько лет — в марте 1867 г. — вновь произошла «революция» в полицейском мундире: у нижних чинов он стал темно-зеленым, на плечах появились двойные шнуры из оранжевой шерсти с гомбочками (две у унтер-офицеров, по одной у рядовых). Шаровары стали серо-синего цвета, на черной портупее через плечо стала носиться сабля драгунского образца с черным кавалерийским темляком. У полицейских чиновников также появились на плечах золотые или серебряные шнуры с примесью белого, оранжевого и черного шелка, перевитые в виде жгута; шаровары стали серо-синими с оранжевой выпушкой. С помощью петлиц на воротнике и обшлагах и деталей наплечных шнуров можно было определить должность полицейского чиновника¹⁷. В 1872 г. полицейские чиновники надели однобортные мундиры, но нижние чины остались в прежних, двубортных¹⁸. С конца 1873 г. полицейские получили новую шапку из черного сукна с войлочной тульей и лакированным дном — она была похожа на шапку прежней формы, но заметно ниже. У городских, вместо носившихся ранее на груди блях, на шапке ниже герба стал прорезаться «номер»¹⁹.

В 1878 г. в подчинении станового пристава, который ведал станом, то есть частью уезда, была введена должность полицейского урядника. В инструкции урядникам было определено следить, чтобы «не происходило никакого шума, бесчинств и неприличия», «чтобы не распространялись вообще среди народа на фабриках, заводах, в питейных заведениях и т. д. злонамеренные суждения и слухи», а также «чтобы продажа в питейных заведениях начиналась не ранее 7 часов утра...»²⁰. Отличием урядников были черные погоны с оранжевой выпушкой и золотым галуном посередине. Любопытно, что для урядников из «привилегированных сословий» устанавливалась на погоне особая опушка из бело-желтой шерсти²¹.

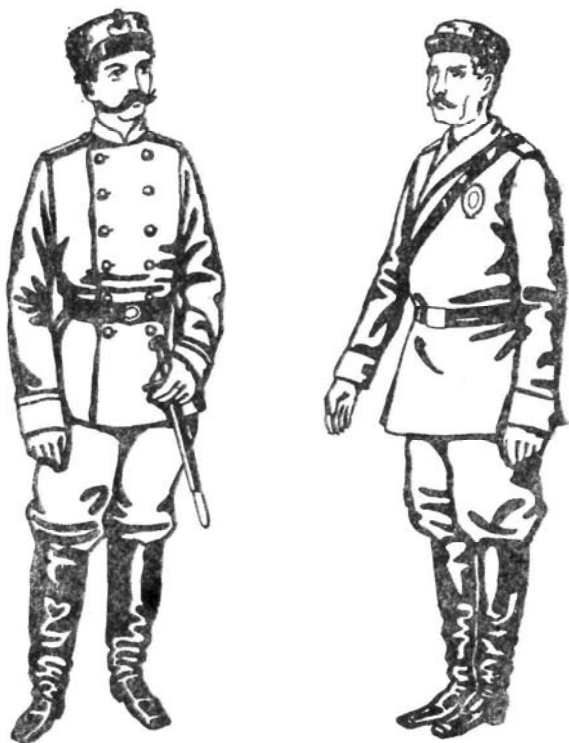
После реформы 1861 г. подлинными хозяевами города Екатеринбурга постепенно становятся гражданские чиновники. Причем чиновники горного ведомства начинают утрачивать свое главенствующее место. В 1867 г. почти все горные инженеры были переименованы в гражданские чины, за исключением тех, кто этого не пожелал. Таких нашлось немного — сохранив военное звание, горный инженер уже не мог получить следующий чин. Произошло существенное изменение и в обмундировании. Те горные чиновники, которые и ранее были собственно гражданскими чиновниками, получили мундир министерства финансов²². Горные же инженеры надели двубортный темно-зеленый мундир на 8 пуговицах. Скошенный воротник и прямые обшлага из черного бархата; все со светло-синей выпушкой. Шитье на мундире стало иным: золотое из дубовых и лавровых ветвей с бортом. Шитье имело только четыре разряда: 1-й — для I—IV классов и имеющих чины не ниже действительного статского советника: полное шитье по воротнику, обшлагам и карманным клапанам; 2-й — для V класса и имеющих чин статского советника: шитье по воротнику и обшлагам; 3-й — в должности или чинах VI—VIII классов: шитье с бортом только на воротнике, а на обшлагах золотой бордюр без шитья; 4-й — ниже VIII класса: шитье с бортом только на воротнике мундира. Внутри каждого разряда чины различались по погонам, установленным для чиновников военного ведомства (продольные, узкие, серебряного галуна с желтыми звездочками, располагавшимися продольно, со светло-синими просветами); погоны были подложены светло-синим сукном. В 1869 г. погоны упразднили, а знаки различия чинов перешли на воротники в виде галуна с просветами и звездочками. В 1876 г. погоны, под названием плечевых продольных знаков, были введены вновь в виде золотых плетеных плоских жгутов с черными просветами и светло-синими выпушками, а затем снова отменены²³. Различия были также в головных уборах, шитье на вицмундире, подкладке плаща, типе шаровар и т. д.

Горные инженеры, как правило, заканчивали Институт корпуса горных инженеров и с 1866 г. стали получать специальный знак в виде государственного герба в венке, с перекрещенными молотом и киркой под орлом.

Первоначально знак полагался серебряным, а с 1867 г. — золотым; носился обычно на правой стороне груди, хотя на фотографиях встречается и на левой стороне²⁴.

В том же, 1867 г., новую форму получили инженеры путей сообщения, переименованные в гражданские чины,

**Классный чин корпуса лесничих (с 1876 г.)
и лесник (с 1876 г.)**

и корпус лесничих, также получивших гражданское устройство²⁵. Постоянно происходила смена элементов обмундирования и в других министерствах и ведомствах.. К сожалению, совершенно не представляется возможным хотя бы бегло рассмотреть все происходившие из-

менения. Выберем иной путь для знакомства с чиновничьим Екатеринбургом: совершим небольшую экскурсию по нашему городу, скажем, начала 90-х гг. XIX в.

Итак, представим, что наш поезд прибывает на вокзал города Екатеринбурга. Из окна вагона мы видим здание, украшенное в русском стиле, возле которого на перроне довольно много народа. Наконец поезд остановился, и мы выходим из вагона, возле дверей которого стоит кондуктор в черном кафтане русского покроя с запахом на левый борт. По небольшому стоячему воротнику с полукруглыми концами, по борту кафтана и прямому обшлагоу идет малиновый кант. На голове у кондуктора круглая шапка с бараньим околышем, черным верхом и белым знаком в виде короны, двух гербов Пермской и Тюменской губерний с надписью: «Пермь-Тюменская железная дорога». К нему быстро приближается пожилой человек, седые усы придают ему довольно суровый вид. Это обер-кондуктор. По борту его кафтана, воротника и обшлагам идет серебряный галун, на правом плече — бело-малиновый жгут, на пояском ремне — серебряная пряжка с буквами «ПТЖД», на левой стороне груди блестит посеребренный знак железной дороги, а у борта свисает крупная цепочка со свистком.

Невольно мы обращаем взгляд налево, где поспыхивает парами довольно чистый, хотя и с налетом сажи, паровоз. Возле него стоят два человека. На одном из них черный кафтан и такая же фуражка без кантов, на тулье которой поблескивает белый жестяной значок в виде поезда, а по околышу нашит широкий серебряный галун — это старший машинист. У второго — фуражка более скромная, на черном околыше видны два узких галуна, которые говорят о том, что это машинист.

Среди множества людей на перроне сразу выделяется начальник станции своей фуражкой с красно-оранжевым верхом и серебряными галунами по черному околышу. На воротнике его черного мундира блестят серебряные петлицы, а по обшлагам идет малиновый кант. Посередине плеча прикреплены поперечные знаки в виде серебряных и малиновых гарусных жгутов, нашитых на малиновый суконный погончик. На фуражке — посеребренный герб, как у кондукторов²⁶.

Затем мы попадаем на привокзальную площадь, берем извозчика и едем по Верхотурской улице (ныне

улица Свердлова). Через несколько минут выезжаем на Вознесенский проспект (улицу Либкнехта), медленно взбираемся на Вознесенскую горку с великолепным дворцом Харитонова и Вознесенским собором, спускаемся к зданию общественного собрания — и вновь начинаем встречать многочисленных чиновников и служителей в форменной одежде. Особенно часто попадаются чиновники и служащие почтово-телеграфного ведомства: недалеко здание телеграфной конторы. На них черные двубортные сюртуки с черными бархатными воротниками и желтыми выпушками по воротнику и обшлагам. Пуговицы белые с изображением телеграфного знака — два пучка стрел либо два рожка (чины выше статского советника имели на пуговицах еще и изображение государственного герба). Фуражки темно-зеленые с черными бархатными околышами и желтыми выпушками, на тулье кокарда. В прорехе сюртука у чиновников видна шпага. Чины различаются по петлицам на воротнике — до 1869 г., а затем в 1876—1885 гг. — по продольным плечевым знакам. Чины высших пяти классов (до статского советника включительно) имели галунные петлицы без просветов, а звездочки диаметром около 15 мм с блестками. Действительный тайный советник — без звездочек, тайный советник — три звездочки, действительный статский советник — две звездочки, статский советник — одна. Кроме петлиц гражданские генералы могли носить продольные погоны. Чиновники с VI по IX класс имели на петлицах два просвета, звездочки того же размера, но без блесков; для коллежского советника — без звездочек, для надворного советника — с тремя звездочками, для коллежского асессора — с двумя звездочками. Чиновники с IX по XIV разряд на петлицах имели один просвет и звездочки диаметром 11, 2 мм: титулярный советник — без звездочек, коллежский секретарь — три звездочки, губернский секретарь — две, коллежский регистратор — одна звездочка. Наряду со звездочками в петлице у каждого крепился знак ведомства — орел в венке и с арматурой ведомства.

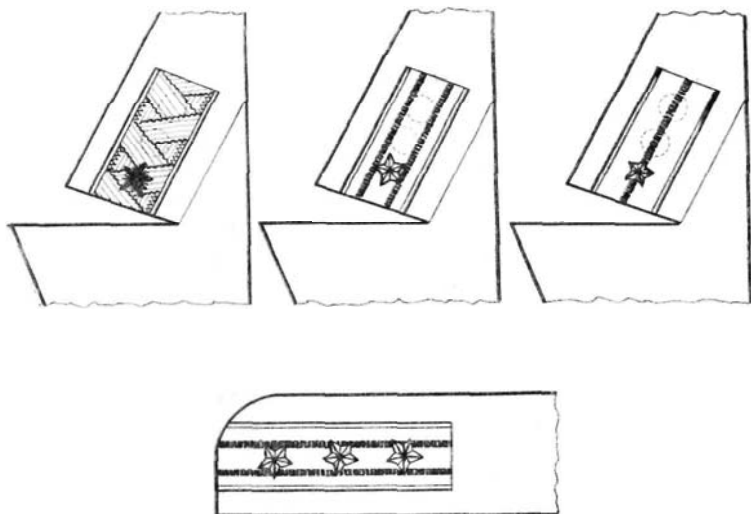
С 1894 г. у почтово-телеграфного ведомства знаки различия были перенесены на специальные поперечные плечевые знаки (120X70 мм), а система просветов и звездочек осталась прежней. Кроме того, с 1869 г. существовали поперечные плечевые знаки для обозначения

должности (три звезды — обер-телеграфист, две — старший телеграфист, одна звезда — младший телеграфист; три пучка стрел — старший механик и т. д.).

На парадных темно-зеленых мундирах почтово-телеграфных чиновников оставалась прежняя система обо-

Галунные клапаны на воротниках гражданских чиновников: а) состоящих в чинах первых пяти классов; б) состоящих в штаб-офицерских чинах; в) состоящих в обер-офицерских чинах; г) галунный клапан на воротнике кителя офицерского образца

значения классов — по шитью (шитье серебряное в виде дубовых листьев с пучком молний или двух рожков). В жаркую погоду можно было надевать белые холщовые сюртуки и такие же чехлы на фуражки.

А как одеты почтальоны, разносящие из конторы свежую почту в больших кожаных сумках, перекинутых через левое плечо? На них темно-зеленые однобортные мундиры с черным воротником, по верху и низу которого идет желтая выпушка. Такая же выпушка видна на темно-синей фуражке с черным околышем. На тулье фуражки — почтовый знак в виде двух рожков и пучка

стрел, а на околыше — белая металлическая лента с номером. Пуговицы на мундире также белые (оловянные с изображением почтово-телеграфного знака), на плечах черные жгуты, закрепленные пуговицей, на ногах высокие сапоги и темно-зеленые штаны. Летом разрешалось ходить в рубахах и штанах из небеленого холста²⁷.

Извозчик везет нас дальше, и вскоре мы видим Главный проспект (ныне проспект Ленина). Сворачивая на него, слева оставляем небольшой сквер, в котором мелькают коричневые платья воспитанниц 1-й женской гимназии (платья 2-й Екатеринбургской женской гимназии, по данным краеведа В. К. Некрасова, были синими). Хотя отделка платьев могла быть произвольной, но фасон и цвет были обязательными. Причем существовало даже деление формы гимназисток на обыкновенную, праздничную и парадную (бальную). Обыкновенная состояла из повседневного платья, черного фартука, черных башмаков или тупоносых туфель и черных чулок. При праздничной (воскресной) надевались белые фартук и пелерина. При парадной — вместо пелерины нечто вроде косынки крест-накрест (обычно с 5-го класса). В старших классах разрешалось носить произвольные туфли, а на балах обязательно «лодочки». Волосы гимназистки могли носить перехваченными лентой, которая завязывалась бантом, или заплетенными в косу²⁸.

Проехав мимо гимназии, извозчик везет нас дальше по Главному проспекту — мы приближаемся к Екатерининской площади с ее огромным собором. Здесь наряду с черными одеждами священнослужителей, мы можем увидеть темно-зеленый однобортный мундир с черными воротником и обшлагами и белыми пуговицами духовного ведомства. Если по воротнику идет широкий серебряный галун X класса, то, вероятно, это староста собора, форма которого была установлена еще в 1869 г.²⁹

Проезжая по улицам Екатеринбурга, мы уже несколько раз видели мундиры полицейских. Особенно часто они стали попадаться возле Екатерининской площади — недалеко расположено уездное полицейское управление, а городское находится на другой стороне площади — по Уктусской улице (ныне улица 8 Марта). Форма полиции была определена в 1884 г. Полицмейстер

носил темно-зеленый кафтан русского покроя с отрезной юбкой и стоячим, с закругленными углами воротником. Обшлага и воротник окаймлены оранжевым кантом, на воротнике две петлицы серебряного галуна. Плечевые знаки также серебряного галуна с оранжевыми просветами и серебряными звездочками по чинам; звездочки нашивались по длине погона. Шаровары серо-синие с оранжевой выпушкой, заправлены в черные сапоги до колен. Черный с оранжевым кантом кушак, через правое плечо перекинута серебряная портупья с шашкой, на поясе справа крепилась черная кобура для револьвера, от которого на шею шел трехцветный шнур. Шапка шилась из черной мерлушки с темно-зеленым суконным верхом; на околыше посеребренная бляха с гербом губернии и офицерская кокарда. На руках белые замшевые перчатки. Полагался также серый плащ с петлицами на воротнике и плечевыми знаками, офицерская серая шинель и серый капюшон.

Такую же форму носил уездный исправник (начальник уездного полицейского управления), но вместо серебряного прибора — золотой. Помощник полицмейстера и помощник исправника одевались так же, но на воротнике нашивалось только по одной петлице, у полицейского пристава (в уезде — станового пристава) петлиц на обшлагах кафтана не было. У помощника пристава и у полицейского надзирателя петлиц не было ни на воротнике, ни на обшлагах.

Аналогичная униформа была и у околоточных надзирателей (в уезде — урядников, с заменой серебряного прибора золотым), но с отрезной юбкой только с боков, а воротник и обшлага обшивались узким серебряным галуном. Погоны были из темно-зеленого сукна с оранжевым кантом и продольной нашивкой из серебряного галуна. Шашка носилась на черной портупье, а револьвер на оранжевом шнуре с трехцветной гайкой. С 1888 г. у полицейских урядников вместо золотого галуна на воротнике появилась оранжевая басонная тесьма, галун на обшлагах был отменен, а вместо погон присвоены плечевые жгуты из оранжевого шнура с тремя позолоченными гомбочками.

Городовые отличались от остальных полицейских чинов металлической лентой с номером, которая крепилась под гербом губернии, оранжевой басонной тесьмой

по воротнику, плечевым жгутом оранжевого шнура с посеребренными гомбочками (городовой, получающий высший оклад — 3 гомбочки, средний оклад — 2, низший — 1), а также шароварами без выпушки. На воротнике кафтана городских из бывших чинов гвардии нашивалось по одной петлице гвардейского образца, а из гренадерских частей — из белого басона.

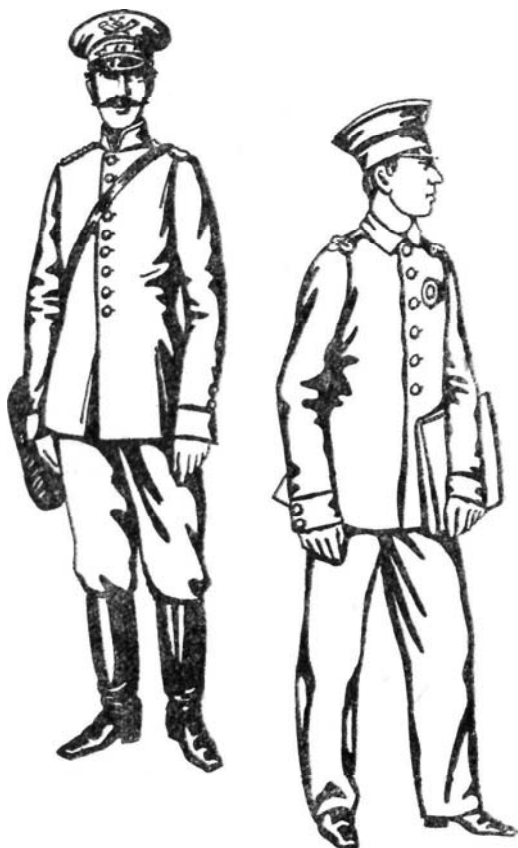
В 1892 г. всем полицейским, бывшим ранее унтер-офицерами и ефрейторами, присвоены поперечные погоны под нижним концом плечевого жгута. Эти погоны имели отличия в виде нашивок в соответствии с теми званиями, которые полицейские носили, будучи на военной службе. Наконец, все полицейские с 1879—1880 гг. летом могли надевать белые кители и чехлы на фуражки³⁰.

Проезжая по Екатерининской площади, мы не могли не обратить внимания на красивое, несколько вычурной архитектуры здание окружного суда, а вместе с тем и на многочисленных судебных чиновников и служащих. Чиновники министерства юстиции носили в будний день двубортный сюртук с золочеными пуговицами сенатского чекана (описано ранее). На темно-зеленом бархатном воротнике с зеленой выпушкой были нашиты клапаны из золотого галуна с зеленой выпушкой и темно-зелеными просветами. С помощью просветов и серебряных звездочек различался чин владельца мундира. Кроме звездочек на клапанах крепился знак с арматурой ведомства (сенатский знак в виде колонны в венке; на колонне надпись: «Законь»). С 1895 г. знаки различия чинов перешли на плечевые знаки той же расцветки (сенатский знак остался на воротнике); вместо сюртука появилось укороченное пальто (тужурка) черного цвета (в других ведомствах темно-синего), а парадный мундир с золотым шитьем был оставлен только чиновникам VI и более высокого разрядов. Председатель окружного суда имел мундир IV разряда, член окружного суда и мировой судья — V разряда, судебный следователь — VI. С 1898 г. чины I—VI класса получили вместо поперечных продольные плечевые знаки; были введены нарукавные галуны по должностям, которые нашивались выше обшлага (председатель окружного суда — 5 рядов гладких галунов, его товарищ и прокуроры окружного суда — 4 ряда и т. д.). Головным убором была шапка с мехо-

вой опушкой, кокардой и знаком ведомства, а также фуражка с темно-зеленым бархатным околышем и светло-зелеными выпушками; на тулье — знак, на околыше — кокарда. Летом при «сильных жарах» судебные чиновники были в белом кителе и фуражке с белым чехлом.

Почтальон (с 1885 г.)

Судебный рассыльный (с 1876 г.)

Стоит упомянуть форму судебного рассыльного: однобортный китель с плечевым жгутом и специальной бляхой на левой стороне груди, а также особые металлические знаки, которые судебный пристав носил на шее (с сенатским знаком в середине); знаки мирового судьи (с государственным гербом в середине) и присяжного поверенного (в виде сенатской колонны в обрамлении венка из дубовых и лавровых ветвей — чаще всего носился на левом лацкане)³¹.

Право, от огромного многообразия всевозможных мундиров у нас уже начинает рябить в глазах! Между тем извозчик перевозит нас через плотину городского пруда. Здесь нам предстоит встретиться с учащимися горного училища и горными инженерами. Форма учеников горного училища была определена только в 1891 г.: темно-серого сукна блуза в виде косоворотки (летом из небеленого полотна) с двумя нагрудными карманами и тремя малыми пуговицами на воротнике и карманах; носилась с черным кожаным поясом с медной бляхой, на которой был прорезан горный знак (кирка и молот). Брюки того же материала, что и блуза, сапоги черные. Фуражка с черным суконным околышем и малиновой (? — *Авт.*) тульей с тремя синими выпушками, на тулье — позолоченный горный знак; летом, когда на тулью надевался белый чехол, горный знак помещался на околыше. Был также положен темно-серый однобортный плащ с черными суконными клапанами с синими выпушками, а также башлык верблюжьего сукна³².

Вероятно, после 1903 г. форма горного училища изменилась и была приведена в соответствие с формой других технических училищ и горного института. Появилась тужурка черного сукна, двубортная, на 12 металлических желтых пуговицах с изображением кирки и молота и отложным воротником с черными петлицами, на которые была пришита пуговица и прикреплен горный знак. По воротнику, обшлагам рукавов и петлиц шел светло-синий кант. При тужурке носился черный галстук. Появилось пальто черного сукна. Фуражка также черная со светло-синим кантом на тулье и околыше (околыш, возможно, бархатный). На околыше — горный знак. На плечи тужурки нашивались поперечные четырехугольные знаки черного бархата с синими выпушками и главными буквами училища — «ЕГУ» — в круге³³. Та-

кая же аббревиатура появилась на пряжке поясного ремня.

Что касается формы горных инженеров, то она была описана нами ранее и в начале 90-х гг. по своему типу соответствовала обмундированию чиновников других

**Арматурный знак горного
ведомства**

ведомств. В 1884 г. вместо треугольной шляпы при парадной форме введена шапка черного сукна с черным барашковым околышем и с отложным козырьком, подбитым кожей (чаще всего его не отгибали). По верху околыша крепился государственный герб с киркой и молотом и кокарда (наполовину закрыта гербом). По верхнему кругу шапки шла светло-синяя выпушка³⁴.

В 1900 г., в связи с юбилеем горного ведомства, в нагрудный знак горных инженеров были включены вензели Петра I и Николая II, а боковые части венка переплетены синей лентой с датами «1700» и «1900». Эти знаки могли носить горные инженеры, находившиеся на службе до 24 августа 1900 г., все остальные чины получали специальный юбилейный жетон³⁵.

Напротив зданий горного училища и горного правления находилась мужская гимназия (ныне здание средней школы № 9), и мы, проезжая по Главному проспекту, не могли не обратить внимания на гимназистов в темно-синих однобортных мундирчиках. По борту мундиров шли 9 гладких посеребренных выпуклых пуговиц. Такие же пуговицы были сзади на концах карманных клапанов и по две малых пуговицы — на обшлагах у разреза сзади. По скошенному стоячему воротнику шел узкий серебряный галун. Шаровары были также темно-

синего сукна, пальто серое двубортное с темно-синими петлицами (на петлицах — белые выпушки и пуговицы). Гимназисты носили темно-синие фуражки с белыми выпушками и жестяным посеребренным знаком в виде двух лавровых листьев и прописных заглавных букв

Мундир, шинель и головные уборы гимназистов
(сверху вниз): а) до 1882 г.;
б) 1882—1899 гг.; в) 1900—1906 гг.; г) 1907—1914 гг.;
д) 1913—1917 гг.

**Полукафтан реалистов и тужурка учеников
технических училищ**

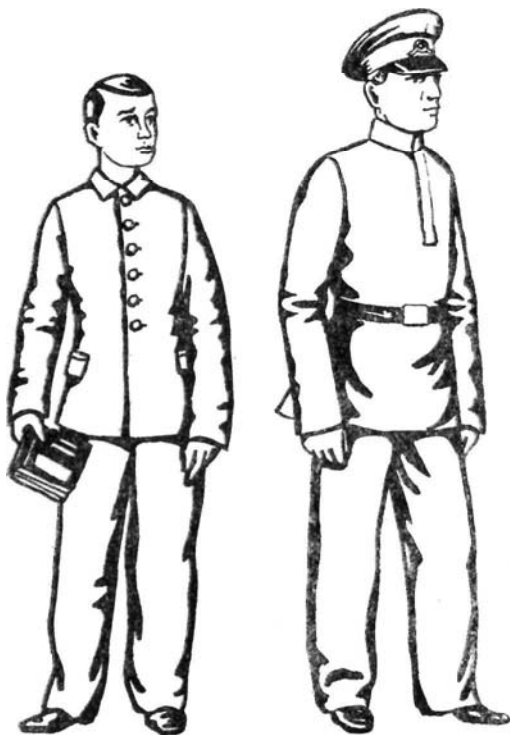

города Екатеринбурга и гимназии с ее номером («Е1Г.» — Екатеринбургская 1-я гимназия).

Похожую одежду носили ученики прогимназий, но, конечно, буквы на жестяном знаке были другие. Однако **чаще** всего ученики гимназий и прогимназий надевали

**«Домашняя повседневная одежда» учащихся гимназий
и прогимназий (с 1870 г.)**

Ученик городского училища (с 1892 г.)

темно-серые пиджаки на 6 костяных пуговицах с отложным воротником и темно-серые шаровары. Это была «повседневная» одежда, которую, однако, носили «вне классов».

С начала XX в. мундир и сюртук стали необязательными и часто заменялись серым полукафтаном и брюками того же цвета, а иногда полукафтан и брюки были черными. Наконец после 1905 г. появились верные гимнастерки с серебряными пуговицами, а летом разрешили носить полукафтан из коломенки или белую гимнастерку³⁶.

Форменная одежда была и у учеников промышленных училищ (введена в 1889—1890 гг., затем изменена в 1897 г.), городских училищ (введена в 1895 г.), духовной семинарии и духовного училища³⁷. Но для нас наибольший интерес представляет форма учащихся Алексеевского реального училища (названо в честь путешествовавшего по Уралу великого князя Алексея Александровича, шефа 37-го Екатеринбургского пехотного полка), так как, проехав Кафедральную площадь, мы через несколько минут непременно бы встретили реалистов на углу Главного проспекта и улицы Студеной (ныне улице Маршала Жукова). Реалисты получили свою первую форму уже в 1873 г., в год основания реального училища. Полукафтан был такой же, как у гимназистов, но темно-зеленого сукна и вместо серебряного прибора — золотой. Фуражка также темно-зеленая с желтыми выпущками и жестяным позолоченным знаком с буквами: «Е. А. Р. У.». Шаровары темно-серые. После 1905 г. было разрешено иметь фуражку, шинель и петлицы черного цвета, а также форменный полукафтан черного сукна, с потайной застежкой. С таким полукафтаном носился черный лакированный ремень с пряжкой желтого металла, на которой стояли буквы «Е. А. Р. У.». Однако повседневной одеждой был китель цвета «маренго» (черный с искрой) либо серая блуза под ремень³⁸. На большинстве сохранившихся фотографий екатеринбургские гимназисты запечатлены, по-видимому, в серых гимнастерках.

Что касается учителей, то есть чиновников министерства народного просвещения, то они обычно носили темно-синие двубортные сюртуки с отложным бархатным воротником. Обшлага мундирного сукна с двумя маленькими пуговицами. На концах воротника бархатные темно-синие петлицы с нашитой сверху золотой рогожкой и серебряными звездочками, по которым, наряду с просветами, определялся чин. Здесь же, на пет-

лице, крепился арматурный золотой знак (в виде матового двуглавого орла в венке из дубовой и лавровой веток, перевязанных внизу бантом). С 1897 г. различия чинов перешли на поперечные плечевые знаки с такими же отличиями, как на петлицах. Вспомним, как в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» учитель гимназии статский советник Передонов размышляет: «Чины идут, этого директор не может отнять, — да что в них, коли никто не видит. Ну, да вот при новой форме будет видно. Хорошо, что там погоны будут по чину, а не по классу должности. Это важно будет, — погоны, как у генерала, и одна большая звездочка. Сразу всякий увидит, что идет по улице статский советник»³⁹.

С 1897 г. было определено носить при дорожной форме двубортную тужурку черного сукна с отложным суконным воротником, на который нашивались темно-синие бархатные петлицы с пуговицей; наплечные знаки — как на мундире. Брюки суконные темно-синие. Двубортный плащ-пальто и однобортная черного сукна шинель. Фуражка темно-синяя суконная с темно-синим бархатным околышем с гражданской кокардой и металлическим арматурным знаком, зимой — черная меховая шапка с суконным верхом, кокардой и арматурным знаком⁴⁰.

Миновав реальное училище, наша коляска подъезжает к Московской заставе (на месте нынешней площади Коммунаров). Дальше Московский тракт, по правую руку — район улиц Верх-Исетского завода, а слева — пустырь, на котором одиноко возвышается «тюремный замок» — городская тюрьма. Она и привлекла наше внимание. Позднее это строение были вынуждены посетить многие известные революционеры, имена которых связаны с нашим городом, — Я. М. Свердлов, П. М. Быков, И. М. Малышев, Л. И. Вайнер и другие. Все они получали здесь казенную одежду: им была выдана рубашка, подштанники, полотенце, портянки и чулки; зимой заключенные получали суконный бушлат, суконные брюки, суконную шапку (на 5 шапок полагались одни суконные наушники), рукавицы, суконные онучи, а на 10 человек — один полушубок. Летом кроме нижней одежды заключенный имел бушлат из равендука⁴¹, штаны и шапку из того же сукна и сапоги⁴¹.

Позвякивая связками ключей, арестованных «радуш-

но» принимали угрюмые надзиратели. Столь же «приветливо» выглядела и их форменная одежда — черные мундиры без пуговиц с запахом и черными стоячими воротниками с темно-синей выпушкой, такая же выпушка

Форменная одежда чиновников министерства народного просвещения, введенная в 1905 г.: а) парадная и праздничная форма для лиц, занимающих должности ниже VI класса, и обыкновенная для всех; б) будничная форма; в) дорожная и второй вид будничной формы; г) пальто в холодное время для лиц, состоящих в чинах II и III классов в должностях IV класса и для действительных статских советников, занимающих должности помощника попечителей учебных округов; д) пальто и фуражка для инженеров ведомства

шла по обшлагам. Черный кожаный ремень с медной бляхой, на которой были обозначены начальные буквы названия тюрьмы. На ремне с правой стороны крепилась кобура с револьвером системы Смита-Вессона, от которого к шее и вокруг нее шел темно-синий шнур. Черные шаровары без выпушек заправлены в высокие сапоги. На плечах мундира крепились темно-синие шнуры с одной вызолоченной гомбочкой, а на груди с левой стороны — медная бляха с наименованием тюрьмы. На черной фуражке с темно-синими выпушками — кокарда, и медная лента с начальными буквами названия тюрьмы — на околыше. Старшие надзиратели и стражники

имели по воротнику и обшлагам узкий золотой галун, а на плечевых шнурах две вызолоченные гомбочки. На черной портупее могла висеть шашка, а по поясу надевался черный кушак с темно-синей выпушкой. Классные чины тюремного ведомства отличались золотым галуном по воротнику, трехцветным плечевым шнуром различной формы и звездочками на этих шнурах, а также галунными петлицами на воротниках и обшлагах⁴².

Пожалуй, здесь, у городской тюрьмы, и закончим наш небольшой экскурс по чиновничьему Екатеринбург начался 90-х гг. прошлого века. Именно тогда, на рубеже двух веков, становилось очевидным, что развитие новых, прогрессивных общественно-экономических отношений наталкивается на сильное сопротивление мощной бюрократической машины. Реформы 60—70-х гг. способствовали всплеску деловой и политической активности в стране, но не привели к коренным изменениям общественно-экономического и политического строя, а в 80-х гг. начались «контрреформы». Своего рода контрастом на фоне стагнации исторического развития страны выглядела на рубеже веков помпезность последнего царствования: пышные празднества, юбилеи, а позже неестественный, вымученный блеск реформы обмундирования.

Царствование последнего русского царя Николая II началось в один год с празднованием 100-летнего юбилея Екатеринбургского пехотного полка. К этой крупнейшей дате в жизни полка готовиться начали заранее. 14 января 1894 г. в Лодзь, где к этому времени квартировали екатеринбуржцы, прибыл екатеринбургский городской голова Илья Иванович Симанов, который передал полку дар от жителей города — икону св. Екатерины. 27 ноября 1896 г. из Екатеринбурга на имя командира полка полковника Р. Н. Флейшера была прислана хоругвь с изображением св. Екатерины, «имя которой носят город и полк», и св. Георгия Победоносца, «с именем коего знаки отличия полк заслуженно получил и носит с честью». На другой день, 28 ноября, одна из новых улиц Лодзи была названа Екатеринбургской, а 29 ноября состоялись главные празднества. На Магистратской площади был выстроен весь 37-й Екатеринбургский пехотный полк. Замерев в строю, екатеринбуржцы слушали текст грамоты о пожаловании

полку нового Георгиевского знамени с надписью: «За отличие в 1814 г. против французов и за Севастополь в 1854 и 1855 годах». Это известие было встречено могучим «ура!»⁴³.

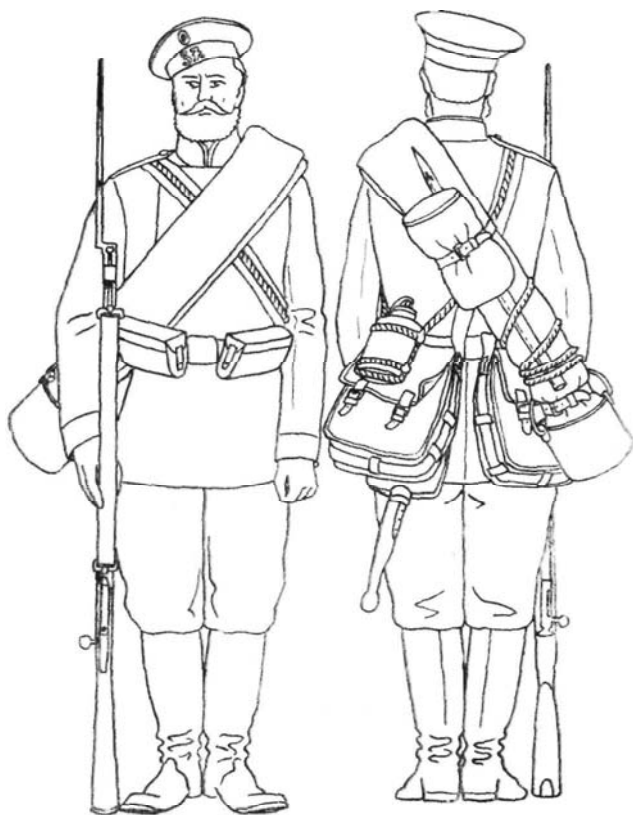
Как выглядели солдаты Екатеринбургского полка в тот день? На них была форма образца 1881 г., появившаяся на волне «упрощений» и «русификации». Широкий мундир свободного покроя с запашным бортом на пяти крючках без пуговиц и высоким воротником с красной выпушкой. У нижних чинов мундир почти черный со слабым темно-зеленым отливом, а офицерское сукно иссиня-зеленое, так называемого «царского цвета». На воротник нашивался красный клапан, погоны красные с желтой цифрой «10. » (на сохранившейся фотографии 1906 г. на погоне нижнего чина кроме цифры «10. » ясно видна литера «Е. »). Воротник и обшлага унтер-офицеров были с золотым галуном (на воротнике в один ряд, на обшлагах — в два), а на погонах — желтые нашивки. Офицерский мундир отличался золотыми петлицами на воротнике и обшлагах. При парадной форме к нему полагались золотые эполеты с красными полем и подбоем и цифрой «10. », а также шарф. При повседневной форме носились галунные погоны с красными просветами и кушак. Шаровары нижних чинов были черными, у офицеров — темно-зелеными с красной выпушкой, заправленные у всех чинов в сапоги. Пояс у нижних чинов был черной кожи с гладкой железной бляхой. Парадным зимним головным убором была круглая шапка с черным суконным верхом — мерлушковая у офицеров, барашковая у нижних чинов; кокарда и желтый герб в виде двуглавого орла. Повседневно носили черную фуражку с красной выпушкой на тулье, кокардой и красным околышем, на котором желтой масляной краской напечатана цифра «37. ». У офицеров фуражка была с козырьком и без шифровки, с кокардой на околыше. В холодную погоду солдаты носили серые шинели без пуговиц с красными клапанами на воротнике, офицеры — пальто. Кроме того, офицеры носили темно-зеленые двубортные сюртуки с погонами, а брюки заправляли в сапоги; сюртуки с эполетами и длинными брюками служили визитной одеждой.

Вооружение состояло из трехлинейной винтовки Мосина образца 1891 г. (возможно, оставались прежние

четырёхлинейные винтовки Бердана). Офицеры имели револьверы и драгунские шашки на плечевой портупее (обер-офицеры на белой юфтевой, штаб-офицеры — на галунной); темляк черный с белой кистью⁴⁴.

Летом вместо мундира нижние чины надевали белую

**Походное пехотное снаряжение,
введенное в 1882—1889 гг.**

гимнастическую рубаху с погонями, а офицеры белые полотняные кители и чехлы на фуражки.

В такой форме встретили екатеринбуржцы начало

русско-японской войны. Хотя сам полк формально и не принимал участия в боевых действиях, но из его рядов поступило во фронтовые части 35 офицеров и 1134 нижних чина. Кто-то из них был убит и ранен, а те, кто вернулся в полк, с гордостью носили полученные награды, и среди них историк полка штабс-капитан В. И. Маринов⁴⁵.

Еще в 1896 г., в преддверии полкового юбилея, адъютанту 3-го батальона поручику В. И. Маринову было поручено заняться «составлением» истории части. Свою офицерскую жизнь Владимир Иванович начал в 1880 г. с зачислением в 37-й Екатеринбургский пехотный полк и исправно в нем «тянул лямку» младшего офицера, имея за плечами Динабургское реальное училище, службу рядовым-вольноопределяющимся и унтер-офицером в армейских полках и учебу в нескольких пехотных юнкерских училищах. Трудно сейчас сказать, почему именно на Маринове остановило свой выбор полковое и дивизионное начальство, задумавши написать историю екатеринбуржцев. Но, судя по послужному списку, Владимир Иванович был в полку на хорошем счету, отличаясь своей распорядительностью и определенной начитанностью. Однако работа над полковой историей затянулась: необходимы были командировки в Санкт-Петербург, Москву, Варшаву... Только в октябре 1902 г., уже будучи штабс-капитаном 10-й роты, Маринов смог представить результаты своей работы командиру дивизии. Но и тогда история полка не увидела свет: начавшаяся русско-японская война забросила Маринова в далекую Маньчжурию. Только после окончания военных действий он наконец-то заканчивает полковую историю, которая и выходит в Лодзи в 1907 г.⁴⁶ Конечно, труд Маринова имеет много пробелов, кое-где стиль его отличается выпендренностью, характерной и для других полковых историй. Но все же нужно отдать должное этому офицеру: его скромный труд стал большим событием и в истории полка, и в истории военного Екатеринбурга.

Накануне русско-японской войны — в мае 1903 г. — в Екатеринбург из Златоуста прибыл 214-й Мокшанский резервный батальон, солдаты и офицеры которого сразу завоевали симпатии горожан. Дело в том, что батальон располагал неплохим оркестром, руководителем которого был двадцатичетырехлетний капельмей-

стер И. А. Шатров. Всюду — в общественных собраниях, на бегах, в театрах — музыканты оркестра развлекали екатеринбуржцев, которые были особенно довольны так называемыми «прогулками» рот под музыку по улицам города.

Солдаты-мокшанцы были одеты в белые гимнастические рубахи, на плечах которых алели погоны с желтой шифровкой «214. Р. ». На головах фуражки со светло-синим околышем без козырька, по краям околыша и по верхнему кругу тульи шла алая выпушка, на околыше — желтая шифровка, на тулье — кокарда. В отличие от кадровых частей клапанов на воротниках мундиров мокшанцы не имели (на шинели клапаны были светло-синие)⁴⁷.

Находясь в Екатеринбурге, Мокшанский резервный батальон был переформирован в 214-й пехотный резервный Мокшанский полк, а после начала русско-японской войны в 214-й пехотный полк. Возможно, что в связи с этим буква «Р. » на погонах исчезла, а сверху цифры «214. » появился номер дивизии⁴⁸. 3 июня 1904 г. екатеринбуржцы проводили мокшанцев на фронт. Вряд ли кто-либо предполагал, что через два года, опаленный в сражениях под Ляояном и Мукденом, один батальон мокшанцев вновь вступит в наш город. Вместе с батальоном возвратился и капельмейстер Шатров, награжденный во время войны медалью за усердие и орденом св. Станислава 3-й степени с мечами. Здесь, в Екатеринбурге, и был написан Шатровым первый вариант замечательного русского вальса «На сопках Маньчжурии», который первоначально назывался иначе: «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии». В сентябре 1906 г. мокшанцы были переведены в Самару (не исключено, что это было связано с быстрым проникновением в ряды солдат революционных настроений). В Самаре Шатров окончательно отредактировал вальс, который с тех пор прочно и навсегда вошел в нашу жизнь⁴⁹.

Русско-японская война резко обострила все противоречия российского общества, которые с начала 1905 г. вылились в первую русскую революцию. 1 мая 1905 г. до 4 тысяч екатеринбуржцев участвовало в первой для нашего города политической демонстрации, а через 5 дней — уже 12 тысяч. Начались стачки, охватившие;

многие предприятия города. 14 октября по призыву московских железнодорожников, объявивших всеобщую политическую забастовку, к стачке присоединились рабочие екатеринбургского железнодорожного узла и железнодорожных мастерских. На одной из сохранившихся фотографий изображена группа участников этой забастовки: на них черные двубортные шинели, на воротниках которых нашиты петлицы (вероятно, черного бархата) с пуговицами. На головах — низкие шапки с меховой тульей и кокардой.

К 17 октября приостановили работу все екатеринбургские предприятия. Тогда же из тюрьмы были освобождены политические заключенные.

17 октября 1905 г. Николай II издал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», которым «даровались» «незыблемые основы гражданской свободы». Однако большевики продолжали борьбу, призывая народ к окончательной ликвидации существовавшего строя. 19 октября на Кафедральной площади Екатеринбурга (ныне площадь 1905 года) состоялся митинг рабочих и учащихся, выступавших против манифеста 17 октября. Не успел Я. М. Свердлов начать свое выступление, как на митинговавших набросились черносотенцы, вооруженные дубинами и ножами. Ученик художественно-промышленной школы Вася Иванов, несший красное знамя, был убит. Его серое форменное пальто с петлицами черного цвета с желтыми выпушками обогрилось кровью, а на мостовую упала черная фуражка с темно-зеленым околышем и желтыми выпушками. На околыше был желтый металлический знак в виде циркуля, ключа, молотка и треугольника между дубовыми ветками⁵⁰. В тот же день черносотенцы начали в городе повальные погромы: особенно упорно преследовались учащиеся. Любой, имевший на себе форму того или иного учебного заведения, мог быть избит или даже убит.

В ответ на погромы екатеринбургские рабочие начали создавать боевые дружины. Важную роль в их создании (хотя и не столь всеохватывающую, как сам он пытался позже представить) сыграл Ф. Ф. Сыромолотов. В те дни Сыромолотов, в прошлом ученик горного училища, был, вероятнее всего, в форме горного техника. На одной из фотографий того периода он одет в двубортную черную тужурку с отложным воротником,

на котором нашиты черные петлицы со светло-синей выпушкой, желтой пуговицей и горным знаком.

К концу 1905 г. накал революционной борьбы стал спадать, и к 1907 г. первая русская революция окончилась поражением.

Еще в годы революции многочисленные чиновники Российской империи начали частично менять форму одежды. Наиболее примечательным нововведением было то, что право ношения при парадной и праздничной формах шитых золотом или серебром полукафтанов, а при особой и будничной — мундирных фраков во всех учреждениях сохранялось лишь для чиновников, занимавших должности не ниже VI класса. Все остальные при парадной, праздничной и особой форме имели открытый двубортный сюртук, застегнутый на 4 пуговицы, с отложным воротником, брюки без галуна и канта, белый жилет, треугольную шляпу, шпагу, черный галстук и белые замшевые перчатки. Все наплечные знаки (за исключением министров и товарищей министров) отменялись, а чины определялись только по петлицам. С этого времени заметно чаще вместо двубортного сюртука стали носить тужурки (при будничной и дорожной формах). Основным цветом тужурки становится черный с белой искрой — «маренго». Впрочем, многие чиновники в эти годы носили и черные тужурки, не строго соблюдая форму. Тужурки чиновников не ниже IV разряда были с отворотами и выпушками вокруг воротника, по бортам, карманным клапанам и по верху обшлагов из приборного сукна. Застегивать тужурку можно было по желанию на четыре или шесть пуговиц.

Пальто было черно-серого сукна, двубортное (у чиновников с I по IV разряд отвороты из приборного сукна). Вокруг воротника, по бортам, верхнему краю обшлагов, по краю боковых карманных клапанов, по краю задних глухих клапанов и вокруг хлястика шла выпушка из приборного сукна. Пуговицы, петлицы и, если есть, погоны — такие, как на сюртуке. Зимой носили пальто с черным мерлушковым воротником, а подбой мог быть меховым. С зимним пальто можно было носить башлык⁵¹.

В 1907 г. началась реформа обмундирования и в армии. Как и другие части, солдаты 37-го Екатеринбургского пехотного полка получили для ношения летом фу-

ражки защитного цвета с козырьком и выпушкой полкового цвета (красного) по верхнему краю околыша *, на околыше вместо шифровки — кокарда, защитного цвета рубахи-гимнастерки (первоначально с тесьмой полкового цвета по разрезу на груди) с костяными или кожаными пуговицами и защитного цвета шаровары. У офицеров такие же фуражки, но с офицерской кокардой, защитного цвета кители на 5 пуговицах с накладными карманами на груди и боках. Была введена и новая парадная форма — двубортные темно-зеленые (или черные) мундиры на 6 пуговицах с красной выпушкой по запашному борту, прямым обшлагам и задним карманам. У нижних чинов на парадной фуражке без козырька исчезла шифровка, а вместо нее появилась кокарда. Следует отметить, что с ноября 1908 г. Екатеринбургский полк перестал носить имя своего умершего шефа — великого князя Алексея Александровича. Впрочем, на униформе полка это никак не отразилось: вензеля высокогородного шефа на погонах не было. А вот через год, в 1909 г., на погонах и эполетах полка было приказано заменить номер дивизии на номер полка — «37. ». Наконец, в 1912—1913 г. при парадной форме был введен пристегивающийся красного цвета лацкан с пуговицами, который снизу перехватывался ремнем с медной пряжкой, где изображался государственный герб (у нижних чинов), либо поясным шарфом (у офицеров). У офицеров, кроме того, на китель поверх воротника стал пристегиваться шитый золотом воротник. У нижних же чинов мундир был заменен гимнастеркой с двумя карманами на груди⁵³.

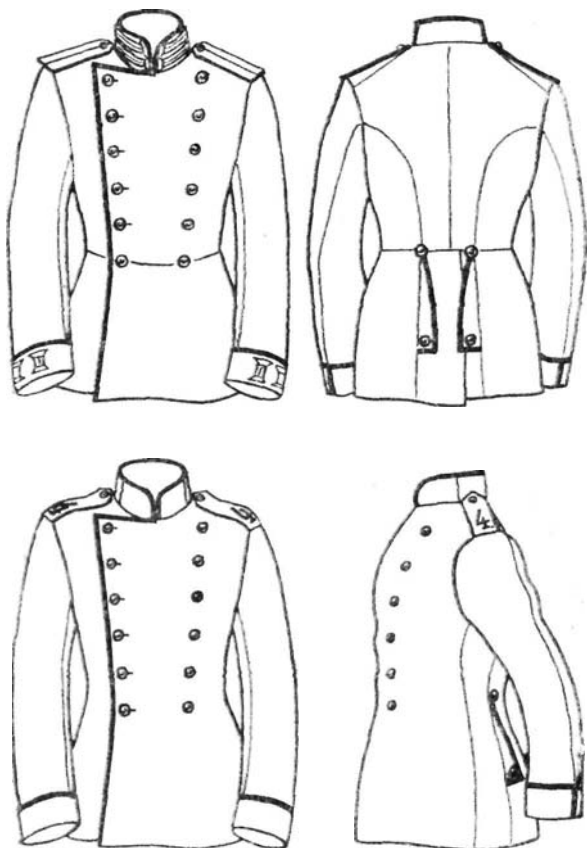
Еще один элемент обмундирования, появившийся в те годы у екатеринбуржцев, — полковой знак, утвержденный 5 мая 1912 г. Он представлял из себя носимый на левой (иногда и на правой) стороне груди значок с изображением белого мальтийского креста в венке из лавровых и дубовых листьев, вензелей Павла I и Николая II, ленты с надписью: «Екатеринбургский мушкетерский п. » — и герба города Екатеринбурга, под которым шла лента с датами: «1796—1896». Кроме того, у Екатеринбургского полка был еще и юбилейный знак, носимый на левой стороне груди, установленный по-

---

* В 1910 г. выпушка по верху околыша была отменена⁵².

случаю 50-летнего шествия великого князя Алексея Александровича (1857—1907). Этот серебряный знак был увенчан золотой императорской короной. В центре — положенный на андреевский крест императорский орел, раскинувший крылья; поверх орла и креста — моно-

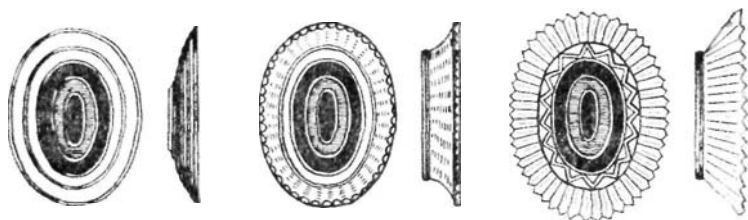
Мундиры офицерский и нижнего чина
образца 1907 г.

грамма великого князя Алексея с короной. В основание всего знака был положен якорь с римской цифрой «50. »; обрамление знака было в виде якорной цепи⁵⁴.

Все эти мундирные нововведения происходили у екатеринбуржцев уже в Нижнем Новгороде, куда они пере-

Кокарды нижнего чина, унтер-офицера
и офицера образца 1907 г.

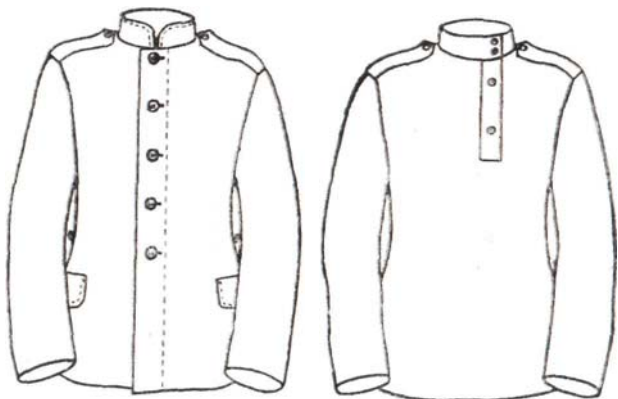

дислоцировались из Лодзи в 1907 (?) г. На берегах Волги полк простоял до лета 1914 г. Это были достаточно спокойные годы — шла будничная полковая жизнь.... Впрочем, иногда она прерывалась неожиданными событиями. В июне 1912 г. один из штабс-капитанов Екатеринбургского полка получил приказ провести саперные работы вблизи станции Сейма, Нижегородской губернии. Во время работ неожиданно в песчаной почве стали попадаться доисторические медные вещи. По решению Нижегородской ученой комиссии солдаты на целый месяц превратились в археологов, откопав большое количество медных и бронзовых топоров, копий, кремневых наконечников стрел⁵⁵.

Стоит сказать несколько слов и о 195-м пехотном Оровайском полке, который до 1914 г. находился в Екатеринбурге, располагаясь в так называемых Оровайских казармах (ныне угол улиц Декабристов и Луначарского). Этот четырехбатальонный полк был сформирован 20 февраля 1910 г. из 213-го пехотного резервного Оровайского полка, 234-го Сызранского резервного

батальона и 244-го Борисовского резервного батальона⁵⁶. Причем 244-й Борисовский резервный батальон (командир — полковник А. Л. Буткевич⁵⁷) дислоцировался в нашем городе уже несколько лет — с 1906 г. * Командиром Оровайского полка после его сформирования был

**Походный мундир (1907—1910 гг.) нижних чинов
и гимнастерка**

назначен полковник Коцебу, помощником командира — подполковник Каликинский⁶⁸. Обмундирование оровайцев накануне первой мировой войны претерпело те же изменения, что и у Екатеринбургского полка, с той лишь разницей, что цвет приборного сукна был не красным, а белым и на синих погонах желтой краской был указан номер полка — «195. ».

Оровайцы имели и свой полковой знак: венки, обрамляющие вензеля Александра I и Николая II, поверх которых положена лента с надписью: «213 Оров. 244 Борис. 234 Сызран. ». Над венком — двуглавый орел, на щитке орла был номер полка — «195. », под орлом цифра «100. », под вензелями — юбилейные годы «1811 — 1911». Расцветка знака не известна⁵⁹.

---

* В 1907—1910 гг. в городе дислоцировался 12-й пехотный Великолукский полк.

В 1-м и 2-м батальонах Оровайского полка имелись знаки «За отличие в войну с Японией в 1904 и 1905 годах», нагрудные — у офицеров, на головных уборах — у нижних чинов. Они были пожалованы 30 июля 1911 г. Полковое знамя было простым (то есть не Георгиевским), с марта 1911 г. с юбилейной Александровской лентой⁶⁰.

Наш беглый экскурс в историю мундиров «чиновничьего Екатеринбурга» будет явно неполным, если мы забудем о политической полиции — жандармах. Любопытно отметить, что именно с мундиров Отдельного корпуса жандармов, как главной опоры царского режима, началась в 1907 г. реформа обмундирования, в ходе которой были сохранены основные черты жандармского мундира прошлых лет.

Реформой 1907 г. для нижних чинов был установлен двубортный мундир темно-синего сукна с 7 пуговицами на каждом борте. Борта выкраивались почти по образцу уланского мундира. На плече — для ношения карабина — имелся специальный наплечник из веревочного шнура, покрытый алым сукном. Воротник светло-синего сукна, скошенный, на одном крючке. Обшлага светло-синего сукна, кавалерийского образца с мыском; на задней части рукава выше обшлага — 2 пуговицы, на обшлагах — по 1. По верхнему краю воротника, на левом борте, на обшлагах и карманных клапанах (продольных с 3 пуговицами) — выпушка из алого сукна. На правом плече жандармы имели аксельбанты с медными никелированными наконечниками. Шаровары серо-синие (у сверхсрочных нижних чинов — с шерстяной алой выпушкой). Шинель армейского образца, застегивавшаяся крючками, но по середине груди нашито 6 пуговиц. Воротник с 1907 г. серо-синий (позже, вероятно, стал по цвету шинели), клапана синие с алой выпушкой и пуговицей. Фуражка со светло-синей тульей и темно-синим околышем с алыми выпушками, с козырьком и кокардой. При парадной форме был положен особый головной убор в виде каски с гребнем, а зимой — меховая низкая шапка с кокардой.

Все снаряжение (плечевая портупея, темляк, поясной ремень, кобура, патронная сумка) с 1907 г. стало шиться не из белой кожи, как ранее, а из красной юфти с медным никелированным прибором. У нижних чинов

у нижнего среза погона были нашивки золотого галуна в зависимости от унтер-офицерского звания, которое они имели ранее, служа в войсках, а сверху погона — полоски из серебряного галуна в зависимости от оклада. Пуговицы гренадерского образца — с гренадой.

У офицеров на мундирах наплечников не было, на воротнике и обшлагах — шитые серебряные петлицы, аксельбант, погоны и серебряные эполеты. На зимних шапках генералов и некоторых других высших чинов красовался особый султан. Жандармы имели и полевую форму одежды⁶¹.

В июле 1914 г. началась первая мировая война. Полки, батальоны, подразделения, отдельные военные и гражданские чины закружились в мощном водовороте событий. Все смешалось. Для Российской империи начался болезненный путь к катастрофе.

ГЛАВА

6

**В НАЧАЛЕ ВЕЛИКИХ
ПОТЯСЕНИЙ**

В начале XX века Россия переживала противоречивый период истории. Все более отчетливо сказывался разрыв между набиравшими силу буржуазными структурами общества и сохранившимися полуфеодальными институтами и культурной отсталостью большинства населения необъятной империи; особая напряженность развивалась в социальной сфере. Вероятно, несмотря на слабость русской национальной буржуазии и незрелость ростков буржуазной демократии, социальную напряженность удалось бы постепенно ослабить, но история распорядилась иначе...

В условиях растущего мирового капиталистического хозяйства, когда отставание от ведущих держав грозило большей или меньшей потерей национальной самостоятельности, перед нашей страной встала задача быстрого экономического рывка. Этот рывок должен был сопровождаться расширением сфер влияния России на европейских, юго-восточноевропейских и азиатских рынках, укреплением международных позиций в целом. Это и предопределяло втягивание России в крупнейший международный конфликт, который все более разрастался. Наконец, слабые хлопки выстрелов сербского националиста, оборвавшие жизнь наследника австрийского престола Франца-Фердинанда, превратились в оглушительные раскаты мировой войны.

19 июля 1914 г. срывающимся от волнения голосом германский посол Пурталес объявил русскому министру иностранных дел Сазонову о начале войны с Россией. 24 июля войну России объявила и Австро-Венгрия.

В этот день, 24 июля, в Нижнем Новгороде заканчивалась мобилизация одного из многочисленных пехотных полков русской армии — 37-го Екатеринбургского¹. Екатеринбургцы были приведены в состояние боевой готовности, облачились в походное обмундирование и походную амуницию. Защитного цвета китель надел на себя и командир полка полковник Мольденгавер, на плечах которого были закреплены скромные полевые погоны без выпушек и без звездочек, с двумя красными ленточками, изображавшими просветы. У тех офицеров, кому звездочки на погонах были положены, они были защитного цвета, оксидированные. Металлические пуговицы либо заменялись роговыми и кожаными, либо обтягивались тканью. Широкий кожаный пояс с кобурой ре-

вольвера и муфтой с ремнями для пристегивания шашки (образца 1881 или 1909 г.) в кожаных или никелированных ножнах поддерживался двумя ремнями, перекрещенными на спине².

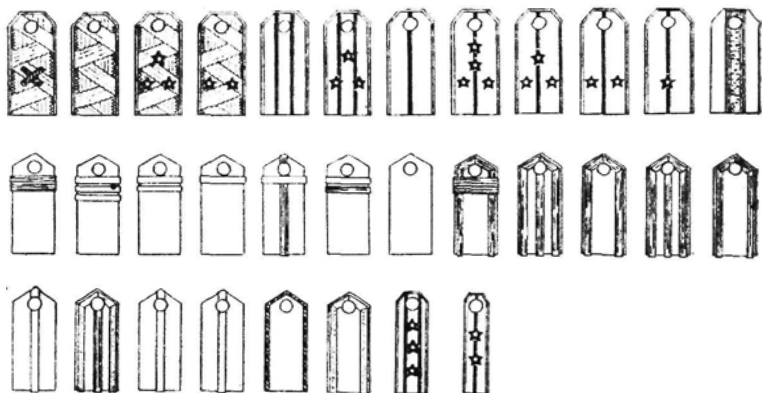
3 августа 1914 г. 37-й Екатеринбургский пехотный

Погоны русской армии периода первой мировой войны.

Верхний ряд: 1) генерал-фельдмаршал; 2) генерал от инфантерии; 3) генерал-лейтенант; 4) генерал-майор; 5) полковник; 6) подполковник; 7) капитан; 8) штабс-капитан; 9) поручик; 10) подпоручик; 11) прапорщик; 12) подпрапорщик

Средний ряд: 1) фельдфебель; 2) старший унтер-офицер; 3) младший унтер-офицер; 4) ефрейтор; 5) бомбардир-наводчик; 6) бомбардир-наблюдатель; 7) рядовой; военные училища: 8) фельдфебель; 9) бывший фельдфебель кадетского корпуса; 10) юнкер; кадетские корпуса: 11) фельдфебель; 12) вице-унтер-офицер

Нижний ряд: 1) запасный наводчик; 2) наездник унтер-офицерского звания; 3) разведчик кавалерии; 4) разведчик артиллерии; 5) вольноопределяющийся; 6) учебная тесьма; 7) докторский погон; 8) военно-медицинский погон

полк был отправлен по железной дороге шестью эшелонами на фронт³, а с 9 по 13 августа все его подразделения прибыли в город Владимир-Волынский. Бедный, грязный городок оказался забитым русскими солдатами, входившими в 5-ю армию (под командованием генерала В. К. Плеве) Юго-Западного фронта. Военные действия

к тому времени уже начались, и 12 августа передовые подразделения полка перешли русско-австрийскую границу. На следующий день, 13 августа, на всем протяжении Юго-Западного фронта закипели ожесточенные бои — шла Галицийская битва. Екатеринбургцы оказались в центре этого побоища — в составе 5-й армии они приняли участие в так называемом Томашовском сражении. Уже 14 августа солдаты Екатеринбургского полка отбивают атаку австрийской пехоты под фольварком (небольшое имение) Лащево. После того как серые цепи австрийцев дрогнули, екатеринбуржцы перешли в стремительную контратаку, захватили 18 орудий противника и взяли в плен более 1800 солдат и офицеров⁴.

Сражение продолжалось, и в течение нескольких дней полк не выходил из постоянных боев — у деревни Павлувка (16 августа здесь был контужен командир батальона капитан Маринов), деревни Важучин, у посада Тышовцы. Особенно тяжелые бои развернулись за город Томашов, который представлял собой ключ к позиции австрийцев. Наконец 27 августа он был взят. Заметную роль в этом сражении сыграли солдаты-екатеринбуржцы, которые в решительный момент боя перешли в штыковую атаку⁵. Взятием Томашова была прорвана оборона группы Иосифа-Фердинанда, прикрывавшая тыл австрийской армии. В ночь на 30 августа австрийские армии начали отступление за реку Сан. Русские же войска продолжали наступательные действия. 30 августа Екатеринбургский полк был в городе Любачеве, 2 сентября сразился с противником у деревни Маковиско и преследовал его, 9 сентября вступил в город Ярослав, 16-го — перешел в город Пржеворск*.

Не успели екатеринбуржцы оправиться после многочисленных боев, как поступил приказ спешно двигаться в Люблин для переезда по железной дороге в Ивангород (ныне Модлин)⁷. Дело в том, что Ставка получила сведения о переброске немецких войск из Восточной Пруссии в Верхнюю Силезию — надо было срочно прикрыть район Средней Вислы, перегруппировав силы Юго-Западного фронта. От Ивангорода полк двинулся по правому берегу Вислы в район Гура-Кальвария, а затем перешел Вислу и вступил в сражения с германскими войсками. Причем с 9 и по 31 октября екатеринбуржцы были в авангарде главных сил 10-й пехотной дивизии

и энергично преследовали отступавшего противника, непрерывно вступая, с ним в стычки⁸.

К концу октября линия фронта временно стабилизировалась. Варшавско-Ивангородская операция была закончена. Начиналась Лодзинская операция. К началу сентября части 9-й германской армии прорвали боевые порядки русских войск и создали в районе Лодзи угрозу для 2-й и 5-й русских армий. В этих условиях командующий Северо-Западным фронтом генерал Рузский отдал приказ о сложном маневре 2-й и 5-й армий, состоящем в их повороте с Западного направления на Северо-Западное. 37-й Екатеринбургский полк был срочно передвинут к городу Петрокову для прикрытия его с севера и с 8 ноября втянулся в непрерывные бои с германскими частями. С 12 ноября полк находился в наступлении на город Брезины, возле которого у деревень Липка и Несунки ходил в штыковую атаку. Вплоть до 24 ноября солдаты-екатеринбуржцы не выходили из боя, отбивая контратаки противника и сами переходя в многочисленные атаки⁹. Как знать, может быть, места вокруг Лодзи, где теперь шли тяжелые бои, были памятливы для многих офицеров полка совсем другим: еще несколько лет назад Екатеринбургский полк стоял здесь, занимаясь учениями, разводами, парадами и офицерскими пикниками. Вряд ли кто-нибудь из офицеров мог тогда представить, что он будет ходить в штыковую атаку по этой земле, вгрызаться в нее, укрываясь от немецких снарядов, а может быть — будет и похоронен в ней.

Во второй половине ноября бои стали стихать, Северо-Западный фронт стабилизировался, и екатеринбуржцы были переведены в резерв 10-й пехотной дивизии, где получили кратковременный отдых¹⁰. Но вскоре отдых был прерван: 11 декабря Екатеринбургскому полку было приказано атаковать неприятеля у деревни Рожнова Воля. Атака оказалась неудачной — полк, понеся потери, не выполнил поставленной задачи¹¹. Это был первый неудачный бой для екатеринбуржцев с начала кампании. Он был прелюдией тяжелых испытаний, которые начались через неделю: с 18 декабря по 13 января 1915 г. в ходе изнурительных и безрезультатных боев у деревни Конопницы полк понес самые серьезные с начала войны потери — было убито 215 и ранено 187 нижних чинов. Большие потери были и среди офицеров. Был

ранен и командир полка полковник Мольденгавер *. Так закончился для Екатеринбургского полка первый этап жестокой империалистической бойни.

Переместимся теперь в центр Среднего Урала. С началом первой мировой войны «Екатеринбург в мундире» быстро преобразился. Оровайский пехотный полк, как кадровая часть, был отправлен на фронт, а вместо него в городе стали формироваться новые полки (например, 335-й Анапский пехотный полк) и запасные батальоны, преобразованные в 1916 г. в запасные полки. Благодаря своему местоположению Екатеринбург быстро становится не только одним из важнейших центров сбора и обучения запасных частей, но и местом концентрации раненых, беженцев, различных обозов, размещения всевозможных интендантских и прочих учреждений.

Количество военнослужащих неимоверно выросло. В мае 1915 г. в Екатеринбурге квартировали 3 пехотных резервных батальона, одна ополченческая дружина, 1 казачья сотня, 3 отделения воинско-конских запасов. Всего до 9 тысяч человек¹⁴. В сентябре в город прибыл еще один резервный батальон и некоторые другие подразделения и службы. 14 октября 1915 г. городская дума в ужасе телеграфирует пермскому губернатору: «Екатеринбург переполнен войсковым постоем. В городе расположено: 4 полка, более 30 тыс. солдат, штабные их помещения; 6 лазаретов, эвакуированный госпиталь, приемный покой — всего 800 коек, 15 лечебных заведений больных и раненых воинов на 881 койку, два отделения конского запаса, казачья сотня, пленные — офицеры и воинские чины»¹⁵. Однако войска все прибывали. Городское хозяйство было не в состоянии справиться с возросшими трудностями. На одном из заседаний городская дума констатировала, что «... от скопления войск в городе почва сильно пропитывается нечистотами; сейчас успеваем вывозить только 40 % нечистот, а 60 % уходит в почву...»¹⁶. По мнению некоторых исследователей, к началу 1917 г. в городе было расквартировано уже до 50 тысяч солдат!

---

* После этого боя, 21 января 1915 г., был эвакуирован с фронта по болезни командир батальона подполковник Маринов. Высочайшим приказом от 22 мая 1915 г. он был переведен в резерв чинов при штабе Кавказского военного округа¹².

Казалось бы, на страницах нашей книги вряд ли удастся хотя бы бегло описать мундиры, мелькавшие в те годы на улицах Екатеринбурга. Однако задача такого рода вполне выполнима: за малым исключением обмундирование было одного типа — полевым, которое мы ранее уже описали у солдат-екатеринбуржцев. Правда уже в годы войны были сделаны некоторые нововведения: 22 мая 1916 г. офицерам было разрешено носить полусапоги, башмаки, штиблеты, ботинки произвольного образца, используя при них обмотки защитного, коричневого или черного цвета. Стали использоваться и краги — кожаные или брезентовые черного и коричневого цвета, с ремнями и застежками; гетры могли быть на пуговицах, застежках или шнурованные¹⁷.

В годы войны на воротники солдатских шинелей перестали нашивать клапаны (хотя и не всегда), что сделало верхнюю одежду нижних чинов очень похожей на офицерскую (за исключением, конечно, погон и кокарды). В ряде случаев нижние чины кокарду вообще не носили. Наряду с сукном и другой материей защитного цвета все чаще стали использовать материю темно-зеленого, коричневого, серого цветов, а нередко продолжали донашивать даже старые мундиры, отмененные в 1912—1913 гг.

С 1915 г. офицеры, не дожидаясь специального разрешения, часто стали носить новый тип кителя — френч, который отличался четырьмя накладными карманами с плоскими складками. Встречалось несколько типов френчей, отличавшихся не только по своему покрою и пуговицам, но и по расцветке¹⁸. Впрочем, китель старого типа, образца 1907 г., также нередко приобретал негламентированные нововведения: стали широко варьироваться обшлага, карманы и т. д. Наконец, нередко можно было встретить у офицеров вместо полевых погон — галунные, а вместо роговых или кожаных пуговиц — металлические. Появился у офицеров и новый вид верхней одежды — бекеша, представлявшая из себя полупальто на меху с меховой же оторочкой по борту.

С 1916 г. были введены специальные нашивки на левом рукаве ближе к обшлагу для отличия раненых, контуженых или отравленных газами и возвратившихся в строй: красные — для нижних чинов, желтого галуна — для офицеров. В 1917 г. на правом рукаве ближе к об-

шлагу углом вверх стали делаться нашивки, обозначающие фактическое пребывание на фронте: из желтой тесьмы — для нижних чинов, из золотого галуна — для офицеров. Чуть ранее появились нарукавные знаки, дававшие бежавшим из плена: бело-черная (для бежавших

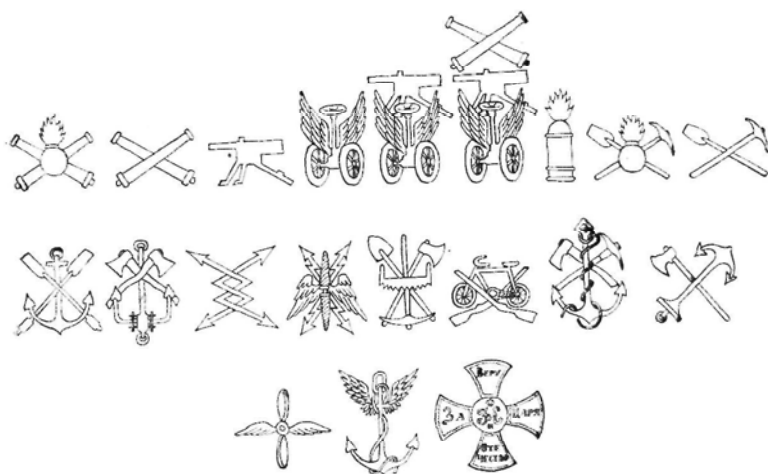
Специальные знаки русской армии периода первой мировой войны.

Верхний ряд: 1) гренадерские артиллерийские бригады; 2) артиллерия; 3) пулеметные части; 4) автомобильные части; 5) броневые части; 6) броневые пушечные части; 7) артиллерийские парки; 8) гренадерские саперные части; 9) саперные части.

Средний ряд: 1) минные части; 2) понтонные части; 3) телеграфные части; 4) искровые части;

5) инженерные парки; 6) самокатчики; 7) Одесский морской батальон; 8) железнодорожные части.

Нижний ряд: 1) авиационные части; 2) воздухоплавательные части; 3) ополчение

из германского плена) или желто-черная (из австрийского плена) лента, охватывавшая бело-сине-красный круг, из которого как бы вырывается за пределы «вражеских цветов» Георгиевская лента¹⁹.

Особое значение при переходе на полевую форму одежды приобрела шифровка на погонах: с ее помощью

можно было отличать друг от друга части, подразделения и службы. С 1911 г. было определено делать шифровку следующих цветов: желтая — для пехоты, голубая — для кавалерии, красная — артиллерии, коричневая — для инженерных войск, малиновая — для стрелков, синяя — для казаков, светло-зеленая — для железнодорожных войск, белая — для обоза, оранжевая — для крепостных войск, черная — для интендантской службы.

Шифровка могла включать в себя номер части, изображение специального знака (делалось либо краской по трафарету, либо штамповалось из металла) и литеры (для тех частей и служб, у которых не было специального знака). Специальные знаки даются в иллюстрациях, поэтому воспроизведем только некоторые литеры: «Зп. » — запасные части; «Зк. » — закаспийские стрелковые батальоны; «З. -С. » — западносибирские стрелковые батальоны; «В. С. С. » (с перекрещенными артиллерийскими стволами сверху) — восточносибирские стрелковые артиллерийские бригады; литера «И. » означала интендантские команды, а «Т. » — команды транспортные; литеры «Об. » — обозные батальоны и роты; «П. М. » — местные пешие команды (чаще погон у этих команд был без шифровки); «М. Л. » — местные лазареты; для армейских дивизионных лазаретов было иное обозначение — литера «Л. » и сверху номер дивизии; подвижные госпитали — «П. Г. » с номером сверху; «З. Г. » с номером сверху — запасные госпитали, «СТ. » — военно-санитарный транспорт; «СП. » — санитарный поезд; конский запас — «Кон. » и «Зап. » в два ряда.

Конечно, шифровка на погонах была далеко не всегда. К примеру, у запасных пехотных полков, стоявших в Екатеринбурге, в лучшем случае встречался только номер — полная шифровка просто не могла поместиться на погоне. Широкое распространение получили чистые полевые погоны. Что касается ополченческих дружин (формировались из ратников 2-го разряда, годных к строевой службе), то главным их отличием служил особый ополченческий крест на головных уборах, форма которого была установлена еще во время Отечественной войны 1812 г.: на нем была сделана надпись: «За веру, царя и Отечество», а в центре вензель Николая II. Для нехристиан вместо креста использовался восьмигранник с

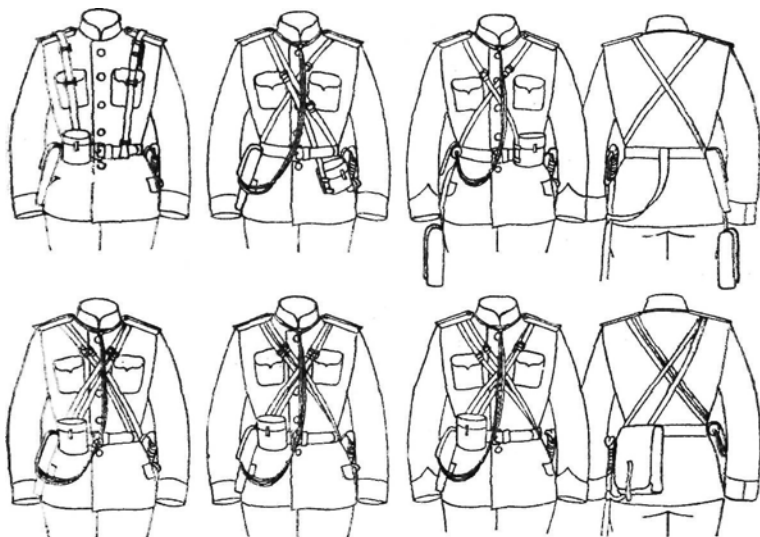
надписью: «За царя и Отечество» — и вензелем императора в венке.

Особо следует остановиться на казачьих частях — ведь через Екатеринбург следовали, а то и находились в нем некоторое время казаки Оренбургского, Сибирского, Забайкальского, а возможно, и других степовых казачьих войск. Все степовые казачьи войска носили походную форму единого образца, которая в основном была аналогична пехотной. Отличия могли заключаться только в обшлагах с «мыском» (можно было встретить и прямые обшлага), в шароварах серо-синего, синего, черного и черно-синего цветов (иногда с цветными лампасами) и в особом патронташе из кожи или брезента, носимом через левое плечо. Все казаки были вооружены шашкой на плечевой портупее, винтовкой образца 1891 г. казачьей модификации (носилась через правое плечо) и трубчатой металлической пикой длиной 3, 26 м. Вместо шпор все казаки и унтер-офицеры имели нагайки. Офицеры имели шашку офицерского образца (иногда на плечевой портупее), на правом боку крепилась кобура для револьвера, у левого бока — офицерская сумка. Могли быть у казаков и папахи конической формы из черного меха с суконным колпаком (верхом). В Уральском, Забайкальском, Амурском и Уссурийском войсках, а также в Иркутской и Красноярской сотнях мех шапки — бараний с длинным ворсом. На папаху крепилась кокарда и знак отличия части или подразделения. Однако все это соблюдалось далеко не всегда, особенно в годы войны, когда было разрешено носить папаху из серого меха, что еще более делало казаков похожими на военнослужащих других частей.

С начала войны шифровка на погонах казаков делалась синей масляной краской в виде номера части без указания войска, а с октября 1915 г. с добавлением литер: «Д. » — Донские полки, «Ас. » — Астраханские, «Сб. » — Сибирские, «См. » — Семиреченские, «О. » — Оренбургские, «О. с. » — Оренбургские отдельные сотни и т. д. В некоторых подразделениях продолжали носить шаровары с лампасами: Оренбургские — светло-синие, Уральские — малиновые, Сибирские — алые, Семиреченские — малиновые, Забайкальские — желтые, Уссурийские — желтые и т. д. Отличия по чинам были такие же, как и в прочих частях (пра-

порщик — 1 просвет и 1 звезда, хорунжий — 1 просвет и 2 звезды, сотник — 1 просвет и 3 звезды, подъяеул — 1 просвет и 4 звезды, есаул — 1 просвет без звезд, войсковой старшина — 2 просвета и 3 звезды, полковник — 2 просвета без звезд). Причем даже во время

**Походное офицерское снаряжение периода
первой мировой войны:**
Верхний ряд: а) общее; б) пехотное;
в) кавалерийское.
Нижний ряд: г) артиллерийское; д) инженерных
войск; е) казачьих войск

войны нередко у офицеров можно было встретить галунные погоны с цветными выпушками и просветами (по войску). Унтер-офицеры различались следующим образом: приказные — одна поперечная нашивка на погонах, младший урядник — две, старший урядник — три, вахмистр — широкая поперечная нашивка шириной 2, 5 см, подхорунжий — широкая продольная полоса.

Шинели были кавалерийского образца на 6 белых пуговицах с государственным гербом, с обшлагами мыс-

ком, на воротниках цветные клапаны. В годы войны чаще стали встречаться шинели без пуговиц и без клапанов. Носили также полушубки, а офицеры — бекеши²⁰.

Но не только форма русских войск встречалась в Екатеринбурге в эти годы. Долгое время здесь находи-

Казачье конское снаряжение

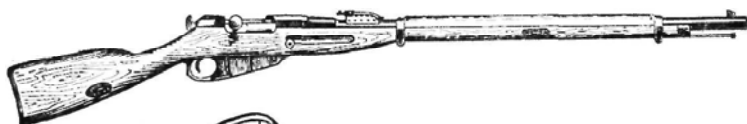

лись пленные австрийские солдаты, которые содержались, в частности, в здании Верх-Исетского театра (располагался недалеко от нынешней площади Коммунаров). Их можно было сразу узнать по серым мундирам с нагрудными и боковыми карманами и своеобразным кеппи того же цвета. Верхней одеждой служила серая двубортная шинель с цветными клапанами на воротнике. Брюки также серые, переходящие у щиколоток в клапан, на ногах ботинки. Немало было и пленных немецких солдат. Чаще всего на них были серые однобортные мунди-

ры с цветной выпушкой, серые брюки, заправленные в низкие тяжелые сапоги, на голове фуражка без козырька с цветным околышем и выпушкой. Примерно с середины войны появились мундиры иного типа — без цветных выпушек и медных пуговиц.

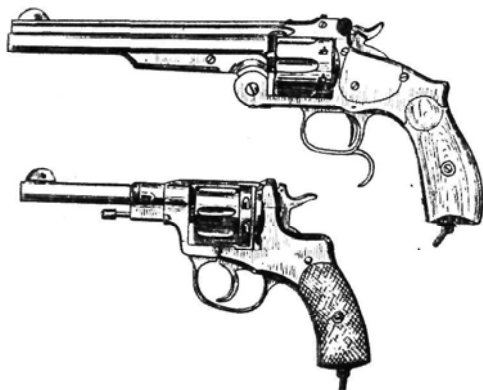
**Пехотная винтовка Мосина образца 1891 г.
модификации 1910 г.**

**Казак и обер-офицер казачьего полка.
1915—1917 гг.**

Следует немного сказать о мундирах чиновников этого периода. Хотя никаких нововведений в их обмундировании сделано не было, но у многих мундир стал «военнизироваться», кое-кто, к примеру, начал носить офицерский китель или френч с нашитыми на нем отличиями

**Револьверы системы Смита-Вессона
(образца 1872 г.)
и наган (образца 1895 г.)**

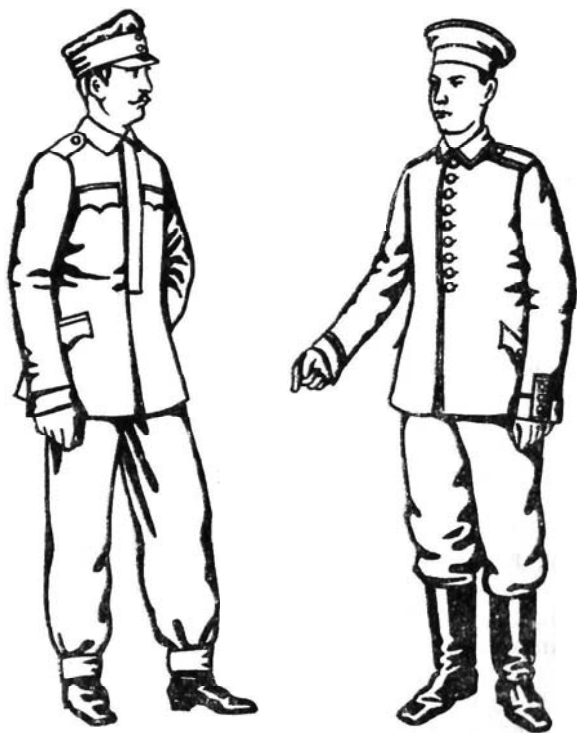
чиновничьего мундира. Немало чиновников стало служить во Всероссийском союзе городов и Всероссийском земском союзе помощи больным и раненым воинам (позже были объединены) — они получили особую форму военного типа, в то же время отличавшуюся от офицерской узкими белыми погонами с продольным расположением звездочек. «Земгусары» — так окрестили их в народе, нередко прибавляя: «Гусар без шашки, одни бляшки»²¹. Впрочем, первоначально шашки им были положены, но позже были заменены на кортики особого вида.

Форма учащихся различных учебных заведений никаких изменений не претерпела. Правда, по сведениям В. К. Некрасова, на базе Алексеевского реального училища была создана так называемая образцовая рота. Она была обмундирована в форму реалистов с добавлением желтых погон, на которых была шифровка

«О. Р. ». После кратковременной специальной подготовки реалисты из этой роты были выпущены прапорщиками.

А между тем военные действия на фронте продолжались. После ожесточенного боя у деревни Конопницы Екатеринбургский полк вплоть до начала февраля 1915 г.

**Рядовые пехотных полков
австрийской и германской армий
периода первой мировой войны**

занимал в этом районе передовые позиции. Вместо вышедшего из строя Мольденгавера часть принял полковник Ярошевский²². Сразу после этого екатеринбуржцы выступили в Варшаву, где они были посажены в эше-

лоны и отправлены на юг — вначале на станцию Сток, а затем в город Новоград (ныне Новоград-Волынский). Здесь полк вошел в состав отряда генерал-майора А. Ф. Бендерова и 16 февраля совместно с другими частями атаковал противника. Стремительной атакой екатеринбуржцы захватили неприятельскую заставу у деревни Железна, а к вечеру немецкие части были выбиты и из самой деревни²³. В этом районе полк и оставался некоторое время, обороняя позиции, ведя артиллерийскую и ружейную перестрелку.

19 апреля 1915 г. германо-австрийские войска качали широкое наступление, направив основной удар в район Горлице. К сожалению, журналы боевых действий 37-го полка за апрель 1915 г. не сохранились. Известно только, что екатеринбуржцы приняли участие в заключительных этапах Горлицкой операции: с 1 по 5 мая полк занимал позицию между реками Скрода и Писса, ведя ружейную и пулеметную перестрелку, высылая партии разведчиков²⁴. 5 мая он был отведен в резерв, но через неделю вновь возвращен на старые позиции. Примечательно, что во время короткой передышки между боями екатеринбуржцы отметили свой полковой праздник — день Троицы²⁵. Состоялось торжественное построение полка, приготовлен праздничный обед, а вечером ветераны вспоминали историю своей части, скорее всего, историю недавнюю, которая была особенно памятна многим, — русско-японскую войну, квартирование в Лодзи и Нижнем Новгороде, жестокие сражения первого года войны.

Заступив на позиции 13 мая, полк вел ружейную перестрелку, высылал партии разведчиков, иногда удавалось захватить пленных. С 22 мая начался сильный артиллерийский обстрел. Немецкие снаряды сотрясали землю, разрушали и засыпали окопы и блиндажи. Много было убитых и раненых. 25 мая полк был отведен в резерв, но 29-го вновь заступил на позиции, на этот раз в районе деревень Круша и Серафин, где он и оставался до начала июля 1915 г. 6 июня в полк прибыл новый командир — полковник Буров²⁶.

2 июля противнику удалось прорвать соседние с 37-м полком участки обороны русских войск — екатеринбуржцам пришлось спешно отходить: 6 июля они переправились через реку Нарев и заняли новые позиции по ее

левому берегу²⁷. Бои начали стихать. Это дало возможность екатеринбуржцам хорошенько заняться оборудованием новой позиции: копали траншеи в полный профиль, укрепляли окопы и блиндажи, выкапывали новые землянки. Ночью полковник Буров высылал за реку партии разведчиков. Но не успели солдаты как следует обжиться на новом месте, как полк был отведен на тыловую позицию, а 23 июля вновь отражал атаки противника. Эти атаки особенно усилились с 27 июля, когда екатеринбуржцы были вынуждены подняться в контратаку и с криком «ура!» ударить в штыки, чтобы отбросить от своих позиций немецкие цепи. Потери были ужасны: 4 офицера убито, 5 ранено и контужено, 4 пропали без вести. Общие потери среди нижних чинов составили 1300 человек²⁸. Совершенно обескровленный, полк был уже не в состоянии действовать как отдельная часть. Его подразделения временно вошли в состав 94-го пехотного Енисейского полка и под огнем противника отошли к деревне Лады-Полонье²⁹. Только с 1 августа екатеринбуржцев перевели в резерв отряда генерала Д. Н. Надежного, где они и были заново укомплектованы в деревне Тыкоцин³⁰. В начале августа Екатеринбургский полк был переведен в 10-ю армию Западного фронта и переброшен к Белостоку, откуда проследовал до станции Ландварово. После пешего марша 13 августа 1915 г. в районе деревни Курклишки-Валаршики он был развернут в боевой порядок и вступил в соприкосновение с неприятелем³¹.

В конце августа 1915 г. германское командование приступило к осуществлению прорыва русских армий в районе Вильно. 27 августа немецкие войска нанесли удар на стыке Северного и Западного фронтов и прорвали нашу оборону. Стремясь исправить создавшееся положение, командующий Западным фронтом А. Е. Эверт приказал командующему 10-й армией сосредоточить свои основные силы на правом фланге и отбросить противника. Поэтому в результате перегруппировки войск Екатеринбургский полк к 3 сентября был спешно переброшен по железной дороге на станцию Гудогай, юго-восточнее Вильно. Затем он вступил в деревню Чернишки, где и принял бой. Особенно упорными были схватки 14 сентября у деревни Осташков, где екатеринбуржцы совместно с 38-м Тобольским полком атаковали немец-

кие порядки и перешли в штыковую атаку. С этого дня началось преследование отступавшего противника, в ходе которого только за один день 18 сентября Екатеринбургский полк захватил 77 пленных и 1 пулемет³².

К 20 сентября линия фронта стабилизировалась. Хотя русским войскам и пришлось оставить значительные территории, прорыв был ликвидирован. Для полка начались окопные будни, которые разнообразились редкими перестрелками и вылазками разведчиков. 25 сентября в полк после выздоровления от ран возвратился командир полка полковник Буров³³.

Только 19 декабря полк был отведен в резерв в деревню Любки. Здесь было принято пополнение, а полк переведен из двухбатальонного в четырехбатальонный состав; в каждой роте был образован гренадерский взвод из отборных солдат, которые прошли жесткую школу штыковых атак и окопной жизни. Несмотря на холодную, а иногда и морозную погоду, полковник Буров не терял времени — он усиленно «обкатывал» пополнение, проводя непрерывные тактические учения. Действительно, передышка оказалась короткой — 9 февраля 1916 г. екатеринбуржцы вновь были на позициях — начались перестрелки, ночные поиски, окопная грязь, болезни, вши. Двое солдат из нового пополнения, только окунувшиеся в окопный быт, не выдержали его тягот и однажды ночью попытались перебежать к немцам. Они были пойманы и 18 февраля публично расстреляны³⁴.

В начале марта 1916 г. Екатеринбургский полк в составе войск 2-й армии Западного фронта перешел в наступление. 8 марта он, действуя совместно с 40-м пехотным Колыванским полком, стремительным броском занял две линии немецких окопов, в которых и закрепился. Однако потери полка оказались слишком большими: было убито 5 и ранено 11 офицеров, среди нижних чинов — 99 было убито, 668 ранено и 310 пропали без вести. Из строя выбыл и тяжело контуженный полковник Буров. Командование полком временно перешло к полковнику Вольнеру³⁵. После короткой передышки екатеринбуржцев вновь бросили в наступление. На этот раз они были встречены настолько сильным огнем, что, потеряв в общей сложности 159 человек, вынуждены были отойти, и полк был переведен в резерв³⁶.

15 апреля противник перешел в наступление на пози-

дни 10-й пехотной дивизии, в которую входили екатеринбуржцы. Натиск был настолько неожиданным и сильным, что создалась угроза захвата дивизионной артиллерии, а сама пехота начала беспорядочное отступление. В этот критический момент командование дивизии бросило в бой 37-й Екатеринбургский полк, который стоял в резерве. Быстро пройдя в колоннах среди отступавших солдат, екатеринбуржцы развернулись в цепи и скорым шагом под сильным огнем неприятеля бросились в атаку. Немцы не выдержали и подались назад, а Екатеринбургский полк закрепился на позиции в деревне Колодино. И хотя потери полка были весьма ощутимыми (418 человек), дивизия была спасена. 30 апреля 10-я дивизия в составе 5-го армейского корпуса была переведена в резерв главнокомандующего Западным фронтом, где екатеринбуржцы получили новое пополнение и недостающее оружие и обмундирование. Вновь начались тактические учения³⁷.

На рассвете 22 мая 1916 г. началось наступление Юго-Западного фронта, известное под названием Брусиловского прорыва. Развивалось оно вполне успешно, но постепенно стало выдыхаться, и 3 июня австро-германцы нанесли контрудар в направлении Луцка. Его удалось отразить и после перегруппировки сил вновь подготовиться к наступательным действиям. К этому времени 37-й Екатеринбургский полк был уже переброшен в расположение войск Юго-Западного фронта и перешел в распоряжение командира 45-го армейского корпуса. С рассветом 21 июня екатеринбуржцы переправились через реку Стирь, атаковали противника и заняли его позицию у деревни Новоселки. В этом бою был смертельно ранен командир 1-го батальона полковник Вольнер, общие потери полка составили 402 человека³⁸. В последующие дни полк отразил несколько атак австрийцев и 3 июля повел наступление вместе с 50-й пехотной дивизией. Екатеринбургцы прорвали оборону противника и зашли ему в тыл. В этот день Екатеринбургским и Томским полком совместно было взято в плен 45 офицеров и 2350 нижних чинов австрийской армии, захвачено большое количество оружия. Но и потери Екатеринбургского полка были очень большими — 3 офицера убито, 5 — ранено; нижних чинов: убито 49, ранено 428, пропало без вести 94³⁹.

К началу сентября фронт стабилизировался. Операция генерала А. А. Брусилова, в которой отличился и 37-й полк, закончилась. Вновь начались позиционные действия — ружейная и артиллерийская перестрелка, поиски разведчиков, тактические учения во время нахождения в резерве и прочее⁴⁰.

Февраль 1917 г. Екатеринбургский полк встретил в окопах у деревни Белицк в районе 34-го корпуса, входя в состав Особой армии Юго-Западного фронта⁴¹.

К концу 1916 г. экономическое и политическое положение в России резко обострилось. Война, приняв затяжной характер, быстро поглощала экономические и людские ресурсы страны. Росло влияние левых партий, в том числе большевиков. Не остался в стороне от этих общих для страны процессов и Екатеринбург. К тому времени в Екатеринбургском гарнизоне (состоял из 124-го полка 32-й пехотной запасной бригады, 108-го, 126-го и 149-го полков 47-й пехотной запасной бригады, 698-й пешей дружины 56-й бригады 3-го корпуса ополчения, саперных рот, ряда местных команд и управлений 47-й бригады и уездного воинского начальника — всего 41 тысяча человек⁴²) активно действовали многие большевики, ведя революционную пропаганду среди солдат: П. М. Быков (прапорщик 124-го запасного пехотного полка), И. М. Малышев, Я. М. Юровский (фельдшер хирургического отделения екатеринбургского госпиталя) * и другие. Почва для их работы была благодатная. Как доносил в 1916 г. екатеринбургский полицмейстер, солдаты «дурно настроены и открыто говорят, что усмирять не пойдут и в своих братьев стрелять не будут»⁴³. В начале 1917 г. приближение революционной развязки было уже очевидным, и екатеринбургская полиция стала разрабатывать «мероприятия для предупреждения и подавления беспорядков». Был составлен план, который предусматривал особую дислокацию полицейских и воинских сил и другие действия, начиная от «наблюдения за настроением населения и действий чинов полиции при первых признаках восстания до вызова войск и расстрела»⁴⁴.

---

* Одна из фотографий Юровского, сделанная в 1916 г., свидетельствует, что он некоторое время числился в составе ополченческой дружины (на тулье фуражки виден ополченческий крест).

В конце февраля 1917 г. массовые антиправительственные выступления солдат и рабочих захлестнули улицы Петрограда. В России произошла буржуазно-демократическая революция. 2 марта в зашторенном вагоне на станции города Пскова император Николай II подписал акт об отречении от престола.

А в это время в Екатеринбурге перед зданием городской тюрьмы собрались демонстранты, которые несли красные знамена и простые алые полотнища, на груди у многих были приколоты красные банты⁴⁵. Все политические заключенные были немедленно освобождены. Вскоре после этого в здании городского театра состоялся митинг. Все были радостны, возбуждены, пели революционные песни. Всюду мелькал красный цвет — цвет революции. Даже полицейские нацепили на руки красные повязки⁴⁶. В тот же день, 2 марта, комитет большевистской партии распределил по воинским частям агитаторов, вынес решение провести солдатские митинги и арестовать жандармов. Что касается полицейских, то вскоре они были зачислены в местные воинские команды для последующей отправки на фронт. На фронт должны были отправиться и бывшие жандармы. Но это произошло только в июне 1917 г.⁴⁷ После февральской революции охрану общественного порядка в городе взяла на себя милиция, созданная комитетом общественной безопасности, который представлял из себя орган буржуазной власти. К сожалению, сведений об одежде екатеринбургской милиции нам найти не удалось. Но по всей видимости, как в большинстве других городов, отличием служила только нарукавная повязка с буквами «Г. М.» («гражданская милиция»).

В марте 1917 г. в Екатеринбурге стали возникать Советы: 11 марта Совет солдатских депутатов, 19 марта — Совет рабочих депутатов. Чуть позже произошло объединение их в единый Совет, председателем исполкома которого стал П. М. Быков. На фотографии членов исполкома, сделанной в марте, в центре группы видим широкоплечего военного в гимнастерке с нагрудными карманами и роговыми пуговицами, на плечах у него полевые погоны прапорщика, на ногах сапоги с заправленными в них казенными солдатскими шароварами защитного цвета. Это Быков. Кроме Быкова на снимке и другие военные — все они в гимнастерках с

роговыми или металлическими пуговицами, на некоторых брюки не защитного, а темно-зеленого цвета, на погонах унтер-офицеров поперечные нашивки (вероятно, красные и желтые). У одного из прапорщиков на правом кармане виден плохо различимый знак. Скорее всего, это знак окончания высшего учебного заведения. Так зарождалась в Екатеринбурге новая власть — ее представители были в погонах солдат, унтер-офицеров и прапорщиков.

Февральская революция принесла с собой начало демократизации порядков в армии. Наряду с чисто внешними нововведениями (отмена названия «нижние чины», принятие новой присяги и т. д.) стали создаваться солдатские комитеты, приобретающие все большую роль в армейской жизни, и проводиться выборы командного состава. Так, в одном из запасных полков екатеринбургского гарнизона (126-м) достаточно быстро удалось заменить командира полка, монархиста полковника Соколова (солдат, принесших в казарму известие о низложении Николая II, Соколов приказал высечь), прапорщиком Н. Н. Бегишевым.

Начались выборы солдатских комитетов и на фронте. В апреле они прошли в частях 11-й армии Юго-Западного фронта, куда входил 37-й Екатеринбургский пехотный полк. Во многие комитеты частей 11-й армии вошли большевики, но только не в 10-й дивизии, где были екатеринбуржцы. Закаленный во многих боях, Екатеринбургский полк продолжал являть собою в высшей степени дисциплинированную, крепкую часть, не подверженную «революционному разложению». В апреле 1917 г. два члена Государственной думы П. М. Шмаков и А. М. Масленников приехали в распоряжение 5-го армейского корпуса, чтобы на месте оценить настроения фронтовых частей и оказать давление на солдатские комитеты. По всей видимости, они встречались и с комитетом Екатеринбургского полка. Общее впечатление от посещения ими 5-го корпуса было отрядным — солдаты готовы были вести войну до победного конца⁴⁸. Но ситуация в 11-й армии в целом была более тревожной: председателем армейского комитета был избран большевик прапорщик 13-го Финляндского стрелкового полка Н. В. Крыленко, а на позициях ряда полков произошли братания с солдатами неприятеля.

Заметным событием в жизни Екатеринбурга стала Первомайская демонстрация 1917 г. Почти полным составом воинские части гарнизона вышли на улицы, чтобы вместе с трудовым населением города выразить приверженность идеалам революционного обновления. Немало было красных знамен и транспарантов, на груди у многих алели красные банты. Фотограф донес до нас эпизод этой памятной демонстрации: впереди движется военный оркестр, большинство солдат в гимнастерках, но кое-где видны и шинели, на всех полевые фуражки с кокардами, на плечах полевые погоны (шифровка на них не просматривается). По воспоминаниям К. И. Наумова, среди демонстрантов из гражданского населения часто мелькали красные рубахи, а кое-кто из союза кустарей и ремесленников надел даже красные бархатные штаны⁴⁹. В этой демонстрации приняли участие и военнопленные — можно было увидеть серые мундиры, шинели, кепи и бескозырки пленных австрийцев и немцев.

Между тем среди солдат быстро возрастало влияние эсеров. 10 мая 124-й полк собрался у здания, где происходило заседание Совета, и солдаты потребовали его перевыборов. Странник эсеров унтер-офицер Савельев заявил: «Если в Екатеринбурге останется старый Совет, то можно ожидать объединения Уральской республики с президентом Лениным. Чего Екатеринбургский гарнизон не желает и чему решительно воспротивится»⁵⁰. Вскоре состоялись перевыборы Совета. Большинство теперь получили сторонники партии социалистов-революционеров, а эсер поручик Павловский сменил Быкова на посту председателя исполкома. Явное поражение большевиков на выборах в Совет заставило их спешно активизировать работу в солдатской среде. Для этого была создана военная организация большевиков во главе с А. И. Парамоновым. Уже 25 мая большевики участвовали в митинге солдат в Оровайских казармах, а 26-го организовали митинг в 108-м запасном полку⁵¹.

Постепенно, по мере того как буржуазное правительство все больше проявляло несостоятельность, настроения солдатских масс менялись. Участились случаи дезертирства, неподчинения начальству: солдат устал. Именно в этот момент Временное правительство начало широкое наступление на фронте. Уже в первый день наступления в атаку была брошена пехота 11-й армии.

Однако вскоре наступательный порыв русских войск выдохся, а 6 июля германцы осуществили контрудар. Фронт 11-й армии был быстро прорван и русские части начали поспешное отступление. 8 июля, отбивая атаки немцев и неся большие потери, 37-й Екатеринбургский полк оказался в окружении. Казалось, все погибло: соседние части уже отошли со своих позиций, в тылу полка показались немецкие цепи, а на головы солдат германская артиллерия обрушила град снарядов. В этот критический момент командир полка полковник Эльберт проявил завидную выдержку и распорядительность. Столь же блестяще вели себя офицеры и солдаты полка. Сконцентрировав оставшиеся силы и совершив смелый маневр, екатеринбуржцы вырвались из германского окружения и соединились с другими частями русской армии⁵².

Отойдя за реку Серет, полк занял позицию у деревни Застава. Однако неприятель продолжал наседать, и екатеринбуржцы еще не раз в эти дни поднимались в атаку. Всего с 6 по 12 июля полк потерял 19 офицеров и 676 солдат. К 12 июля остатки 10-й дивизии отошли на восточный берег реки Гнезна, и 37-й полк расположился в районе деревни Вялоскурка⁵³. После этого на Юго-Западном фронте наступило затишье. Военные действия почти не велись.

Однако недовольство солдатских масс положением в стране и продолжавшейся войной нарастало. В течение июля 1917 г. все четыре запасных полка Екатеринбургского гарнизона принимают большевистские резолюции о переходе власти в руки Советов. А с конца августа начался быстрый рост отрядов екатеринбургской Красной гвардии. Как и в других городах, никакой особой униформы для красногвардейцев не предусматривалось. Одежда представляла из себя смесь полувоенного с гражданским платьем. Трудно было и с вооружением: оно было разнокалиберное, часто проржавевшее и почти все устаревших систем.

Одним из руководителей создания Красной гвардии в Екатеринбурге стал балтийский матрос П. Д. Хохряков, командированный с этой целью ЦК партии большевиков. Он сразу обращал на себя внимание черной бескозыркой с белыми кантами, по околышу которой шла лента с надписью: «Заря свободы», черным морским

бушлатом, из-под которого виднелся полосатый тельник и черная рубаша с морским воротником. Активную помощь Хохрякову оказывал отряд кронштадтских моряков из состава гвардейского экипажа. На них была такая же форма, как у Хохрякова, но с иной надписью на ленте (сама лента, вероятно, была Георгиевской, то есть желто- или оранжево-черной). «... Пошлем вас по уральским заводам организовывать Красную гвардию, — вспоминал один из матросов А. Старостин слова Хохрякова. — У вас на ленточках написано «Гвардия», а мы добавим еще слово «Красная»⁵⁴.

К октябрю 1917 г. влияние большевиков среди солдат Екатеринбурга было определяющим, хотя эсеры продолжали упорное сопротивление, особенно в 126-м полку. Любопытно, что неоднократно во время митингов в полках, с тем чтобы сорвать их, эсеры одновременно организовывали выдачу того или иного обмундирования⁵⁵.

15—25 октября состоялись новые выборы в Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов. Они принесли полную победу большевикам — 219 голосов (эсеры получили 91 голос, беспартийные — 29). Большевизация Советов по всей стране стала массовой. ЦК партии большевиков принимает решение о захвате власти Советами.

В ночь на 26 октября в Екатеринбург по железнодорожному телеграфу пришло две телеграммы, о которых сразу стало известно в горкоме большевистской партии. Одна телеграмма сообщала, что ВРК, «созданный исключительно Петроградским Советом», взял власть в свои руки, и вторая — о взятии Зимнего дворца и аресте Временного правительства. Утром состоялось экстренное заседание исполкома Екатеринбургского Совета. Исполком объявил себя единственной властью в городе и сместил комиссара Временного правительства поручика Толстоухова. Совет взял на себя охрану общественного порядка, который должен был осуществляться красногвардейцами. К начальнику гарнизона полковнику Марковцу были назначены три комиссара Совета, без подписи которых все приказы по гарнизону были недействительны⁵⁶.

Утром 26 октября на Коковинской площади (на месте нынешнего Центрального рынка) состоялся митинг солдат гарнизона. На нем впервые Павел Хохряков, и

Яков Юровский объявили о победе большевистского восстания в Петрограде и о переходе всей власти к Советам. Известие об этом солдаты приняли с восторгом. Справедливости ради следует отметить, что радость солдат гарнизона была обусловлена еще и тем, что ранее ожидалась отправка на фронт революционно настроенных солдат — теперь же это распоряжение отменялось.

В 7 часов вечера в здании городского театра открылось экстренное заседание Екатеринбургского Совета. Зал был набит битком. Всюду можно было видеть солдатские шинели — это были делегаты от полковых комитетов и просто солдаты гарнизона. Порядок поддерживали молодые безоружные красногвардейцы Верх-Исетска⁵⁷. Участник событий большевик К. И. Наумов вспоминал, что собрание открыл известный в городе адвокат, председатель бюро Уралобкома партии большевиков Н. Н. Крестинский. Он торжественно объявил о провозглашении Советской власти и об избрании Вторым съездом Советов нового правительства во главе с Лениным⁵⁸. Затем были многочисленные выступления — широкоплечего матроса Хохрякова, Якова Юровского — «в солдатской гимнастерке, туго перетянутой ремнем... И особенно волнующим моментом собрания в оперном театре были выступления представителей полковых комитетов. Четким шагом они поднимались на сцену, и каждый, став по-военному, «во фрунт», от имени своей части заверял Советскую власть, что солдаты передают себя в ее распоряжение и выражают ей полное доверие»⁵⁹. Завершилось собрание пением «Интернационала».

13 ноября верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко направил парламентариев к немецкому командованию, которое дало согласие вступить в переговоры о перемирии. Ружейная и артиллерийская стрельба прекратилась по всему фронту. С надеждой и некоторой растерянностью (неужто проиграли войну немцу!) ожидали солдаты 37-го Екатеринбургского полка в окопах под деревней Жеребки-Хмелиска результатов мирных переговоров с немцами.

В январе 1918 г. вместе с другими фронтовыми частями екатеринбуржцы были отправлены в центральные районы России. 18 февраля полк прибыл в Нижний Новгород, откуда в августе 1914 г. был брошен в кровавую

мясорубку. Остался ли в полку кто-либо, помнивший это недавнее и такое далекое событие? Вероятно, только единицы⁶⁰. В марте 1918 г., как и другие части Нижегородского гарнизона, 37-й Екатеринбургский пехотный полк был расформирован, Преемниками его имени стали как части Красной Армии, так и армии адмирала А. В. Колчака. Но если отрывочные сведения о красных полках, носивших имя Екатеринбургских, иногда встречались в нашей литературе⁶¹, то материалы о колчаковцах только начинают открываться. Особый интерес вызывает 25-й Екатеринбургский полк горных стрелков, сформированный в нашем городе полковником Торейкиным осенью 1918 г. Отличившись во многих боях, он стал называться 25-м Екатеринбургским адмирала Колчака полком и как проявление особого расположения верховного правителя получил белые погоны с черным адмиральским орлом и литерами «А. К. » славянской вязью желтого цвета⁶².

Армия, как и вся страна, раскалывалась надвое. Приближалась гражданская война, а с ней и новая эпоха «Екатеринбурга в мундире».

Наттье Ж. М. Портрет Петра Великого. Репродукция с оригинала 1717 г.

Наттье Ж. М. Портрет Екатерины Алексеевны, будущей императрицы Екатерины I. Репродукция с оригинала 1717 г.

Неизвестный художник. Портрет
В. Н. Татищева. Копия с оригина-
ла XVIII в. (Из фондов СГИКМ.)

Неизвестный художник. Портрет генерала
В. И. де Геннина. Копия 1854 г. А. Малев-
ского (установлено Н. А. Гончаровой) с ори-
гинала 40-х гг. XVIII в. (Из фондов СГИКМ.)

Обер-офицер артиллерийского полка. 1720—1728 гг. Реконструкция по материалам А. В. Висковатова

Артиллерийский генерал (возможный вариант). 20-е гг. XVIII в. Реконструкция

Рядовые (в строевой и рабочей
одежде) и барабанщик Тоболь-
ского гарнизонного полка. 1723 г.

Реконструкция по материалам
А. В. Висковатова

Фузелер (конец 20-х гг. XVIII в.),
офицер и рядовой (с 1732 г.) Гор-
нощнтской драгунской роты.

(Предполагаемый вариант.) Ре-
конструкция

Фузелер, капрал и офицер Ека- теринбургской артиллерийской команды. Начало 30-х гг. XVIII в.
Реконструкция

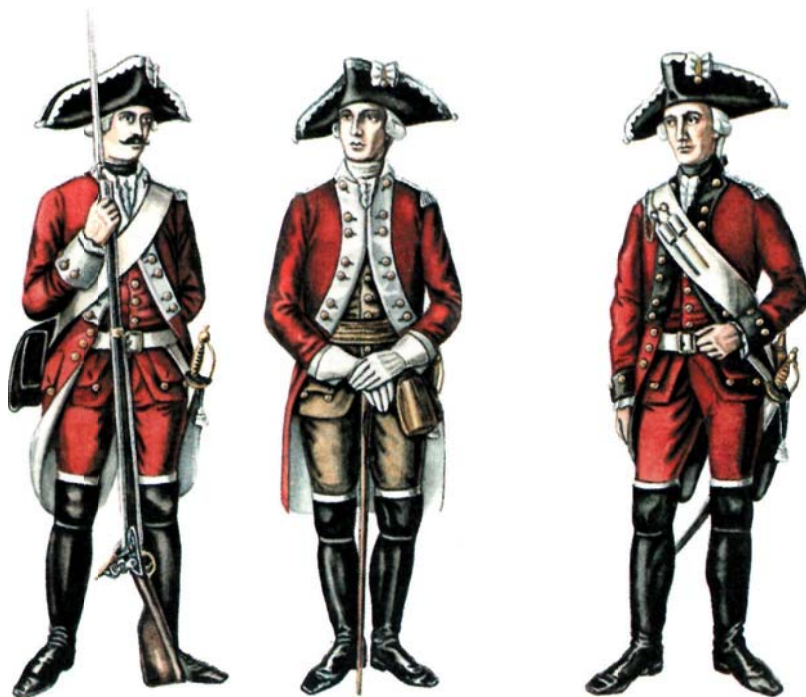

Рядовые пехотной роты Екатеринбургского гарнизона (с 1732 г.) в рабочей и строевой одежде и ря-

довой 2-й пехотной роты Екатеринбургского гарнизона (начало 40-х гг. XVIII в.). Реконструкция

Неизвестный художник. Яицкие казаки. Репродукция с раскрашенной гравюры начала XIX в.

Мушкетер и офицер 1-й Екатеринбургской горной роты и канонир Екатеринбургской артиллерийской

команды. Вторая половина 60-х 80-е гг. XVIII в. Реконструкция

Мушкетер (в походной форме),
ober-офицер (в парадной строе-
вой форме) и сержант grenadier-

ской роты пехотного полка. 1763—
1786 гг. По материалам А. В. Ви-
сковатова

Рядовой и офицер штатной коман-
ды Пермского наместничества.

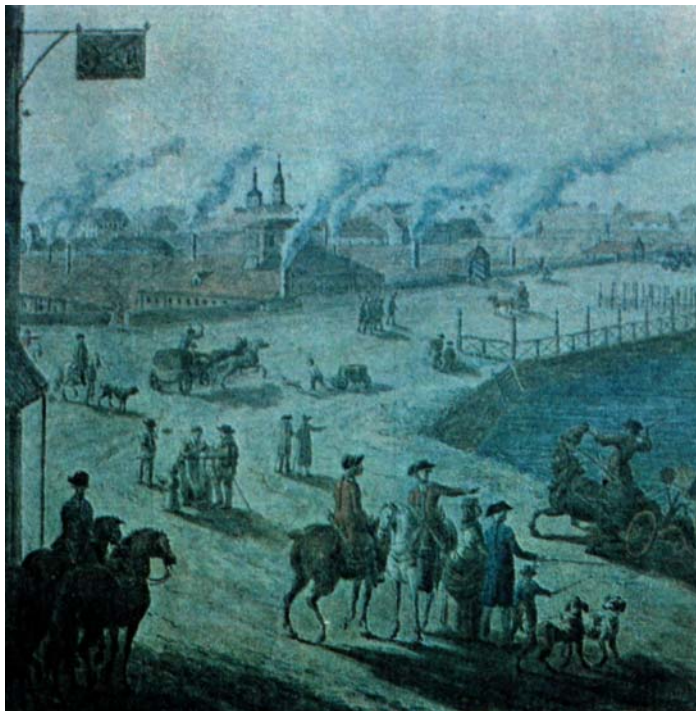
1787—1796 гг. По материалам
А. В. Висковатова

Чиновник Пермской губернии
(1784—1798 гг.) и горный чиновник

(70—90-е гг. XVIII в.). Рекон-
струкция по изображениям XVIII в.

Петров В. П. Екатеринбург. 1789 г. Репродукция с оригинала. Фрагмент. (Из фондов СГИКМ.) В центре — два конных офицера 1-й Ека-

теринбургской горной роты (?) и чиновник Пермской губернии (в голубом кафтане)

Мушкетер, обер-офицер и мушкетерский сержант Екатеринбургского мушкетерского (генерал-майора Певцова) полка. 1798 г. По материалам А. В. Висковатова

Генерал, гренатер и гренатерский
барабанщик Екатеринбургского
мушкетерского (генерал-майора

Певцова) полка. 1798 г. По мате-
риалам Л. В. Висковатова

Чиновники в губернских мундирах
Пермской губернии (образца 1798—
1799 г., 1808 г. и 1824 г.). Рекон-

струкция по изображениям конца
XVIII — начала XIX в.

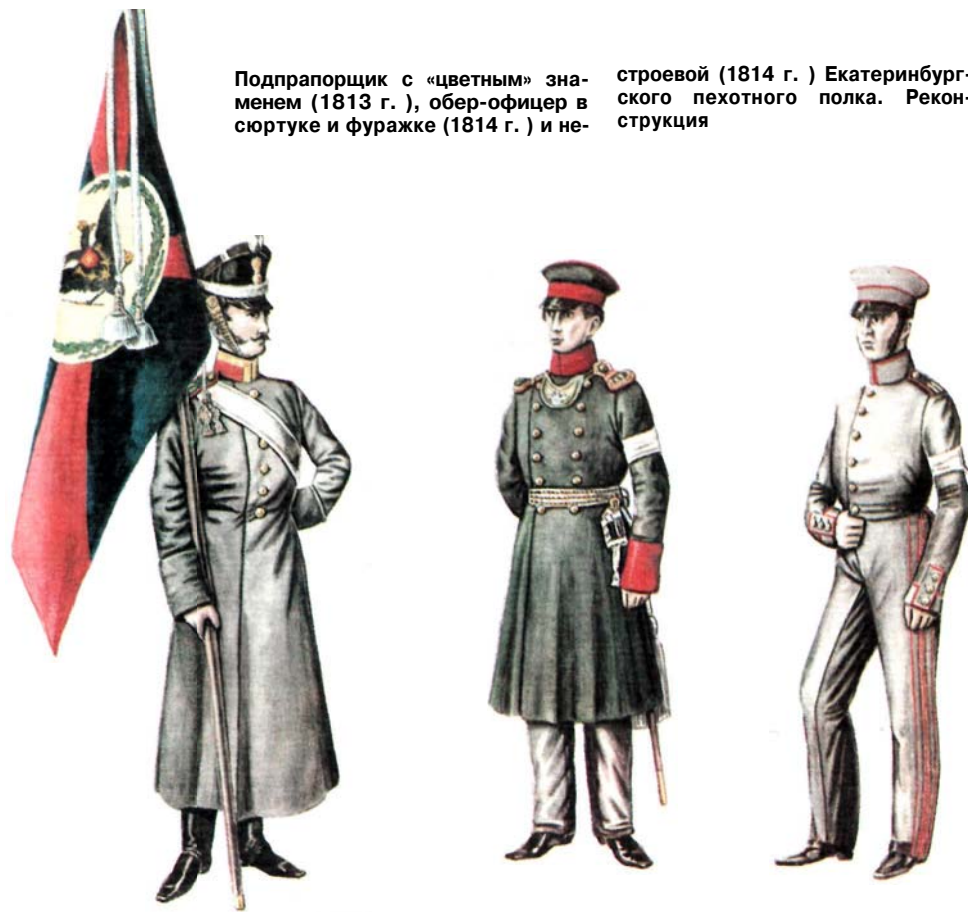

Унтер-офицер гренадерской роты в полной летней форме (1812 г.),
овер-офицер мушкетерской роты в походной форме (1812 г.) и пол-

ковой барабанщик в парадной
зимней форме (1813 г.) Екатеринбургского пехотного полка. Реконструкция

Подпрапорщик с «цветным» знаменем (1813 г.), обер-офицер в сюртуке и фуражке (1814 г.) и не-

строевой (1814 г.) Екатеринбургского пехотного полка. Реконструкция

Чиновник горного ведомства (1804—1826 гг.), чиновник монетного ведомства в сюртуке (1804—1826 гг.)

и почтмейстер (с 1820 г.). Реконструкция

Рядовой Екатеринбургской штатной команды (1809—1811 гг.— ?), рядовой Екатеринбургской уездной инвалидной команды (1811—

1815 гг.) и обер-офицер Екатеринбургской уездной инвалидной команды (1811—1815 гг.). По материалам А. В. Висковатова

Рядовой, унтер-офицер и обер-офицер 2-го горного батальона (1821—1825 гг.). Реконструкция с

использованием материалов А. В. Висковатова

Доу Дж. (?). Портрет Александра I
в мундире лейб-гвардии Гусарско-
го полка. Конец 10-х — середина
20-х гг. XIX в. (Из фондов СММИ.)

Доу Дж. Портрет А. Н. Бахметьева. Репродукция с оригинала. В 1812 г. генерал-майор Бахметьев командовал 23-й пехотной дивизией, в которую входил Екатеринбургский полк

Рядовой, унтер-офицер и обер-офицер 14-го Оренбургского линейного батальона (1834—1837 гг.).

Реконструкция с использованием материалов А. В. Висковатова

Барabanщик в фуражной шапке (1837—1855 гг.), унтер-офицер (1843—1844 гг.) и обер-офицер (1844—1855 гг.) 8-го Оренбургско-

го линейного батальона. Реконструкция с использованием материалов А. В. Висковатова

Штаб-офицер корпуса горных инженеров в сюртуке (с 1834 г.), горный чиновник в чине обер-

офицера (с 1833 г.) и горный чиновник в сюртуке и фуражке (с 1833 г.). Реконструкция

Канцелярский служитель 3-го и 4-го разрядов горного ведомства в белых полотняных брюках (с 1833 г.), штаб-офицер корпуса

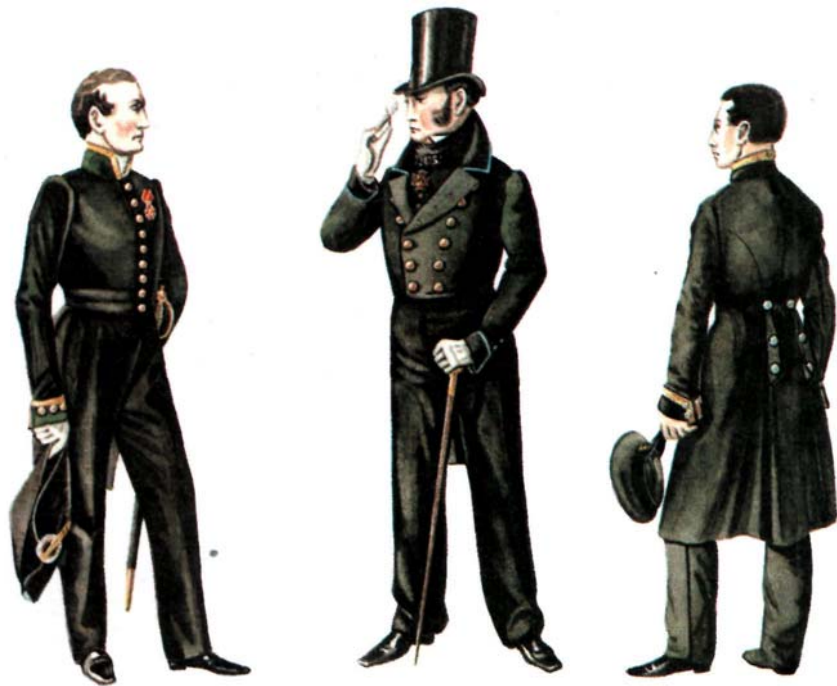
лесничих (с 1839 г.) и нижний чин лесной стражи в шинели и фуражке (с 1839 г.)

Неизвестный художник. Портрет
Г. А. Иосса, видного горного дея-
теля. Гравюра второй половины
XIX в. (Из фондов СГИКМ.)

Чиновник министерства юстиции в парадном мундире IX разряда (1834—1855 гг.), чиновник заведений императрицы Марии Федо-

ровны в мундирном фраке (1834—1855 гг.) и канцелярский служащий министерства внутренних дел (1834—1855 гг.). Реконструкция

Неизвестный художник. Портрет Я. М. Рязанова, екатеринбургского городского головы в 1841—1844 гг., в мундирном кафтане с шитьем VIII разряда министерства внутренних дел. Середина XIX в. (Из фондов СГИКМ.)

Неизвестный художник. Портрет неизвестного купца в мундирном кафтане с шитьем V или VI разряда министерства финансов. Вторая половина XIX в. (!). (Из фондов СММИ.)

Неизвестный художник. Портрет генерал-лейтенанта В. А. Глинки. 1842—1848 гг. (!) Репродукция с оригинала, хранящегося в фондах СГИКМ

Корзухин А. И. Портрет генерала от артиллерии В. А. Глинки. Середина XIX в. (Из фондов СММИ.)

Рядовой в шинели и фуражной
шапке, обер-офицер в шинели и
обер-офицер в парадной форме

Екатеринбургского пехотного пол-
ка. 1854—1855 гг. Реконструкция

Обер-офицер корпуса горных инженеров (вторая половина 50-х гг. — 1867 г.), обер-офицер корпуса лесничих (вторая половина 50-х гг. —

1867 г.) и классный чин горного ведомства в вице-полукафтane (конец 50-х гг. — 1867 г.). Реконструкция

Помощник полицмейстера (1864—
1867 гг.), унтер-офицер городской
полиции (1867—1884 гг.) и горо-

довой в шинели (1884—1892 гг.).
Реконструкция

Обер-офицер, рядовой и унтер-офицер в походной форме (до 1894 г.) 37-го Екатеринбургского пехотного полка. 1881—1907 гг.
Реконструкция

Рядовой 214-го Мокшанского резервного батальона в гимнастерке (1903 г.), младший тюремный надзиратель (1885—1886 гг.) и

чиновник тюремного ведомства VI—VIII классов (1885—1886 гг.).
Реконструкция

Воротник и обшлаг парадного полукафтана горного ведомства с шитьем VI разряда. 1867–1917 гг. (Из фондов СГИКМ.)

Шляпа гражданского чиновника V – XIV классов. Отсутствует петлица и пуговица. Конец XIX – начало XX вв. (Из фондов СГИКМ.)

Обшлаг парадного полукафтана чиновника судебного ведомства с шитьем II – V разрядов. Конец XIX – начало XX вв. (Из фондов СГИКМ.)

**К. В. Церпицкий, в 1892—1895 гг.
был командиром 37-го Екатеринбургского полка**

**Р. Н. Флейшер, в 1895—1902 гг.
командир 37-го Екатеринбургского
пехотного полка**

Форменные пуговицы. Верхний ряд (слева направо): инженерных и железнодорожных войсковых частей либо лейб-гвардии саперного батальона; шефских частей (начало 60-х — начало 80-х гг. XIX в.); пуговицы с общегосударственным гербом (армейские и гвардейские части, чиновники, состоящие на службе в ведомствах центрального подчинения и т. д.);

гренадерская артиллерия; гренадерские части; гренадерская артиллерия.

Нижний ряд (слева направо): лацканная пуговица с общегосударственным гербом; гусарский «костылек» («бомбочка»); министерства путей сообщения; судебного ведомства; чиновника Пермской губернии. (Из частного собрания.)

Неизвестный художник. Портрет А. А. Иосса, видного горного деятеля, возглавлявшего в 1864—1870 гг. Уральское горное правление. Литография А. Э. Мюнстера. Середина 90-х гг. XIX в. (Из фондов СГИКМ.)

Екатеринбургский полицмейстер Ключников. Начало XX в. (Из фондов СГИКМ.)

А. П. Протасов, начальник Екатеринбургских казенных заводов, в мундире горного ведомства с генеральскими плечевыми знаками. Екатеринбург, 1881 г. (Из фондов СГИКМ.)

Н. С. Жебелев, горный инженер, в сюртуке коллежского секретаря горного ведомства. Екатеринбург, конец XIX в. (Из фондов СГИКМ.)

Ф. Ф. Сыромолотов в форме учащегося Екатеринбургского горного училища. 80-е гг. XIX в. (Из фондов СГИКМ.)

С. Г. Турышев в форме учащегося Екатеринбургского горного училища. Конец XIX в. (Из частного собрания.)

**Л. С. Драверт, екатеринбургский
прокурор, в сюртуке действитель-
ного статского советника мини-
стерства юстиции. Вятка (?), 1910 г.
(Из фондов СГИКМ.)**

Служащие Екатеринбургской почтово-телеграфной конторы. Во втором ряду (справа налево):

А. А. Гущин и П. О. Клевакин. Екатеринбург, 1906—1910 гг. (Из фондов СГИКМ.)

Директор (дама в центре), классная дама, учителя (в мундире статского советника — Г. Т. Пушкарёв) и гимназистки 4-го класса «Д»

1-й Екатеринбургской женской гимназии. 1915 г. (Из частного собрания.)

Офицеры и нижние чины 195-го
Оровайского пехотного полка. Ека-
теринбург, 1913—1914 гг. (Из фон-
дов СГИКМ.)

Казармы 1-го и 4-го батальонов
37-го Екатеринбургского пехотно-
го полка. Лодзь, начало XX века.
(Из частного собрания.)

Унтер-офицер в походной форме,
рядовой в шинели и обер-офицер
в полевой форме 37-го Екатерин-

бургского пехотного полка. 1914—
1918 гг. Реконструкция

Полковой знак 37-го Екатеринбургского полка. (Из частного собрания.)

Мастер инженерной команды (!)
и рядовые одной из пехотных ча-
стей периода первой мировой
войны (в центре — И. А. Зем-
цов). (Из частного собрания.)

Ефрейтор одной из частей Екатеринбургского гарнизона (Н. И. Кузнецов). 1914—1918 гг. (Из частного собрания.)

Прапорщик 130-го Херсонского (!) пехотного полка. Екатеринбург, 1914—1918 гг. (Из частного собрания.)

Бывшие рабочие Верх-Исетского завода, мобилизованные в армию. Екатеринбург, 1915 г. (Из фондов СГИКМ.)

Унтер-офицеры 195-го Оровайского пехотного полка. Екатеринбург, 1914—1918 гг. (Из частного собрания.)

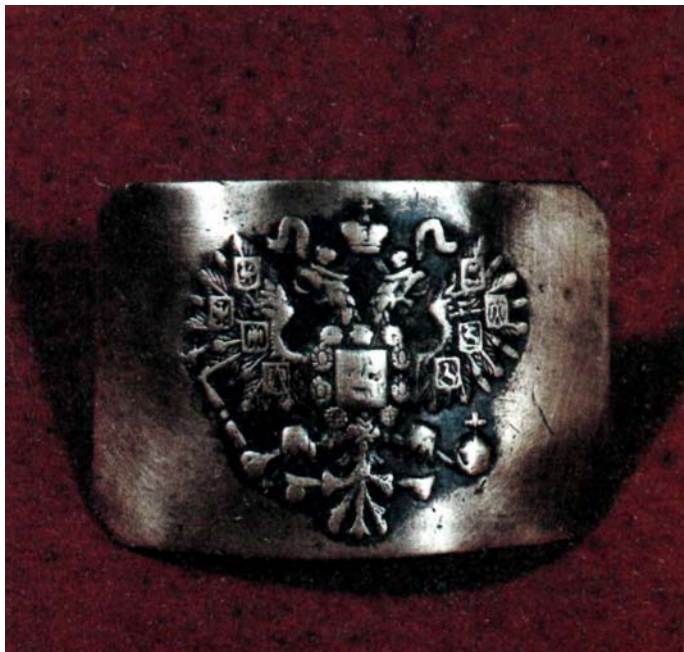

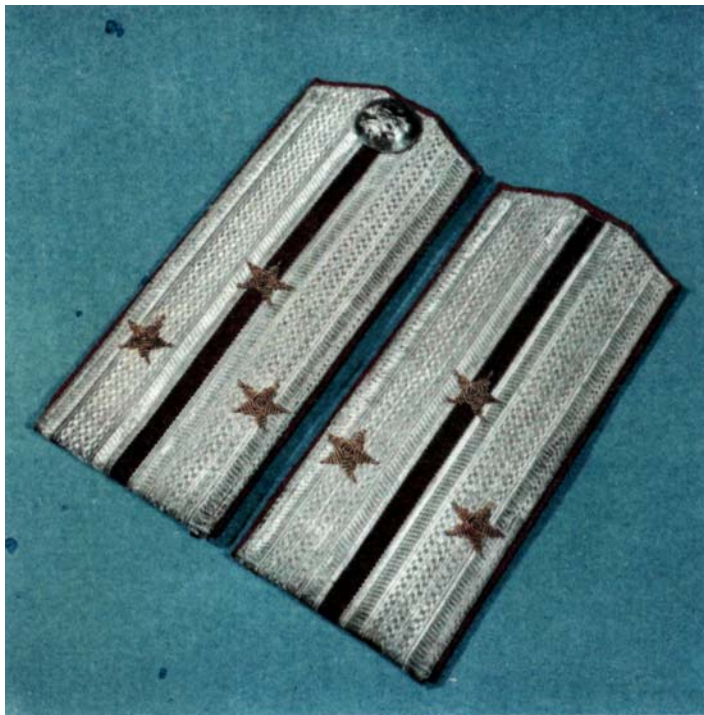

Прапорщик С. Г. Турышев в годы русско-японской войны 1904—1905 гг. С 1914 г. в чине поручика Турышев стал батальонным

адъютантом 195-го Оровайского пехотного полка. (Из частного собрания.)

Бляха образца 1907 г. поясного
ремня нижних чинов пехоты. (Из
частного собрания.)

Погоны сотника Уральского казачьего войска (?) Конец XIX — начало XX в. (?) (Из частного собрания.)

Учащийся екатеринбургского Алексеевского реального училища К. В. Некрасов (справа) и старший унтер-офицер конно-пулеметной команды Уссурийской конной бригады. Екатеринбург, 1916 г. (Из частного собрания.)

Чиновник министерства народного просвещения И. Г. Екенин в форменном кителе. Екатеринбург, 1916 г. (Из фондов СГИКМ.)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ

1. Город Екатеринбург. — Екатеринбург, 1889. — Т. 1. — С. 35.

ГЛАВА 1

1. Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830—1917 (далее — ПСЗ). — Собр. первое. — Т. 4. — С. 1; Коршунова Т. Т. Костюм в России XVIII — начала XX века. — Л., 1979. — С. 7.
2. ПСЗ — Собр. первое. — Т. 4. — С. 182, 272—273; Коршунова Т. Т. — Указ. соч. — С. 7.
3. См.: Русский народный костюм. — Л., 1984. — С. 34—38; Киреева Е. В. История костюма. — М., 1976. — С. 56—59, 130—132.
4. Описано по кн.: Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. — СПб., Новосибирск, Ленинград, 1900—1948. — Т. 2, — С. 14—17.
5. Висковатов А. В. — Указ. соч. — Т. 2. — С. 16; Примеч. — С. 10—13; Бегунова А., Космолинский П. Военный костюм петровских времен // Советский музей. — 1988. — № 3. — С. 26—27.
6. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 2. — С. 17—30; Бегунова А. Путь через века: Фрагменты истории войска российского. — М., 1988. — С. 105, 108, 151.
7. См.: Васильев А., Космолинский П. И грянул бой // Наука и жизнь. — 1984. — № 7. — С. 35; Васильев А. Армия Карла XII под Полтавой (рукопись).
8. Шакинко И. М. Василий Татищев. — Свердловск, 1986. — С. 10.
9. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 2. — С. 30.
10. Кривоногов В. Я. Новое в жизни и деятельности В. Н. Татищева // Материалы к биографии В. Н. Татищева. — Свердловск, 1964. — С. 16.
11. П. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 2. — С. 29.
12. Кривоногов В. Я. Указ. соч. — С. 22, 26.
13. Там же. — С. 24.
14. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 2. — С. 11.
15. Там же — С. 32—33.
16. Там же. — С. 33.
17. Бегунова А., Космолинский П. Военный костюм петровских времен. — С. 29; Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 2. — С. 46—47.
18. Коршунова Т. Т. Указ. соч. — С. 7.
19. Голендухин Л. Д. Начало организации горнозаводского управления на Урале в первой четверти XVIII века // Материалы к биографии В. Н. Татищева. — С. 59.
20. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 2. — С. 34—35.
21. Там же. — С. 10.
22. ПСЗ. — Собр. первое. — Т. 7 — С. 505.
23. Очерки истории Свердловска. — Свердловск, 1958. — С. 9.
24. Там же.
25. Город Екатеринбург. — С. 3.

26. Столетие военного министерства. — Спб., 1902, — Т. 6. — Ч. 1. — Кн. 1. — С. 205.
27. Карпушенко С. В. О мундирном довольствии русских артиллеристов в Северной войне 1700—1721 гг. // Сборник исследований и материалов военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи — Л., 1990. — Вып. 5. — С. 94.
28. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 2. — С. 23.
29. Там же.
30. Столетие военного министерства. — Т. 6. — Ч. 1. — Кн. 1. — С. 206.
31. Злотников М. Ф. Первое описание Уральских и Сибирских заводов // Геннин В., де. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. — М., 1937. — С. 30.
32. См.: Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 2. — С. 20—21, 34.
33. Злотников М. Ф. Указ. соч. — С. 31.
34. Там же.
35. Очерки истории Свердловска. — 1958. — С. 10.
36. См.: Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 2. — С. 10, 72, 75.
37. Столетие военного министерства. — Спб., 1903. — Т. 4. — Ч. 1. — Кн. 2. — Отд. 3. Уставы и наставления. — С. 7—9.
38. Бегунова А. Путь через века. — С. 103.
39. Очерки истории Свердловска. — 1958. — С. 11.
40. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 2 — С. 35, 41—43.
41. Там же, — С. 26—27.
42. Там же. — С. 43—46.
43. См.: Очерки истории Свердловска. — 1958. — С. 15.
44. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 2. — С. 36.
45. Там же. — С. 23—24, 44.
46. Там же. — С. 22—23.
47. Там же. — С. 25.
48. Там же. — С. 62.
49. Там же. — С. 60.
50. Вилиибахов Г. В. Русские знамена XVI — первой четверти XVIII в. // Сценическая техника и технология: Научный информационный сборник. — 1983. — № 5. — С. 25.
51. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 2. — С. 60.
52. Бегунова А. Путь через века. — С. 166—167.
53. Очерки истории Свердловска. — Свердловск, 1973. — С. 16.
54. Очерки истории Свердловска. — 1958. — С. 14; Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО), ф. 24, оп. 1, д. 230, л. 325 об. — 326; Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 2 — С. 36, 41—42.
55. Очерки истории Свердловска. — 1958. — С. 14; Город Екатеринбург. — С. 47; Сборник документов по истории СССР. — М., 1973. — Ч. 5, — С. 61.
56. Цит. по кн.: Очерки истории Свердловска. — 1958. — С. 14.
57. Цит. по кн.: Город Екатеринбург. — С. 4.
58. Очерки истории Свердловска. — 1958. — С. 14—15.
59. Там же. — С. 15.
60. Там же. — С. 15.
61. Город Екатеринбург. — С. 4.
62. Там же. — С. 5.
63. Геннин В., де. Описание Уральских... — С. 435—436, ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2301, л. 234; д. 1422, л. 709.
64. ПСЗ., — Собр. первое. — Т. 6. — С. 489.
65. Геннин В., де. Описание Уральских... — С. 436.

66. См.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1423, л. 595; д. 2301, л. 327.
67. Сборник документов по истории СССР. — С. 65; Мартынов М. Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. — Б. М., 1948. — С. 84.
68. ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 3201, л. 324 об.
69. ПСЗ, — Собр. первое. — Т. 8. — С. 312; ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1422, л. 710.
70. ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2301, л. 325—325 об.
71. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 2. — С. 42—43.
72. ПСЗ. — Собр. первое — Т. 7. — С. 505.
73. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 2. — С. 42—43; ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1067, л. 513—514.
74. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 2. — С. 90—91; Т а н и ч е в А. А. Артиллерийский полк. 1728—1732. — М., 1988 (рукопись).
75. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 2. — С. 115—117, 127; Примеч. — С. 16.
76. Там же. — С. 122—124, 127.
77. Столетие военного министерства. — Т. 6. — Ч. 1. — Кн. 1. — С. 2051.
78. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России. 1700—1900 гг. — СПб., 1900. — С. 128.
79. ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2301, л. 324—324 об.; д. 1422, л. 710—710 об.
80. Там же, д. 1422, л. 710 об.
81. Там же, д. 1061, л. 513—514.
82. Там же, д. 1422, л. 710 об.
83. Там же.
84. Там же, д. 2301, л. 252, 325—327; д. 1422, л. 595.
85. Там же, д. 2301, л. 325—325 об.; д. 1067, л. 520 об.
86. Там же, д. 1067, л. 519.
87. Там же, л. 521 об.
88. Там же, л. 515.
89. Там же, д. 1423, л. 595.
90. Там же, д. 1422, л. 709.
91. Там же, л. 713.
92. См.: Очерки истории Свердловска. — 1958. — С. 21—22.
93. Цит. по кн.: Ш а к и н к о И. М. Указ. соч. — С. 185.
94. ПСЗ. — Собр. первое. — Т. 43. Книга штатов. — Отд. 4. Штаты гражданские. — С. 34.
95. Там же.
96. Там же. — С. 34—35.
97. ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2330, л. 498 об.
98. Там же, д. 1067, л. 513—514; Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 3. — С. 22—32; Б е г у н о в а А., К о с м о л и н с к и й П. От войны Северной до войны Семилетней//Советский музей. — 1988. — № 4. — С. 56—60.

ГЛАВА II

1. Цит. по кн.: Очерки истории Свердловска. — 1958. — С. 34.
2. Цит. по кн.: Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеях В. М. Пугачев и пугачевцы. — Л., 1974. — С. 144.
3. Цит. по кн.: Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеях В. М. Указ. соч. — С. 20.
4. Дубровин Н. Пугачев и его сообщники. — СПб., 1884. — Т. 1. — С. 236.

5. См.: Там же. — С. 229—230, 247.
- 6 Висковатов А. В. — Указ. соч. — Т. 2, — С. 19—20.
7. Там же. — С. 21.
8. Цит. по кн.: Русский костюм. 1750—1830. — М., 1960. — Вып. 1. — С. 23—24.
9. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. — Л., 1966. — Т. 2. — С. 466—467.
10. Пушкин А. С. Капитанская дочка // Поли. собр. соч.: В 10 т. — М.; Л., 1950. — Т. 6. — С. 460.
11. Подробнее см.: Крестьянская война... — С. 478—505.
12. Дубровин Н. Указ. соч. — Т. 2. — С. 134—135; Бу га нов В. И. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. — М., 1976. — С. 214.
13. Цит. по кн.: Крестьянская война... — С. 477.
14. Там же. — С. 476.
15. Там же.
16. Дубровин Н. Указ. соч. — Т. 3, — С. 119, 235.
17. Там же. — Т. 2. — С. 141.
18. Там же. — Т. 3. — С. 30.
19. Там же. — С. 38, 39; Примеч. 1.
20. Пушкин А. С. История Пугачева // Поли. собр. соч.: 8 10 т. — М.; Л., 1951. — Т. 8. — С. 179.
21. Крестьянская война... — С. 469; Красный архив. — 1935. — № 2—3. — С. 230.
22. ПСЗ. — Собр. первое. — Т. 43. — Отд. 4. Штаты гражданские. — С. 70.
23. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 6. — С. 38.
24. Там же.
25. Крестьянская война... — С. 500.
26. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 6. — С. 14—17.
27. Пушкин А. С. Капитанская дочка. — С. 417.
28. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 4. — С. 49—57; Т. 5. — С. 35—36.
29. Там же. — Т. 4. — С. 76—78; Т. 5, — С. 36; Васильев А., Космолинский П., Передерни В. Русский военный мундир: что скрывается за деталью? // Советский музей. — 1985. — № 4. — С. 65.
30. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 5. — С. 29, 36—37.
31. Там же. — С. 37.
32. ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2300, л. 44, 249, 250, д. 2301, л. 239—330, 330 об., 438 об.; Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 4. — С. 8—9 45.
33. ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2301, л. 252—254, 302.
34. Там же, л. 253, 439—440.
35. Там же, л. 438 об.
36. Там же, л. 314—317, 329—330.
37. См.: Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 6. — С. 37—38.
38. ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2301, л. 302—302 об.
39. Мартынов М. Н. Пугачевский атаман Иван Белобородов. — Пермь, 1958. — С. 25.
40. Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеях В. М. Указ. соч. — С. 85.
41. Дубровин Н. Указ. соч. — Т. 2, — С. 337.
42. См.: Крестьянская война... — С. 292.
43. Дубровин Н. Указ. соч. — Т. 2. — С. 337—338; Брее А. Пугачевщина на Урале. — Екатеринбург, 1921. — С. 27—28.

44. Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеях В. М. Указ. соч. — С. 75.
45. Дубровин Н. Указ. соч. — Т. 2. — С. 335—336; Мартынов М. Н. — Указ. соч. — С. 26; Крестьянская война... — С. 313, 469.
46. Федоров Е. А. Каменный Пояс. — Киев, 1988. — Кн. 2. — С. 354—355.
47. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 4. — С. 82—84; Т. 5. — С. 40—41.
48. Мартынов М. Н. Указ. соч. — С. 26; Дубровин Н. Указ. соч. — Т. 2. — С. 41; Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеях В. М. Указ. соч. — С. 87.
49. Дубровин Н. Указ. соч. — Т. 2. — С. 351.
50. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 4 — С. 49—57, 60—62; Васильев А., Космолинский П., Передерни В. Указ. соч. — С. 65.
51. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 4. — С. 54—55.
52. Цит. по кн.: Мартынов М. Н. Указ. соч. — С. 31.
53. Дубровин Н. Указ. соч. — Т. 3. Примеч. 1. — С. 23—24.
54. Пушкин А. С. История Пугачева. — С. 229.
55. Столетие военного министерства. — Т. 4. — Ч. 1. — Кн. 2. — Отд. 3. Уставы и наставления. — С. 76—78.
56. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 4. — С. 85.
57. Столетие военного министерства. — Т. 4. — Ч. 1. — Кн. 2. — Отд. 3. Уставы и наставления. — С. 39.
58. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 4. — С. 96—99.
59. Там же. — Т. 5. — С. 5—17; Глинка В. М. Русский военный костюм XVIII — начала XX в. — Л., 1988. — С. 30. См. также: Космолинский П. Ф. Гусары Елизаветы Петровны. 1741—1762. — М., 1988 (рукопись).
60. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 5. — С. 52—62.
61. Цит. по кн.: Осипов К. Александр Васильевич Суворов — М., 1955. — С. 71.
62. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 4. — С. 83—84.
63. Пушкин А. С. История Пугачева. — С. 262.
64. Там же. — С. 348—350.
65. ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2300, л. 249—250.
66. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 4. — С. 12—13, 75.
67. Там же. — С. 75; Габеев Г. С. О старшинстве войсковых частей и хрониках гренадерских и пехотных полков. — СПб. 1914. — С. 34—35.
68. ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2301, л. 440—441.
69. Там же, л. 439—463.
70. Там же, л. 329—330.
71. ПСЗ. — Собр. первое. — Т. 43. Книга штатов. — Отд. 4. Штаты гражданские. — С. 258; ГАСО, ф. 56, оп. 1, д. 111, л. 4.
72. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 4. — С. 38—41.
73. ПСЗ. — Собр. первое. — Т. 43. Книга штатов. — Отд. 4. Штаты гражданские. — С. 258.
74. Там же. — С. 262—263.
75. Там же. — Т. 22. — С. 90.
76. Там же. — С. 91; Изображение губернских, наместнических, коллежских... мундиров. — М., 1794. — С. 5, 16.

ГЛАВА III

1. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. Н. — С. 71—72; Столетие военного министерства. — Т. 4. Введение. — СПб., 1902. — С. 293.
2. Цит. по кн.: Моран П. Павел I до восшествия на престол. — М., 1912. — С. 379.
3. Столетие военного министерства. — Т. 4. — Ч. 1. — Кн. 2. — Отд. 3. Уставы и наставления. — С. 126.
4. Моран П. Указ. соч. — С. 380.
5. Цит. по кн.: Столетие военного министерства. — Т. 4. Введение. — С. 224.
6. Эйдельман Н. Я. Грань веков. — М., 1982, — С. 132—133.
7. См.: Столетие военного министерства. — Т. 4. — Ч. 1. — Кн. 2. — Отд. 3. Уставы и наставления. — С. 123.
8. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 7. — С. 12; Маринов В. И. Краткая история (1796—1907 гг.) 37-го пехотного Екатеринбургского его императорского высочества великого князя Алексея Александровича полка. — Лодзь, 1907. — С. 1.
9. Маринов В. И. Указ. соч. — С. 1.
10. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. /. — С. 12—14.
11. Цит. по кн.: Бегунова А. Путь через века. — С. 246—247.
12. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 7, — С. 55—70, 76—77, 94; (Долгоруков С. Н.) Хроника российской императорской армии. — СПб., 1799. — № 79.
13. Там же. — С. 95—100; ПСЗ. — Собр. первое. — Т. 43. Книга штатов. Узаконения о мундирах. 1796—1801 гг. — С. 1—3.
14. Маринов В. И. Указ. соч. — С. 2.
15. Описано по кн.: Габаев Г. С. Роспись русским полкам 1812 года. — Киев, 1912. — С. 92, 170—171. См. также: Габаев Г. С. Документ о русских знаменах и прочих войсковых регалиях начала XIX в. (1803—1815): Опыт историко-иконографического описания. — СПб., 1911; (Долгоруков С. Н.) Указ. соч.
16. См.: Столетие военного министерства. — Т. 4. — Ч. 1. — Кн. 2. — Отд. 1. — СПб., 1902. — Прил. 1. — С. 12; Вехи истории. — Свердловск, 1973, — С. 24.
17. Описано по кн.: Столетие военного министерства. — Т. 4. — Ч. 1. — Кн. 2. — Отд. 3. Уставы и наставления. — С. 123—157; Глинка В. М. Указ. соч. — С. 35.
18. Описано по кн.: Энгельгардт Л. Н. Записки//Русские мемуары. — М., 1988. — С. 304—307.
19. Столетие военного министерства. — Т. 4. — Ч. 1. — Кн. 2. — Отд. 1. — Прил. 1. — С. 12.
20. Взято из: Город Екатеринбург. — Т. 1. — С. 20.
21. Столетие военного министерства. — Т. 4. — Ч. 1. — Кн. 1. — Отд. 1. — Прил. 6. — С. 49.
22. ГАСО, ф. 56, оп. 1, д. 134, л. 14.
23. Там же, л. 2—14.
24. Город Екатеринбург. — Т. 1. — С. 20.
25. ПСЗ. — Собр. первое. — Т. 43. Книга штатов. Узаконения о мундирах. 1796—1801 гг. — С. 5.
26. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 8, — С. 32—34.
27. Там же. — С. 52; Л. 1104.
28. ПСЗ. — Собр. первое. — Т. 43. Книга штатов. Узаконения о мундирах. 1796—1801 гг. — С. 10; Изображение всех статских мундиров для всех губерний. — М., 1798.
29. ПСЗ. — Собр. первое. — Т. 43. Книга штатов. — Отд. 4. Штаты гражданские. — С. 332—334.

30. Эйдельман Н. Я — Указ. соч. — С. 302.
31. ГАСО, ф. 56, оп. 1, д. 136, л. 233.
32. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 10. — С. 15.
33. Маринов В. И. Указ. соч. — С. 2.
34. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 10, — С. 195, 229.
35. Там же, — С. 196—203, 230, 241; ПСЗ. — Собр. первое, — Т. 43. Книга штатов. Узаколения о мундирах. 1801 — 1812 гг. — С. 63.
36. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 10, — С. 242—244, 206—208; Космолинский П. От Аустерлица до Тильзита // Советский музей. — 1989. — № 3. — С. 56—59.
37. Маринов В. И. Указ. соч. — С. 2.
38. Отечественная война 1812 г. Материалы военно-ученого архива: В 21 т. — СПб., 1900—1914 (далее — Отечественная война). — Т. 1. — Ч. 2. — С. 7.
39. Там же. — С. 244; Т. 4. — С. 145.
40. Там же. — Т. 4. — С. 134; Т. 9. — С. 132; Т. 10. — С. 172—173; Т. П. — С. 57—59, 162.
41. См.: ПСЗ. — Собр. первое. — Т. 31, — С. 420—427, 555—558; Отечественная война 1812 г. — Т. 17. — С. 12—13; Висковатов В. А. Указ. соч. — Т. 10. — С. 25—26, 33.
42. Отечественная война 1812 г. — Т. 19. — С. 9, 172—173; Бабаев Г. С. Роспись русским полкам... — С. 170; Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. — СПб., 1859. — Т. 1. — С. 495. — Примеч. 1.
43. Маринов В. И. Указ. соч. — С. 3.
44. Отечественная война 1812 г. — Т. 16. — С. 62; Маринов В. И. Указ. соч. — С. 18.
45. Богданович М. И. История отечественной войны 1812 г. — Т. 1. — С. 194.
46. Отечественная война 1812 г. — Т. 17. — С. 146.
47. Цит. по кн.: Маринов В. И. Указ. соч. — С. 10.
48. Там же; Хамин С. А., Афанасьев В. А. Алфавитный указатель частей войск, участвовавших в делах и сражениях Отечественной войны 1812 г., войн 1813—1814 гг. и участников этих войн... — СПб., 1911. — С. 33, 50, 105, 60, 70, 37, 47.
49. Отечественная война 1812 г. — Т. 14. — С. 44—57, 200; Т. 15 — С. 14; Т. 16. — С. 23.
50. Описано по кн.: Богданович М. И. История отечественной войны 1812 г. — Т. 1. — С. 293—298; Маринов В. И. Указ. соч. — С. 12—13.
51. Богданов Л. П. Боевой порядок русской армии в Бородинском сражении // 1812 год. К стапятидесятилетию Отечественной войны: Сборник статей. — М., 1962. — С. 101; Кутузов М. И. Сборник документов. — М., 1954. — Т. 4. — Ч. 1. Карты и схемы.
52. Цит. по кн.: Бородино: Документы, письма, воспоминания. — М., 1962, — С. 199.
53. Цит. по кн.: Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война. Описание войны 1812—1815 гг. — СПб., 1898. — С. 216.
54. Описано по кн.: Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. — Т. 2. — С. 204, 206, 209—212, 554—556; Отечественная война 1812 г. — Т. 16. — С. 116—118; Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. — С. 214—223; Маринов В. И. Указ. соч. — С. 15—16; и др.
55. Бородино... — С. 199.

56. Маринов В. И. Указ. соч. — С. 16; Хамин С. А., Афанасьев В. А. Указ. соч. — С. 104.
57. Маринов В. И. Указ. соч. — С. 16.
58. Дунаев Ю. Екатеринбургский пехотный полк // Уральский рабочий. — 1987. — 15 сент.
59. Маринов В. И. Указ. соч. — С. 17.
60. Цит. по кн.: Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. — М., 1988. — С. 186.
61. Отечественная война 1812 г. — Т. 19. — С. 273, 322, 370.
62. См.: Кутузов М. И. Сборник документов. — М., 1955. — Т. 4. — Ч. 2. — С. 110. — Примеч. 1; Хамин С. А., Афанасьев В. А. Указ. соч. — С. 64.
63. Описано по кн.: Кутузов М. И. Сборник документов. — Т. 4. — Ч. 2. — Примеч. 1. — С. 202; Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. — СПб., 1860. — Т. 3. — С. 73; Маринов В. И. Указ. соч. — С. 20—21.
64. Маринов В. И. Указ. соч. — С. 21—22.
65. Отечественная война. — Т. 19. — С. 96; Кутузов М. И. Сборник документов. — М., 1956. — Т. 5. — С. 114.
66. См.: Урал в Отечественной войне 1812 г.: Сборник документов. — Свердловск, 1945 — С. 12—14, 17, 20, 40—41, 46—49, 59.
67. Горловский В. Н. Горный город Екатеринбург. 1807—1863. Краткий очерк. — Свердловск, 1948. — С. 66.
68. Описано по кн.: Богданович М. И. История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам. — СПб., 1863. — Т. 2. — С. 536—537; Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии: Сборник документов. — М., 1964. — С. 357—358, 379; Маринов В. И. Указ. соч. — С. 28—29.
69. Маринов В. И. Указ. соч. — С. 29—30; Поход русской армии... — С. 479.
70. Богданович М. И. История войны 1814 г. во Франции и низложения Наполеона I по достоверным источникам. — СПб., 1865 — Т. 1. — С. 547.
71. Маринов В. И. Указ. соч. — С. 33.
72. Там же. — С. 34.
73. См.: Маринов В. И. Указ. соч. — С. 89, 109; Габеев Г. С. Роспись русским полкам 1812 г. — С. 18; Военная энциклопедия. — Изд-во И. Д. Сытина. — СПб., 1911. — Т. 9. — С. 316.
74. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 10. — С. 218; Габеев Г. С. Роспись русским полкам 1812 г. — Примеч. 1. — С. 53, 55.
75. ПСЗ. — Собр. первое. — Т. 42. — Ч. 2. — С. 188.
76. Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. — С. 483.
77. Описано по кн.: ПСЗ. — Собр. первое. — Т. 27—32; Т. 43. — Ч. 2; Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 10. — С. 196—218; Габеев Г. С. Роспись русским полкам 1812 г. — С. 13—67, 170—171.
78. Отечественная война 1812 г. — Т. 5. — С. 154.
79. См.: Федоров В. Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. — СПб., 1911. — С. 26—32, 349. — Рис. Г—3.
80. См.: Федоров В. Г. Холодное оружие. — СПб., 1903. — С. 83—84.
81. Маринов В. И. Указ. соч. — С. 112.

ГЛАВА IV

1. Очерки истории Свердловска. — 1958. — С. 40.
2. См.: Горловский В. Н. Указ. соч. — С. 9—13.
3. Очерки истории Свердловска. — 1958. — С. 36.

4. ПСЗ. — Собр. первое. — Т. 43. Книга штатов. Узаконения о мундирах. — С. 92; Собр. второе. — Т. 1. — С. 225—226.
- о. Там же. — Т. 43. Книга штатов. Узаконения о мундирах. — С. 85.
6. Там же.
7. Там же. — С. 87.
8. См., например: Там же. — Собр. второе. — Т. 14. — С. 167.
9. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 13. — С. 42—43.
10. Там же. — Т. 10. — С. 194.
11. Там же. — Т. 13. — С. 35—36, 37—38; ПСЗ, — Собр. первое. — Т. 43. Книга штатов. Узаконения о мундирах. — С. 132, 139—140.
12. Очерки истории Свердловска. — 1958. — С. 62—63.
13. ПСЗ. — Собр. первое. — Т. 44. — Ч. 2. Книга штатов. — Отд. 4. — Царствование Александра I. — С. 162.
14. ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 1584, л. 42—43, 416.
15. Там же, л. 1—2; ПСЗ. — Собр. первое. — Т. 37. — С. 171—172.
16. ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 1584, л. 2—6 об., 13.
17. Там же, л. 2, 42—43, 61—62, 66; Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 13. — С. 44—45.
18. ПСЗ. — Собр. первое. — Т. 43. Книга штатов. Узаконения а мундирах. — С. 146.
19. Там же, — С. 148.
20. Декабристы: Биографический справочник. — М., 1988. — С. И, 220, 266.
21. Цит. по кн.: Федоров В. А. Солдатское движение в годы декабристов. — М., 1963. — С. 21.
22. Бегунова А. Путь через века. — С. 251, 254.
23. Федоров В. А. Указ. соч. — С. 40; Семевски и В. И. Политические и общественные идеи декабристов. — СПб., 1909. — С. 125.
24. Павлова Л. Я. Декабристы — участники войн 1805—1814 гг. — М., 1979. — С. 38, 51, 99.
25. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 10. — С. 58.
26. Мемуары декабристов/Сост. М. В. Довнар-Запольский. — Киев, 1906, — С. 6.
27. См.: Декабристы: Биографический справочник. — С. 135.
28. Центральный государственный архив Октябрьской революции' СССР, ф. 48, оп. 1, д. 252, л. 1—15.
29. Яровой Ю. Станный генерал Глинка//Рифей: Уральский литературно-краеведческий сборник. — Челябинск, 1976. — С. 159—223.
30. Гессе н А. И. Во глубине сибирских руд... — М., 1969. — С. 97.
31. Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В 11 т. — М., 1951 — Т. 10, — С. 211.
32. Цит. по кн.: Марголис А. Д. Путь следования декабристов в Сибирь//Декабристы и Сибирь. — Новосибирск, 1977. — С. 164.
33. См., например: Розен А. В ссылку: Записки декабриста. — М., 1900. — С. 100—103.
34. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 13. — С. 32—33; Т. 15. — С. 38; Т. 21. — С. 17—18; Т. 24. — С. 6; Т. П. — С. 82—84.
35. ПСЗ. — Собр. пеовое. — Т. 38. — С. 827; Висковатов А. В Указ. соч. — Т. 25. — С. 26.
36. Т а л ь с к а я О. С. Декабристы в Екатеринбурге. — Свердловск, 1957. — С. 5, 41.

37. Там же. — С. 12—14; Козлов А. Листая архивы//Урал. — 1975. — № 12. — С. 107.
38. ПСЗ. — Собр. первое. — Т. 43. Книга штатов. Узаконения о мундирах. — С. 146.
39. Там же. — С. 140.
40. ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 1584, л. 14—14 об., 42.
41. Там же, л. 67, 81, 83, 160, 307; и др.
42. В и с к о в а т о в А. В. Указ соч. — Т. 19. — С. 75—76.
43. ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 1584, л. 416.
44. Там же, л. 341—345 об., 380—387.
45. В и с к о в а т о в А. В. Указ. соч. — Т. 22. — С. 8.
46. Там же. — С. 9—10.
47. ГАСО, ф. 122, оп. 1, д. 3, л. 10.
48. ПСЗ, — Собр. второе. — Т. 9, — Отд. 1. — С. 2.
49. В и с к о в а т о в А. В. Указ. соч. — Т. 19. — С. 78.
50. Весь Екатеринбург. — Т. 1. — С. 35.
51. ГАСО, ф. 122, оп. 1, д. 3, л. 2—41.
52. В и с к о в а т о в А. В. Указ. соч. — Т. 22. — С. 11—12; Глинка В. М. Указ. соч. — С. 58; ПСЗ. — Собр. второе. — Т. 19. — Отд. 1. — С. 35—36.
53. Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 44, оп. 2, д. 1250, л. 48 об.
54. В и с к о в а т о в А. В. Указ. соч. — Т. 22. — С. 14—16.
55. Там же. — С. 17.
56. Весь Екатеринбург. — Т. 1. — С. 37.
57. Там же. — С. 36.
58. ПСЗ. — Собр. второе, — Т. 22. — Отд. 2. — С. 84, 86.
59. Там же, — Т. 9. — Отд. 1. — С. 180.
60. Русский костюм. 1830—1850. — М., 1961. — Вып. 2. — С. 100.
61. ПСЗ. — Собр. второе — Т. 7. — С. 254; Т. 22. — Отд. 2, — С. 86.
62. Там же. — Т. 14. — С. 167.
63. Там же, — Т. 28. — Отд. 2, — С. 59.
64. Там же. — Отд. 1. — С. 193.
65. Г о р л о в с к и й М. А. Указ. соч. — С. 127.
66. В и с к о в а т о в А. В. Указ соч. — Т. П. — С. 82—84; Т. 21, — С. 17—18.
67. Весь Екатеринбург. — Т. 1. — С. 35.
68. ПСЗ. — Собр. второе. — Т. 9. — Отд. 1. — С. 1—7; Отд. 2 — С. 6.
69. Там же, — Т. 9. — Отд. 1. — С. 7.
70. См.: Там же. — С. 7—8. Штаты Горного института; см.: Там же. — Отд. 2, — С. 750—752.
71. Там же. — Т. 4. — С. 459—460.
72. Там же. — Т. 8. — Отд. 1. — С. 137—138; Т. 9. — Отд. 1. — С. 180—181.
73. Там же. — Т. 14. — Отд. 1. — С. 112—114.
74. Там же. — Т. 22. — Отд. 2. — С. 83, 86.
75. Там же. — Т. 14. — Отд. 2. — С. 42.
76. Там же. — Т. 9. — Отд. 1. — С. 175.
77. Там же. — Т. 14. — Отд. 2. — С. 560.
78. Русский костюм. — Вып. 2. — С. 7, 14, 70—71; ПСЗ. — Собр. второе. — Т. 9. — Отд. 1. — С. 170—172; Жалнин П. С. Форменный костюм в спектакле//Сценическая техника и технология. — 1970. — № 6. — С. 15—18.
79. Составлено по кн.: ПСЗ. — Собо. второе. — Т. 9. — Отд. 1, — С. 174—178; Жалнин П. С.—Указ. соч. — 1979. — № 6. — С. 17.
80. ПСЗ. — Собр. второе. — Т. 9 — Отд. 1. — С. 172—173.

81. Цит. по кн.: Яровой Ю. Указ. соч. — С. 169.
82. См.: Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статуты. — СПб., 1891. — С. 37—38.
83. См., например: Русский биографический словарь. — М., 1916 — Т. 5. — С. 271.
84. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 25. — С. 15.
85. См.: Исторический очерк российских орденов... — С. 515.
86. Столетие военного министерства. Императорская главная квартира. История государевой свиты. — СПб., 1908. — С. 300.
87. Цит. по кн.: Очерки истории Свердловска. — 1958. — С. 67.
88. Цит. по кн.: Тарле Е. В. Крымская война. — М.; Л., 1944. — Т. 2, — С. 97.
89. Маринов В. И. Указ. соч. — С. 58.
90. Там же. — С. 58—59.
91. Цит. по кн. з Тарле Е. В. Указ. соч. — С. 98.
92. Толстой Л. Н. Севастополь в декабре месяце//Собр. соч.: В 14 т. — М., 1951. — Т. 2, — С. 118.
93. Маринов В. И. Указ. соч. — С. 61.
94. Там же. — С. 74.
95. Там же. — С. 85.
96. Там же. — С. 88—89.
97. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 19. — С. 174—223.
98. Маринов В. И. Указ. соч. — С. 83.
99. Толстой Л. Н. Севастополь в августе 1855 года//Собр. соч.: В 14 т. — Т. 2. — С. 180.
100. ПСЗ. —Собр. второе—Т. 31. —Отд. 1. —С. 554.
101. Там же. —Отд. 2. —С. 101; Т. 32, — Отд. 1. —С. 825;
- Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 28. — С. 20.
102. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 28. — С. 35; Глинка В. М. Указ. соч. — С. 72.
103. Висковатов А. В. Указ. соч. —Т. 28. —С. 32; Глинка В. М. Указ. соч. — С. 74—75.
104. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 30. — С. 20, 24.
105. Там же. —Т. 28, —С. 20, 24; Т. 29. —С. 20, 22—23.
106. ПСЗ. —Собр. второе, —Т. 33. —Отд. 3. —С. 190. См. также: Висковатов А. В. Указ. соч. —Т. 29. —С. 22—23; Т. 30. —С. 7.
107. Висковатов А. В. Указ. соч. —Т. 29—С. 76; Т. 30. —С. 74.
108. Там же. —Т. 29. —С. 77.
109. Там же. —Т. 30. —С. 107.
- НО. Подробнее см.: ПСЗ. —Собр. второе. —Т. 30, —Отд. 1. —С. 272—274; Т. 31. — Отд. 2. — С. 53—56; и др.
111. Там же. — Т. 31. — Отд. 2. — С. 54—55; Свод правил о форме одежды... —СПб., 1895; Описание формы одежды чинам гражданского ведомства и правила о ношении сей формы. — СПб., 1856.
112. Жалнин П. С. Указ. соч. —1980, —№ 2. —С. 26—28; 1981. —№ 3. —С. 26.
113. ПСЗ. —Собр. второе. —Т. 30. —Отд. 2. —С. 113; Т. 32, —Отд. 2. — С. 16.
114. Там же, —Т. 33. —Отд. 2. —С. 559; Отд. 3. —С. 425.
115. Там же. —Т. 30. —Отд. 2. —С. 127—128.
116. Там же. —Т. 33. —Отд. 3. —С. 316.
117. Подробнее см.: Там же. —Т. 31, — Отд. 2. —С. 91—93.
118. Там же. —Т. 32. —Отд. 2. —С. 216.
119. Там же. — Т. 34. — Отд. 1. — С. 799—800.
120. Там же. — Т. 31. — Отд. 1. — С. 38—39.

ГЛАВА V

1. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности министерства государственных имуществ. 1837—1887. — СПб., 1888. — Ч. 3 — С. 18—19.
2. Г о р л о в с к и й М. А. Указ. соч. — С. 87; Очерки истории Свердловска. — 1958. — С. 89.
3. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 29. — С. 45, 77; Глинка В. М. Указ. соч. — С. 84—85.
4. ГАСО, ф. 122, оп. 1, л. 63, л. 34.
5. ПСЗ. — Собр. второе. — Т. 38. — Отд. 1 — С. 440.
8. Там же — Т. 40. — Отд. 1 — С. 316—317; Висковатов В. А. Указ. соч. — Т. 31 — С. 150.
7. ПСЗ. — Собр. второе. — Т. 40. — Отд. 2. — С. 96—97.
8. Там же — Отд. 1, — С. 683.
9. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности... — С. 18.
10. ПСЗ. — Собр. второе — Т. 40, — Отд. 1. — С. 316; Отд. 2. — С. 97.
- П. Там же. — Т. 40. — Отд. 2. — С. 145—146; Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 31. — С. 4, 49—50, 53, 138.
12. Висковатов А. В. Указ. соч. — Т. 31. — С. 135.
13. ПСЗ. — Собр. второе. — Т. 39. — Отд. 2. — С. 159; Т. 49. — Отд. 2. — С. 410; Т. 53. — Отд. 2. — С. 169.
14. См.: Глинка В. М. Указ. соч. — С. 77—79, 85; Шенк В. К. Таблицы форм обмундирования русской армии. — СПб., 1911; 3 в е г и н ц о в В. В. Русская армия в 1914 г. — Париж, 1959.
15. ПСЗ. — Собр. второе. — Т. 38. — Отд. 1. — С. 181—182.
16. Там же. — Т. 39. — Отд. 3. — С. 87—88.
17. Там же. — Т. 42. — Отд. 2. Штаты. — С. 56.
18. Там же. — Т. 47 — Отд. 1. — С. 139.
19. Там же. — Т. 48, — Отд. 3, — С. 625.
20. Там же. — Т. 53 — Отд. 3 — С. 336—337.
21. Там же.
22. Там же. — Т. 42 — Отд. 1. — С. 844.
23. См.: Там же. — Т. 44. — Отд. 3. Штаты, — С. 647; Т. 51. — Отд. 3, — С. 72—73.
24. Там же — Т. 42. — Отд. 2 — С. 447—448; Т. 41. — Отд. 2. — С. 374.
25. См.: Там же — Т. 42. — Отд. 2. — С. 729, л. 10; С. 141, 732.
26. Описано по кн.: Там же. — Т. 53. — Отд. 3. — С. 536—538, л. 73—80.
27. Описано по кн.: Там же. — Т. 43 — Отд. 3. — С. 577; Т. 44, — Отд. 3. — Л. 69—72, 109, 113—117; Т. 51. — Отд. 3. — Л. 16—21; Собр. третье. — Т. 5 — Л. 20—25.
28. Жалнин П. С. Указ. соч. — 1981. — № 1. — С. 25—26; Русский костюм. — Вып. 4. — 1870—1890. — М., 1965. — С. 160—161.
29. ПСЗ — Собр. второе — Т. 43. — Отд. 2. — С. 362.
30. Описано по кн.: Там же. — Собр. третье. — Т. 4. — С. 133—135. л. 3—11; Т. 8. — С. 39; Т. 12. — л. 1—2; Свод правил о форме одежды чинов министерства внутренних дел, тюремного ведомства... — СПб, 1895. — С. 1—12.
31. ПСЗ. — Собр. второе. — Т. 39. — Отд. 3. — С. 443; Т. 40. — Отд. 3, — Л. 34—35; Собр. третье. — Т. 3 — Л. 7; Т. 15. — Л. 7—10; Т. 18. — Отд. 1, — С. 823; Отд. 2. — С. 256; Описание форм обмундирования чинов гражданских ведомств... — М., 1898. — С. 3—23.

32. ПСЗ. — Собр. третье. — Т. П. — С. 376, л. 25.
33. Жалнин П. С. Указ. соч. — 1981. — № 1. — С. 26; ПСЗ. — Собр. третье. — Т. 2. — С. 262, л. 7; фотографии.
34. ПСЗ—Собр. третье. — Т. 4. — С. 271, л. 42-
35. Там же. — Т. 20, — Отд. 1 — С. 1073; Отд. 2. — С. 463, л. 32—33-
36. Там же. — Собр. второе. — Т. 45. — Отд. 3. — Л. 3.; Жалнин П. С. Указ. соч. — 1981. — № 1. — С. 25; Русский костюм. — Вып. 4 — С. 160—161.
37. См.: ПСЗ. — Собр. третье — Т. 12. Штаты. — С. 75, л. 16[^] Т. 9. Штаты. — С. 424—425, л. 35; Т. 10 — № 6446а; Жалнин П. С. Указ. соч. — 1981. — № 1 — С. 26—29; Ривош Я. Н. Время и вещи. Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. — М., 1990 — С. 189—194.
38. Жалнин П. С. Указ. соч. — 1981, — № 1. — С. 26; фотографии.
39. Сологуб Ф. Мелкий бес//Свет и тени: Избранная проза. — Минск, 1988, — С. 67.
40. См.: ПСЗ — Собр. третье. — Т. 17. — С. 435, л. 29; Описание форм обмундирования чинов гражданских ведомств... — С. 40—45.
41. ПСЗ. — Собр. третье. — Т. 7. Штаты. — С. 145—146.
42. Описано по кн.: Там же. — Т. 5. — Л. 28—30; Свод правил о форме одежды чинов министерства внутренних дел, тюремного ведомства... — С. 30—41.
43. Маринов В. И. Указ. соч. — С. 101—103.
44. Описано по кн.: Бегунова А. Русская армия в 1881—1894 гг. Краткий обзор по книге В. Звегинцова «Русская армия». — Ч. 7. — М., 1988 (рукопись); Глинка В. М. Указ. соч. — С. 86—87.
45. Маринов В. И. Указ. соч. — С. 110—111.
46. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 409, оп. 1, д. 26657, л. 1—6.
47. См.: ПСЗ. — Собр. третье. — Т. П. — С. 225; Штаты. — С. 101 (в ПСЗ опечатка: вместо «214» — «294»).
48. См., например: Там же. — Т. 7. — Д. 10—12; Гренадерские и пехотные полки (181-й — 208-й пехотные полки). Дополнение. — СПб., 1912, — С. 21.
49. О И. А. Шатрове и истории создания вальса см.: З е л и ч е н к о Б. Капельмейстер Мокшанского полка//Уральский следопыт. — 1981. — № 12. — С. 48—49; Еремина Л., Еремин Г. «На сопках Маньчжурии»//Музыкальная жизнь. — 1980. — № 20. — С. 22.
50. См.: ПСЗ. — Собр. третье. — Т. 17 — С. 425, л. 22—23.
51. Русский костюм. 1890—[^]1917. — М., 1972, — Вып. 5. — С. 200—203; Описание и правила ношения форменной одежды для гражданских чинов ведомства министерства народного просвещения. — СПб., 1905; Описание и правила ношения форменной одежды для гражданских чинов ведомства министерства путей сообщения. — СПб., 1905; и др.
52. Шенк В. К. Указ. соч.
53. См.: Невский Н. Г. Реформа обмундирования 1907 г. — СПб., 1908. — Вып. 1—2; Глинка В. М. Указ. соч. — С. 90—91; Звегинцов В. В. Русская армия в 1914 г. — А—10—11. 18—20; В—49, 78; Военно-исторический журнал. — 1990. — № 6. — С. 64.
54. А н д о л е н к о С. Нагрудные знаки русской армии. — Париж, 1966. — С. 17, 109, 230.
55. С п и р и д о н о в А. А. В служении ремеслу и музам. — М., 1989. — С. 86.

56. Гренадерские и пехотные полки (181-й — 208-й пехотные полки). Дополнение. — С. 29.
  57. Весь Екатеринбург. 1910. — Екатеринбург, 1910. — С. 121.
  58. Там же. 1911. — Екатеринбург, 1911, — С. 120.
  59. Андоленко С. Указ. соч. — С. 155.
  60. Гренадерские и пехотные полки... Дополнение. — С. 29.
  61. Описано по кн.: Невский Н. Г. Указ. соч. — Ч. 1. — С. 5—6;
- Шенк В. К. Указ. соч.; Звегинцов В. В. Русская армия в 1914 г.

ГЛАВА VI

1. Центральный Государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 2651, оп. 2, д. 423, л. 1.
2. Глинка В. М. Указ. соч. — С. 95; Жалнин П. С. Указ. «оч. — 1982. — № 1. — С. 29.
3. ЦГВИА, ф. 2651, оп. 2, д. 423, л. 2.
4. Там же, л. 3—4 об.
5. Там же, л. 10—12; ф. 408, оп. 1, д. 3031, л. 4 об. — 5.
6. Там же, ф. 2651, оп. 2, д. 423, л. 18—20.
7. Там же, л. 20 об.
8. Там же, л. 22—23.
9. Там же, л. 24—39.
10. Там же, л. 40.
11. Там же, л. 40 об. — 41.
12. Там же, л. 42—47.
13. Там же, ф. 408, оп. 1, д. 3031, л. 5.
14. Козлов А. Г. О населении Екатеринбурга во второй половине 1916 и в начале 1917 г. // Материалы 2-й научной конференции по истории Екатеринбурга — Свердловска. — Свердловск, 1950. — С. 241.
15. Там же, с. 242.
16. Там же, с. 242; Ривош Я. Н. Указ. соч. — С. 260—278.
17. Жалнин П. С. Указ. соч. — 1982. — № 1. — С. 29; Ривош Я. Н. Указ. соч. — С. 260—278.
18. Там же. С. 29—30; Глинка В. М. Указ. соч. — С. 90—98, 225 и др.
19. Военно-исторический журнал. — 1990. — № 6. — С. 64; вклейка.
20. Описано по кн.: Карашук А. Униформа степовых казачьих войск. 1907—1917 гг. — М., 1988 (рукопись); Ривош Я. Н. Указ. соч. — С. 243—246.
21. См., например: Горький М. Жизнь Клима Самгина // Поли. собр. соч.: В 25 т. — М., 1975. — Т. 24. — С. 503.
22. ЦГВИА, ф. 2651, оп. 2, д. 424, л. 1—2.
23. Там же, л. 2—8.
24. Там же, д. 425, л. 1—2.
25. Там же, л. 3.
26. Там же, л. 4—9; д. 426, л. 1—2.
27. Там же, д. 426, л. 7—10.
28. Там же, л. 11—24.
29. Там же, л. 24—25.
30. Там же, л. 26—28.
31. Там же, л. 28—37; д. 427, л. 1—2.
32. Там же, д. 427, л. 2—20.
33. Там же, л. 21—23; ф. 2340, оп. 2, д. 551, л. I.

34. Там же, ф. 2340, оп. 2, д. 551, л. 2—7.
35. Там же, л. 8—10 об.
36. Там же, л. 11—15 об.
37. Там же, л. 16 об. — 19.
38. Там же, л. 20.
39. Там же, л. 23.
40. Там же, л. 23 об. — 41.
41. Там же, л. 41—44.
42. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. — 3-е изд., доп. — М., 1987. — С. 156.
43. Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале. — Свердловск, 1961. — С. 74.
44. Очерки истории Свердловска. — 1958. — С. 132—133.
45. Захаров С. А. Герои Октября. — Свердловск, 1981. — С. 47.
46. Наумов К. В те далекие годы//Урал. — 1973. — № 11. — С. 97.
47. Попов Н. Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. — Саратов, 1983. — С. 139.
48. Разложение армии в 1917;. — М.; Л., 1925. — С. 51.
49. Наумов К. Указ. соч. — С. 98.
50. Цит по кн.: Попов Н. Н. Указ. соч. — С. 79.
51. Там же. — С. 80.
52. ЦГВИА, ф. 2340, оп. 2, д. 551, л. 84—86.
53. Там же, л. 95, 97, 99, 105.
54. Цит. по кн.: Захаров С. А. Матрос революции. — Свердловск, 1979 — С. 51.
55. Попов Н. Н. Указ. соч. — С. 127.
56. Попов Н. Н. Указ. соч. — С. 139.
57. Захаров С. А. Матрос революции. — С. 53—54.
58. Наумов К. Указ. соч. — С. 100.
59. Там же.
60. ЦГВИА, ф. 2340, оп. 2, д. 551, л. 121—125; Библиотека ЦГВИА, инв. № 19885, л. 47.
61. См., например: Бердииков Н. Н. Город в двух измерениях. — 2-е изд. — Свердловск, 1979 — С. 95.
62. См.: Жални и П. С. Указ. соч. — 1982. — № 3. — С. 38—39'.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3	
Глава 1. Петровское детище	5	
Глава 2. Мужичьи армяки и солдатские кафтаны	35	
Глава 3. Екатеринбургские мушкетеры	69	
Глава 4. Военизированное горное царство	105	
Глава 5. Чиновничий город	157	
Глава 6. В начале великих потрясений	195	
Источники и литература	222	

Земцов В. Н., Ляпин В. А.

3-51 Екатеринбург в мундире. — Екатеринбург: Сред. -
Урал. кн. изд-во, 1992. — 240 с: ил.

ISBN 5—7529—0477—3

С 27. 10 000 экз.

Об истории форменной одежды военных и чиновников горнозаводского Урала XVIII — начала XX века. Книга рассчитана на всех, кто интересуется историей Урала и историей одежды.

3 1805080000-027
М 158(03)-92 44-92

ББК 63. 3(2)

**ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ЗЕМЦОВ
ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЯПИН
ЕКАТЕРИНБУРГ В МУНДИРЕ**

Редакторы Л. Г. Золотарева, Ю. А. Дорохов
Художник Ю. В. Пятков
Художественный редактор В. С. Солдатов
Технический редактор Н. Н. Заузолкова
Корректоры Т. Г. Калугина, Н. И. Тунгусова

1-й форзац. В. П. Петров. Екатеринбург в 1789 г. Копия конца XIX в. с оригинала. (Из фондов СГИКМ.)

2-й форзац. Митинг солдатских частей перед Верх-Исетским театром в Екатеринбурге. Начало марта 1917 г. (Из фондов СГИКМ.)

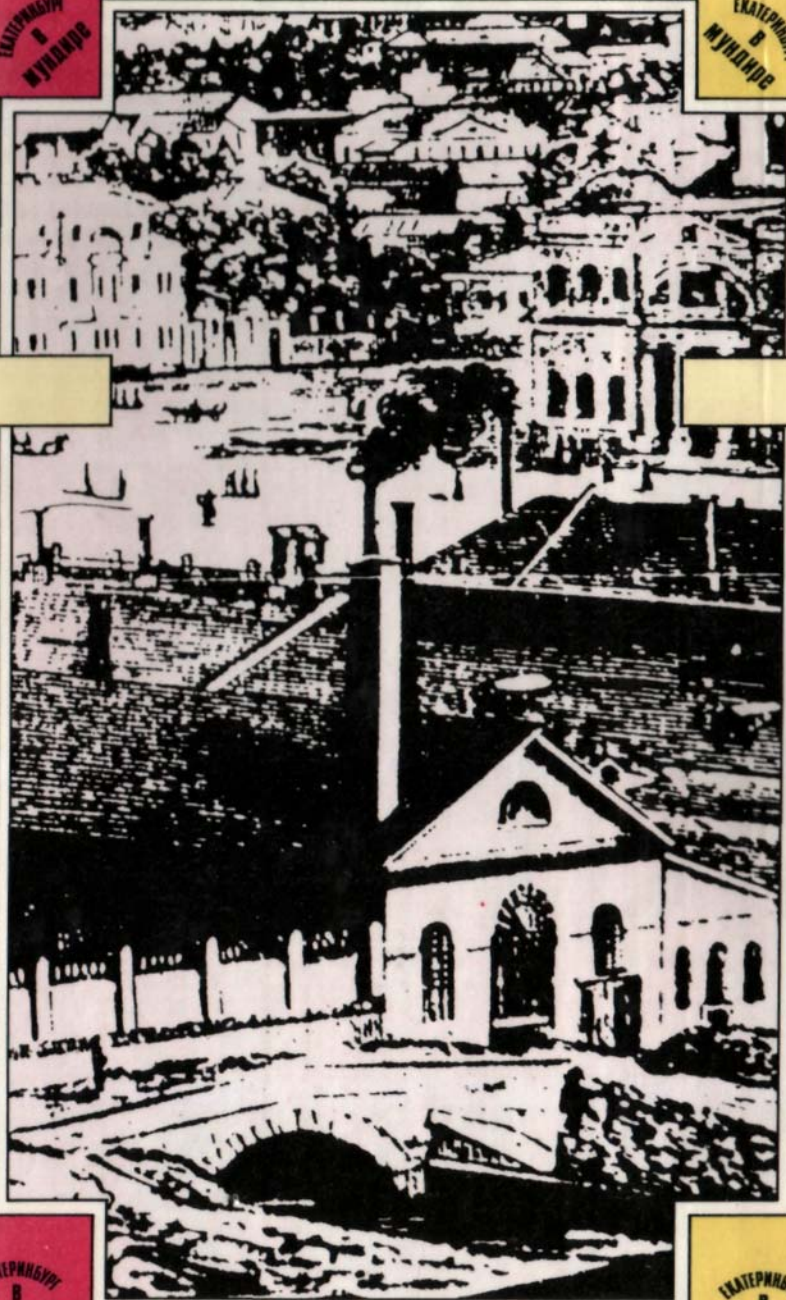

ЕКАТЕРИНБУРГ
в
мундире

ЕКАТЕРИНБУРГ
в
мундире

ЕКАТЕРИНБУРГ
в
мундире

ЕКАТЕРИНБУРГ
в
мундире